

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН**

**XX СЪЕЗД КПСС
В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ**

**Москва
2012**

XX съезд КПСС в контексте российской истории / отв. ред. А.С. Сенявский; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М., 2012. – 220 с.

Книга посвящена неординарному, недооцененному и во многом мифологизированному событию в советской истории, имевшему далеко идущие последствия как для судьбы СССР, так и для общемировых процессов, и представляет собой сборник статей, подготовленных на основе докладов, сделанных авторами на «круглом столе» на тему «XX съезд КПСС: роль в исторической судьбе СССР и советской системы» (к 50-летию со дня проведения), который был организован на базе Центра «Россия, СССР в истории XX века» Института российской истории РАН и проведен 28 февраля 2006 г. Целью и этого научного мероприятия, и данного сборника было отразить основные проблемы, которые затронул съезд, и выявить широкую палитру мнений, основанную на авторских исследованиях профессиональных историков.

Для историков и более широкого круга читателей.

Ответственный редактор:
д-р ист. наук *А.С. Сенявский*

Рецензенты:
д-р ист. наук *В.Б. Жиромская*,
(Институт российской истории)
канд. ист. наук, доц. *С.В. Карпенко*
(Российский государственный гуманитарный университет)

Утверждено к печати Ученым советом
Института российской истории РАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

XX съезд КПСС – кульминация «хрущевского десятилетия», и, действительно, по своей значимости – его крупнейшее событие. В свою очередь кульминацией съезда и причиной, почему он так выделяется в ряду многих партийных форумов, был секретный доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях». В самом названии доклада заключены ограниченность и противоречия как эпохи, так и мировоззрения коммунистического лидера и предложенного им взгляда на сложное явление через призму искусственной идеологемы «культ».

Реальные последствия доклада для КПСС, советской системы, коммунистической идеи и коммунистического движения, а в конечном счете, и для мировой истории оказались отнюдь не менее драматичными, нежели изображенные – как действительные, так и надуманные Хрущевым – последствия «культ» И.В. Сталина.

Исторический смысл XX съезда невозможно понять, исходя из него самого, – тех событий, которые на нем происходили, и тех решений, которые принимались. И события, и решения, и содержание секретного доклада давно известны. Понять суть этого съезда можно только, во-первых, в контексте всей деятельности Хрущева и места в советской истории «хрущевского десятилетия»; во-вторых, – во всем пространстве российской истории, что, в общем-то, до сих пор по-настоящему не сделано.

Преданная остракизму после 1964 г. хрущевская «эпопея» реформ, экспериментов, переоценки ценностей предшествующего периода стала востребованной идеологами и политиками новой – горбачевской – партийной команды, в очередной раз утверждавшейся у власти за счет ниспровержения авторитетов непосредственных предшественников, на этот раз – критики брежневского периода, и искавшей своим начинаниям идейную опору. Именно пафосом «сокрушения авторитетов» хрущевский XX съезд весьма подходил новым экспериментаторам

и «нигилистам». От брежневского периода протягивали нить к «сталинизму» как более глубоким корням пороков советского общества, а массовые репрессии были столь явным, простым и благодатным объектом критики, что заслоняли все остальное и позволяли обвинить «систему» во всех смертных грехах.

От очередного пересмотра оценок не осталась в стороне и историческая наука, пребывавшая сначала в русле «марксистско-ленинской» парадигмы. Деятельность Хрущева привлекла повышенное внимание исследователей во второй половине 1980-х годов в контексте «перестроечных» настроений, надежд и планов, основанных на наивных идеях «шестидесятников» в духе «коммунистического романтизма» – возвращения к «ленинским истокам», гуманизации социализма и т.п. Толчком для возникновения этого неоформленного течения и идейной его опорой как раз и стали позиции XX съезда. А с 1985 г. постаревшие шестидесятники, которых заставили «придержать язык» при Брежневе, оказались на время востребованными в контексте курса М.С. Горбачева, А.Н. Яковлева и др. На этой ниве отметились и многие молодые историки, «стимулированные» новой конъюнктурой. Но «вынутые из сундуков» пропыленные идеи и подходы недолго пользовались спросом.

Радикальный поворот начала 1990-х, национально-государственная катастрофа – развал СССР, распад мировой социалистической системы и утверждение «глобализации» при гегемонии США заставляют по-новому взглянуть на весь исторический процесс XX века. При этом даже крайне инерционная историческая наука переживает определенное и относительно скорое «отрезвление» от периода, когда многие авторы в историко-публицистических опусах радостно захлебывались от разоблачения «пороков тоталитаризма», заполнения (как правило, черной краской) «белых пятен» советской истории и т.д. Конъюнктурность, примитивность, интеллектуальная скудость «кавалерийского наскока» на советскую историю, да и всю российскую историю XX века становятся все более очевидными лишь сегодня, в начале XXI века, когда современная Россия по геополитическим позициям отброшена на уровень XVII века, когда «демократизация» и «капитализация» страны не по-

могли ей стать полноправным и равным западным лидерам партнером, когда идет тотальное наступление Запада, и прежде всего, США, считающих возможным по своей прихоти подавлять суверенные государства, угрожать независимости и целостности любой «неудобной» стране: бомбить и расчленять Югославию, оккупировать Ирак, устраивать «цветные» революции, а точнее – антигосударственные перевороты – на постсоветском пространстве, продвигать НАТО на восток, ставя под угрозу всю европейскую часть нашей страны, «прессовать» Россию, навязывая ей неприемлемые условия вступления в ВТО и т.д. и т.п. Короче говоря, ущемлять коренные интересы России, в том числе строя планы «цветной» революции и расчленения нашей страны. Избавление от «демократических» и «либеральных» иллюзий заставляет даже заблуждавшихся (честно, а не своекорыстно) исследователей посмотреть на новейшую отечественную историю под иным углом зрения. В том числе геополитическим: идеологии (режимы, модели политического и социально-экономического устройства и т.д.) приходят и уходят, а Россия остается... И у нее нет и не может быть настоящих друзей и постоянных союзников, но есть непреходящие коренные интересы.

Российская (сначала советская, а затем постсоветская) историческая наука прошла путь от критики Сталина, затем «брежневщины», затем и самого Хрущева (сумбурности и ограниченности его начинаний) – к ниспровержению авторитета Ленина и самой коммунистической идеи, всего советского периода – включая и «прорабов перестройки», и самого Горбачева. Но позже – уже в середине 1990-х годов – Н.С. Хрущев политикам, идеологам, а потом и конъюнктурным историкам стал куда менее интересен: в обществе решались задачи не создания «социализма с человеческим лицом» (идеологема «еврокоммунизма»), а передела власти и собственности, полномасштабной реставрации капитализма.

Глубокое, полноценное исследование советской истории постепенно стало полем деятельности настоящей, прежде всего, академической науки. И хотя влияние различных идеологем, да и конъюнктурных интересов нельзя в исследовании со-

ветской тематики исключить полностью, можно констатировать, что ученый сегодня от них куда более свободен, чем еще 15 и даже 10 лет назад. Тем более, что страсти улеглись, иллюзии рассеялись, и тот, кто честен перед самим собой, может не лукавить и не приспосабливаться к «запросам общества». Сегодня необходимо системное видение советской истории – в контексте всей российской и всей мировой.

50-летний юбилей съезда явился «информационным поводом» для того, чтобы вновь обратиться к той эпохе. И средства массовой информации, и научное сообщество, в общем-то, уделили этому событию немалое внимание. Политжурналистские «тусовки» в основном «отметились» в прежнем, начала 1990-х годов, духе: их доминантой была простенькая идея о том, что Хрущев, конечно, молодец, что разоблачил тирана Сталина, но, в общем-то, не так много и сделал – продолжал «строить коммунизм», дальше не пошел, а надо было ломать систему и т.д. и т.п. Но в СМИ появились и новые, более адекватные оценки, суть которых в том, что – если дать определение по аналогии с афоризмом Александра Зиновьева – Хрущев целил в Сталина, а попал в коммунизм.

Нам думается, разрушительный потенциал его действий оказался куда больше, чем у самого А. Зиновьева, который преувеличил значимость своих философско-критическихopusов, заявив, что «целил в коммунизм, а попал в Россию». Он-то в Россию не попал: его работы (или, чаще, идеи) знал ограниченный круг интеллектуалов – «оппозиционеров на кухне» и «слушателей западных голосов» («Зияющие высоты» прозвучали на западном радиоканале, транслировавшимся на СССР). А Хрущевский доклад потряс до основания всю мировую коммунистическую конструкцию – от массового сознания советских людей до коммунистических структур в лице компартий на Западе, элиты и руководства социалистических стран. И, подорвав коммунизм, не только предопределил проигрыш в «холодной войне», но и нанес непоправимый удар по России.

Вместе с тем, XX съезд был событием, которое далеко не ограничивалось «секретным докладом» Н.С. Хрущева, а впи-

сывалось в широкий контекст общественно-политической и социально-экономической жизни страны.

Институт российской истории РАН не мог остаться в стороне от обсуждения XX съезда и совокупности связанных с ним тем. Речь не шла о том, чтобы взяться «вдруг» за их изучение: и в центре «Россия, СССР в истории XX века», и в Институте в целом немало сотрудников ведет многолетние исследования хрущевского периода. Задача была «сверить часы» – сопоставить и обобщить результаты этих исследований, постараться создать более целостную картину из конкретных тематических аспектов.

На базе Центра был подготовлен и 28 февраля 2006 г. проведен в Институте российской истории РАН «круглый стол» на тему «XX съезд КПСС: роль в исторической судьбе СССР и советской системы: (к 50-летию со дня проведения)». Основными докладчиками стали сотрудники Центра, выступившие по темам, в которых они являлись специалистами, а также сотрудники из других подразделений Института и других организаций. В докладах нашли отражение такие темы, как: «XX съезд КПСС на весах истории» (д-р ист. наук А.С. Сенявский); «Отклики на XX съезд КПСС в стране и за рубежом» (д-р ист. наук, проф. Ю.В. Аксютин); «Секретный доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС: первый шаг в пропасть» (д-р ист. наук Ю.Н. Жуков); «XX съезд и ликвидация ГУЛАГа» (д-р ист. наук Г.М. Иванова); «XX съезд и социально-экономическая политика» (д-р ист. наук В.А. Шестаков); «XX съезд и изменения военной политики: международные и внутренние аспекты» (д-р ист. наук И.В. Быстрова); «Вопросы внешней политики СССР на XX съезде» (д-р ист. наук Л.Н. Нежинский); «XX съезд и геополитика» (д-р ист. наук Ю.П. Бокарев); «XX съезд, диссидентство и еврейский вопрос» (д-р ист. наук Г.В. Костырченко).

В ходе работы «круглого стола» велась дискуссия, позволившая докладчикам уточнить и сильнее аргументировать свои позиции. Большинство выступавших переработало свои доклады в статьи, которые и представлены в данном сборнике. В сборнике публикуются также статьи сотрудников Центра, не выступавших на «круглом столе» с докладами, но представив-

ших свои материалы для издания: «XX съезд КПСС и изменения в топливно-энергетической политике советского государства» (д-р ист. наук А.А. Иголкин); «XX съезд КПСС и общественные организации в СССР» (канд. ист. наук И.Н. Ильина); «XX съезд и женский вопрос в политике Н.С. Хрущева» (д-р ист. наук Л.Н. Денисова).

В сборнике отражено разнообразие авторских позиций, мировоззрений и оценок.

Издание рассчитано на историков-специалистов и всех, кто интересуется новейшей историей России.

А.С. Сенявский

XX СЪЕЗД КПСС НА ВЕСАХ ИСТОРИИ

XX съезд КПСС – далеко неординарное событие в истории не только коммунистической партии Советского Союза, не только самой страны, но и мира. Притом что на съезде рассматривалось немало вопросов в различных областях, неординарность ему придал «секретный» доклад Н.С. Хрущева.

Доклад, который был произнесен Хрущевым в самый последний день съезда, 25 февраля 1956 г., носил закрытый характер, а затем, в тщательно отредактированном виде, с устранением знаменитых хрущевских импровизаций, был доведен до сведения членов партии и «актива» без разрешения открыто обсуждать его содержание. Естественно, содержание доклада стало известно гораздо более широким слоям населения страны, а также за рубежом.

Доклад с его обвинительным пафосом, находившийся во вполне традиционном русле принятых в партии форм борьбы внутрипартийных группировок за власть и субъективно направленный на упрочение позиций докладчика – Первого секретаря партии – и оттеснение его конкурентов, имел, однако, гораздо более далеко идущие последствия, нежели рассчитывал Н.С. Хрущев, борясь за упрочение своей власти.

* * *

«После смерти Сталина среди нас не было человека, который считался бы признанным руководителем. Претенденты были, но признанного всеми лидера не имелось», – признавал впоследствии сам Н.С. Хрущев¹. Именно поэтому после смерти Сталина в рамках партийно-государственного руководства СССР борьба за власть приобрела такую остроту.

В развернувшейся жестокой схватке не гнушались никакими методами, а противников устраняли вполне в духе сталинской эпохи. Так был устранен крайне опасный для своих кол-

лег Л.П. Берия, сосредоточивший сразу после смерти И.В. Сталина в своих руках колоссальную власть (Министерство государственной безопасности и Министерство внутренних дел были соединены в единое МВД, с аппаратом и воинскими соединениями, насчитывавшими более миллиона человек, а Берия, назначенный одновременно главой этого ведомства и заместителем председателя правительства, контролировал огромные административные и силовые ресурсы). 26 июня 1953 г. на заседании Политбюро Л.П. Берия был арестован. Ему вменили в вину различные преступления и «прегрешения», в которых можно было обвинить почти любого из самих «обвинителей». Действительная же «вина» Берия в глазах его противников заключалась в том, что руководитель советских спецслужб был слишком сильным и опасным конкурентом для соперников, устранивших его классическими заговорщическими методами. Центром заговора, его вдохновителем и «мотором» являлся Н.С. Хрущев, ставший вскоре после этой крупной победы Первым секретарем ЦК КПСС. Устранение Л.П. Берия он позднее считал чуть ли не главной своей заслугой.

К моменту проведения XX съезда Н.С. Хрущев провел уже несколько «раундов» борьбы за власть, отодвинув и ослабив, но еще не устранив основных соперников, остававшихся для него опасными. Обладая весьма шаткими позициями в руководстве партии, в которой шла острая «подковерная» борьба, Первый секретарь ЦК КПСС использовал и XX съезд как очередной ее тур. А в качестве инструмента этой борьбы применил дискредитацию И.В. Сталина – своего предшественника, общепризнанного не только партийного, но и общенародного – вождя с ранее непререкаемым авторитетом.

Н.С. Хрущев с яростью набросился на покойного вождя, которому он еще недавно доказывал свою безмерную преданность, не гнушаясь самым уничижительным поведением. В этих действиях – сочетании продуманной тактики с импульсивной импровизацией под влиянием неуправляемых эмоций – прослеживается и месть за годы «холуйства и скоморошества» перед Сталиным (такую роль избрал сам «хитрый Никита»), и стремление резко поднять свой авторитет и укрепить лидер-

ские позиции на сокрушении авторитета «отца народов», и прагматический расчет удара по соперникам, все из которых так или иначе были замешаны в массовых репрессиях и других нарушениях «социалистической законности». Тем самым своими антисталинскими «разоблачениями» Хрущев достигал по меньшей мере нескольких целей: 1) лично отрещивался от действительных и мнимых преступлений власти, дистанцировался от репрессивной политики, в которой были замешаны все без исключения советские лидеры, и сам Хрущев – более многих других; 2) ставил в крайне сложное, уязвимое положение всю верхушку руководства партией и страной, и особенно главного политического конкурента – Г. Маленкова, в чей адрес в докладе также содержался ряд «косвенных» обвинений – наряду с самим Сталиным и «бандой Берия»; 3) поднимал, как Хрущеву казалось, свой личный авторитет за счет подрыва ранее непререкаемого авторитета предшественника – И.В. Сталина; 4) расширял базу своей власти в партийно-государственном аппарате, которому давали понять, что массовые чистки, аресты, казни ушли в прошлое, и «номенклатура» может жить спокойно.

Удар по соперникам был чрезвычайно силен не только из-за их прямой причастности к политике, связанной с именем Сталина, но и потому, что борьба отныне выводилась за узкие рамки самых верхних эшелонов власти, руководства ЦК КПСС, создавала возможность использовать «средние» эшелоны партийного руководства, которое было заинтересовано в «стабилизации положения», в понижении уровня ответственности за свои действия, в спокойной и комфортной жизни «без напряжения» и угрозы репрессий. И Хрущев фактически предложил партаппарату, государственной и хозяйственной элите такие условия, предоставляя гарантии, что репрессий больше не будет.

Тактический расчет Н.С. Хрущева оказался верен: вскоре, в июне 1957 г., при попытке Молотова и Маленкова использовать уже проверенный – в том числе против Л.П. Берия – метод внутрипартийной борьбы через созыв Президиума и постановку вопроса о снятии Хрущева, – при положительном решении

большинством голосов (семеро против трех), – последний поменял «правила игры». Хрущев напрямую обратился к обновленной им и задобренной массе партийных функционеров высшего звена – уровня членов ЦК КПСС, созвал Пленум ЦК и добился отмены направленных против него решений Президиума и разгрома соперников.

Интересно, что главное обвинение Хрущева со стороны противников после XX съезда состояло именно в том, что тот зашел слишком далеко в своих разоблачениях Сталина, что подорвало авторитет КПСС в международном коммунистическом движении и авторитет всего движения (и это соответствовало действительности. – *А.С.*). Предполагался арест Хрущева в случае его сопротивления и несогласия на отставку. Хрущев отказался подчиниться и уйти со своего поста – при поддержке ряда кандидатов в члены Президиума, включая Г.К. Жукова, за которым стояла сила армии, и заявил, что только Пленум ЦК может сместить его с поста Первого секретаря. На его стороне было и руководство КГБ, а также рабочий аппарат ЦК КПСС, что позволило созвать Пленум ЦК вопреки отказу Президиума. И среднее звено партийного руководства практически единодушно поддержало на Пленуме Хрущева: реальная власть все больше сосредотачивалась в руках партноменклатуры. А противники Хрущева были объявлены «антипартийной группой Маленкова, Кагановича, Молотова»². Как видим, методы Н.С. Хрущев вполне сохранил от сталинской эпохи, хотя тяжесть последствий для проигравших в политической борьбе была несопоставима: они не подвергались репрессиям, а лишь теряли должности, привилегии, в крайнем случае – партийный билет.

И в докладе, и позднее – и пока находился у власти, и оказавшись в отставке – Хрущев неоднократно пытался доказывать свою правоту и бескорыстие своих действий по низвержению авторитета Сталина. В том числе на июньском 1963 г. Пленуме ЦК КПСС он рассуждал на тему о том, нужно ли было поднимать «большой и сложный вопрос», «вопрос огромной политической важности» о «культе личности». И, фактически оправдываясь за свои действия, имевшие драматические последствия для мирового коммунистического движения и авто-

ритета власти в целом, и КПСС в частности, внутри СССР, утверждал, что «...мы боролись не за свои личные интересы, а за партию, за чистоту ленинской партии...» В этих словах присутствует и явное лукавство, и политическая некомпетентность. Человек, нанеший страшный удар и по партии, и по советскому государству, утверждал, что боролся именно за них, а не за личные интересы. Но, несмотря на то, что Хрущев постоянно подчеркивал «идеальные», бескорыстные мотивы своих действий на XX съезде по «разоблачению Сталина», стремление «вернуться к чистоте ленинской линии» в партии, его реальные, корыстные мотивы вполне очевидны.

* * *

Собственно, содержание обширного доклада сводилось к нескольким основным положениям: Сталин отошел от марксистско-ленинской линии, что проявилось в отказе от принципов коллективного руководства партией, в «культе личности» и в репрессиях против членов партии. Он все более концентрировал власть в своих руках, используя для этого любые методы, отказавшись от норм «социалистической законности», развязав террор против партии и особенно ее руководства. Хрущев привел цифры арестованных и расстрелянных членов и кандидатов в члены ЦК партии, что составило около 70% избранных на XVII съезде, более половины делегатов съезда³. Причины массовых репрессий Хрущев видел в непомерном возвышении над партией и народом Сталина, который перестал считаться с ЦК и с партией. Хрущев обвинил Сталина также и в просчетах накануне Великой Отечественной войны: в том, что он не принял «достаточные меры, чтобы подготовить страну к обороне и исключить момент внезапности нападения», что не было проведено своевременной мобилизации промышленности для обеспечения армии вооружением, что «мы не имели достаточного количества артиллерии, танков и самолетов для отпора врагу»⁴. Сталин якобы игнорировал многочисленные сигналы, в том числе данные разведки, о готовящемся нападении фашистской Германии, считая их провокациями. Он подорвал кадро-

вую основу армии репрессиями 1937–1941 гг., а поощрение доносительства подорвало военную дисциплину. Более того, Хрущев обвинил Сталина и, по сути, в некомпетентности в качестве Верховного Главнокомандующего, что, по его утверждению, стоило стране миллионов жизней в годы войны. Прощелся он и по депортации ряда народов, и по послевоенным «делам» – «ленинградскому», «врачей-вредителей», роли Сталина в конфликте с Югославией и др.

Свои позиции Хрущев подкрепил цитатами из «классиков марксизма-ленинизма», а главное – зачитал письмо Ленина делегатам XIII съезда партии, ныне известное, назвав его «завещанием» Ленина, в котором тот из-за грубости Сталина предлагал переместить его с должности генсека. Что, однако, не помешало делегатам оставить его на этом посту. Ссылаясь на ленинский авторитет в партии (который, кстати, тоже возвели в своеобразный «культ», и традиция чуть ли не религиозного ритуального поклонения классикам марксизма-ленинизма являлась частью политической культуры коммунистического движения), – Хрущев выстроил свою цепь обвинений. «Те отрицательные черты Сталина, – говорил Хрущев, – которые при Ленине проступали только в зародышевом виде, развились в последние годы в тяжкие злоупотребления властью со стороны Сталина, что причинило неисчислимый ущерб нашей партии»⁵. Хрущев подтвердил правильность борьбы с «троцкистско-зиновьевским блоком» и «бухаринцами», но осудил практику массовых репрессий, которая, как он заявил, сложилась в период 1935–1938 гг.

Смысл доклада заключался в том, что на Сталина возложили вину за все, фактически одному приписали действительные и мнимые политические ошибки, просчеты, провалы и даже чудовищные преступления, ответственность за которые в действительности несли – в той или иной степени – вся партийно-государственная верхушка СССР, включая и самого Н.С. Хрущева. Все они были соучастниками в массовых репрессиях, в политических интригах, в результате которых на разных этапах подвергались преследованиям и даже уничтожались те или

иные группы политической, управленческой, военной, научно-технической, хозяйственной элиты или даже целые социальные категории населения. Тем самым Хрущев и властная бюрократия «переводили стрелки», возлагали единоличную ответственность на недавно чуть ли не обожествляемого ими же самими вождя, обеляя себя.

Почему – при всем действительном потрясении сознания партийного аппарата (на съезде отмечены случаи, когда делегаты падали в обморок) – Хрущева поддержали и тогда, и после, в 1957 г., когда была сделана попытка сталинистского рыванша? Все дело в том, что Хрущев выразил интересы широких слоев номенклатуры, уставшей от постоянно висевшей над ними при Сталине угрозы, и желавшей максимума власти при гарантиях личной безопасности.

Ничего принципиально против «системы» Хрущев говорить не хотел, однако реальный удар по ней оказался сокрушительным, и прежде всего, акцентированием на репрессивной политике и действительных и мнимых политических просчетах Сталина.

* * *

Насколько доклад соответствовал действительности? Вся ли была в нем правда, и все ли в нем было правдой?

Сам по себе доклад содержал весьма вольную интерпретацию некоторых явлений советской истории, вводя в оборот фактические и оценочные штампы, идеологические и исторические мифологемы, которыми позднее оперировали даже профессиональные историки, включая период так называемой «перестройки».

Ключевой мифологемой (и идеологемой) доклада Хрущева стало понятие «культ личности» Сталина. Она была изобретена ранее и призвана была объяснить причины произошедшего, формально снять ответственность с самой партии и ее руководства, возложив ответственность на одного человека – И.В. Сталина и некоторых его помощников (Ежова, «банду Берия» и др.). Дело свелось к разоблачению «культа личности», кото-

рый, если рассуждать в предложенных на съезде смысловых рамках, сама же партийная бюрократия взращивала и пестовала в течение десятилетий. Именно «культ личности» Н.С. Хрущев в докладе на XX съезде определил как «источник целого ряда крупнейших и весьма тяжелых извращений партийных принципов, партийной демократии, революционной законности»⁶, то есть сами явления, на которые обрушился докладчик, имевшие весьма непростую природу, он свел к простому объяснению: «извращения», виновник в которых – Сталин. И Хрущев поведал делегатам съезда о том, «к чему на практике приводил культ личности, какой огромный ущерб был причинен нарушением принципа коллективного руководства в партии и сосредоточением необъятной, неограниченной власти в руках одного лица»⁷.

В использовании идеологемы «культ личности» в целях политической борьбы Хрущев не был оригинален, но – более успешен, потому что оказался более решительным и радикальным. Другие «оглядывались» на возможные негативные последствия для партии, импульсивный Хрущев не знал тормозов.

Идею борьбы с «культом личности» пытался использовать еще Берия сразу же после смерти Сталина в 1953 г. Критика «культа личности» Сталина прозвучала и на июльском 1953 г. Пленуме ЦК КПСС в выступлениях Хрущева, Микояна и Маленкова. Под «культом» они понимали отказ от коллективности партийного руководства, безапелляционность «единоличных решений», что наносило ущерб в различных областях жизни партии и страны⁸. Но, как мы увидим позднее, идея «коллективности руководства» была лишь разменной картой в политической борьбе, поскольку вышедший победителем, отодвинувший конкурентов Н.С. Хрущев практически сразу же отказался от «коллективности» принятия решений. Он не только стал «первым» секретарем, но и постепенно взрастил свой собственный «культ», о котором в народе ходили анекдоты: дескать, культ-то есть, а где же личность? Намек был на несопоставимость двух лидеров – Н.С. Хрущева и И.В. Сталина – по их человеческому и государственному масштабу. Уже к концу 1950-х годов от коллективного руководства не осталось и следа:

«Хрущев в ту пору уже выступал, по сути, как авторитарный лидер, – вспоминает Ф.М. Бурлацкий, – И хотя его судьба зависела в какой-то степени от мнения и воли других членов руководства, однако не думаю, что кто-либо мог сколько-нибудь серьезно возражать Хрущеву, когда он говорил “да” или “нет”»⁹.

Во всяком случае, обвинения Хрущева в 1964 г. в «волюнтаризме» имели отнюдь не меньше оснований, чем обвинения Сталина в политических просчетах, а вменяли в вину Хрущеву, по сути, то же, что и он Сталину – созданный в «великое десятилетие» культ личности, отказ от коллективного руководства, некомпетентность и т.п. – только в иных формулировках. Однако обвинять И.В. Сталина в некомпетентности было куда меньше оснований.

В активе И.В. Сталина была успешно осуществленная индустриализация, позволившая СССР во Второй мировой войне противостоять потенциалу почти всей Европы во главе с фашистской Германией и милитаристской Японией, подчинившей себе целый ряд стран Восточной Азии. За ним был успех в расколе потенциальной коалиции всех западных держав, что позволило оттянуть сроки начала войны, а главное, обрести в лице западных демократий временных союзников в борьбе с фашистским нашествием.

Громадный авторитет И.В. Сталина держался в значительной степени на его решающей роли во Второй мировой войне как политика и полководца, но и ее Хрущев также пытался отрицать. Хрущев не только пытался принизить заслуги Сталина в разгроме фашистской Германии, но и представлял его некомпетентным, невежественным в военных вопросах. Это делалось Хрущевым с поистине патологической настойчивостью, которая была настолько очевидна, а авторитет И.В. Сталина как Верховного главнокомандующего настолько непоколебим, что даже весьма лояльные Первому секретарю ЦК КПСС маршалы и генералы, рискуя карьерой, единодушно отвергали хрущевские инсинуации и наскоки¹⁰. Об этом писали в своих мемуарах маршалы Василевский, Жуков и др. Г.К. Жуков уделяет Сталину немало страниц своих воспоминаний, в которых дает

очень высокую оценку его роли в Великой Отечественной войне и резюмирует: «несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим».

Главным предметом обвинений Сталина являлись политические репрессии. И, несомненно, И.В. Сталин разделяет за них ответственность. Но проблема состояла, во-первых, в том, что насилие, подавление, террор уходили корнями в революционные методы, обоснованные в теории и использованные на практике в борьбе за власть, но сохраненные и тогда, когда власть была большевиками завоевана. Ответственность за это несет все политическое течение большевизма. Впрочем, это часть политической практики любых настоящих социальных революций, и не только их. Во-вторых, репрессии использовались как инструмент межклановой борьбы внутри политической элиты, и таким способом одни ее группы устраняли другие: вся, без исключения, верхушка партии, руководства государства, военного руководства была замешана в репрессиях, хотя и в разной степени. Хрущев выступил не против репрессий как таковых, а против использования их как инструмента политической, прежде всего, внутривнутрипартийной борьбы, угрожавшей каждому из членов партийно-государственной элиты.

Не случайно в докладе озвучивались репрессии преимущественно 1937–1938 гг. и послевоенные «дела», коснувшиеся главным образом «партийных товарищей», той же номенклатуры: «своих резали». (Впрочем, даже репрессии против «оппозиций» – «троцкистско-зиновьевского блока» и т.п. – в докладе Хрущев рассматривал как норму.) Но дело не ограничивалось репрессиями против партийных и военных кадров, хотя что касается того, как ранее, еще в 1920-е годы и в 1930-е «вырезали» осколки старой России – дворянство, интеллигенцию и т.д., то это считалось нормальным, это была «классовая борьба», и в докладе Хрущева об этом практически ничего не сказано.

Однако, прямолинейно и примитивно обвиняя И.В. Сталина в массовых репрессиях, он фактически дал основание перенести ответственность на всю советскую систему, несмотря на то, что дела обстояли значительно сложнее. Репрессивность

была не сущностью советской системы, а лишь явлением, сопутствующим ее становлению. И это было не случайно: общество выросло из состояния «горячей» гражданской войны не на жизнь, а на смерть, с озверением с обеих сторон, оно прошло состояние «холодной» гражданской войны в 1920–1930-е годы. Последними актами гражданской войны была насильственная репатриация в 1945 г. наряду с бывшими советскими гражданами – военнопленными и угнанными, также и белых эмигрантов, особенно казачества, с их массовыми расстрелами. И это почти через три десятилетия после революции.

Хотя и сам Хрущев, находясь на вершине власти, уже после смерти И.В. Сталина и «разоблачений культа личности» прибегал к подобным репрессивным методам: были и свои «дела», и травля интеллигенции, события в Новочеркасске, но ни при нем, Хрущеве, ни при Брежневе уже и речи не было о массовых репрессиях: «шуму» от нескольких десятков посаженных диссидентов было больше, чем от сотен тысяч политических заключенных при Сталине. Масштабы таких преследований были отнюдь не больше, чем в самых «демократических» странах Запада. Разве там не было в XX в. политических заключенных? Можно вспомнить США не только времен маккартизма, да и другие. Однако они гордятся своей демократией и не ставят под сомнение «свободный» и правовой характер своей системы. Можно вспомнить и различные диктатуры, от франкистской до пиночетовской... Но западная «рыночная» модель не подвергается остракизму на этом основании. А советскую систему объявили тоталитарной, СССР – империей зла.

И именно Хрущев фактически расписался в том, что советская система неразрывно связана с репрессиями. Он дал повод связать это с социализмом вообще.

* * *

Каковы были последствия шельмования на XX съезде И.В. Сталина для партии и страны? Почему они оказались такими тяжелыми? В чем была причина?

Официально Хрущев стремился «вернуться к чистоте ленинской линии», к «социалистической законности», и тем укрепить существовавшую систему. Но здесь он просчитался.

Хрущев попытался «кавалерийской атакой» расправиться со сталинским наследием. «Он обмарал Сталина со всех сторон, хотя миллионы людей верили в покойного вождя, верили убежденно и безоговорочно. Сталин – личность действительно всемирно-исторического масштаба, невзирая на некоторые негативные стороны его правления. Миллионы советских людей, и не только простых, а это следовало предвидеть, восприняли доклад Н.С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС как удар по ним, как перечеркивание их ратных и трудовых свершений, всей нелегкой жизни. От этой “кавалерийской атаки” в обществе образовалась глубокая трещина, и она не зарастает, не в пример окопам и траншеям времен войны, до сих пор»¹¹.

Понимал ли Хрущев реальные последствия своих действий – не для соперников, которых сокрушил, – а для партии, для страны, для мирового коммунистического движения? Неужели он так и не понял, даже по прошествии многих лет, что своими топорными действиями на XX съезде нанес непоправимый удар «делу коммунизма», которому, как он заявлял, верно служит? Ведь авторитет коммунизма как идеи и как мировой системы в решающей степени держался на авторитете Сталина – вожде не только партии, но и советского народа, страны, победившей фашистское нашествие. И Хрущев признавал в воспоминаниях: «Но Сталин – это Сталин. Авторитет его был громаден...»¹². «Он имел полное основание претендовать на особую роль, потому что действительно выделялся из своего круга и умением организовать дело, и умом. Он действительно стоял выше других... Он проявил в жизни свое превосходство, умение руководить страной, умение подчинять себе людей, выдвигать их и прочие качества, необходимые руководителю крупного масштаба»¹³.

Хрущев развенчал И.В. Сталина и как продолжателя дела Ленина, и как вождя, и как полководца. Реальные последствия, наверное, неосознаваемые, оказались куда более масштабными, особенно в долговременной перспективе. В действительно-

сти, он подорвал систему. Последствия были и немедленными, и отдаленными, поскольку Хрущев заложил мину замедленного действия и под «систему», и под все здание СССР. Разоблачая Сталина, Хрущев одновременно во многом дезавуировал легитимность и поставил под сомнение компетентность проводимой им в течение десятилетий политики. Хотя формально «правильность» «генеральной линии партии» в докладе на съезде даже не ставилась под сомнение, она, и многое другое, была поставлена под сомнение уже за стенами партийного форума: массовым сознанием советских людей, коммунистическим движением, мировым общественным мнением.

Все это очень чутко уловил Мао Цзэдун, встречавшийся с Хрущевым и выразивший негативное отношение к его действиям: Сталину «...принадлежит огромный вклад в коммунистическое движение во многих странах, в великое дело революции, в том числе в Китае. Разве допустимо все это отрицать или приуменьшать? ...Мы верили в него, в его учение, в его опыт. И теперь все это перечеркивается. Мы рискуем потерять ... авторитет коммунистов, потерять веру. ...Вашим решением осуждаются не только промахи и ошибки – кто от них застрахован? Вы, прежде никогда не возражавшие Сталину, ныне подвергли безоговорочно осуждению все, что связано с именем Сталина. ...Решение XX съезда крайне осложняет обстановку. При таком положении дел невозможно рассчитывать на нормальные отношения между нашими партиями»¹⁴.

* * *

Советская модель держалась на нескольких основаниях.

«Светлое будущее на основе героического прошлого и подвигнического настоящего» – вот была идейная основа советского строя. Аскетическая жертвенность сегодня во имя будущих поколений – суть психологии эпохи. Вера в святость и непогрешимость вождей имела почти религиозный характер. Ленин – учитель, он – «путь озарил». «Нас вырастил Сталин...», «Сталин – это Ленин сегодня». Но если Сталин – беспринципный злодей, совершавший невиданные преступления во имя

своей власти и «культы», то: 1) ставятся под сомнение все его слова и дела; 2) вероятно, и Ленин небезгрешен? только народ об этом не знает... 3) отсюда и вся «теория» марксизма-ленинизма ставится под сомнение.

Хрущев совершил переворот в умах советского народа и мирового коммунистического движения. Он сокрушил *веру* – психологическую основу всей советской системы. Веру в непогрешимость вождей, а значит, и веру в идеи, которые они проповедовали. Он сокрушил веру в справедливость советского государства, которое якобы оказалось игрушкой в руках беспринципного тирана. Наконец, Хрущев поставил под сомнение весь советский проект. Он развенчал (а во многом и опорочил) реальный социализм, а значит, подорвал идею социализма вообще, коммунистическую идею. И вполне закономерным после этого стали и зарождение диссидентства в самом СССР, и массовый выход из компартий в мире, и брожения в соцстранах, в том числе волнения в Польше и Венгрии. Короче говоря, Хрущев предопределил ослабление, раскол, а затем и развал мирового коммунистического движения и будущий распад СССР.

Можно спорить о том, были у Хрущева некие идеальные мотивы, то есть стремление улучшить жизнь простых людей, или он использовал антисталинские разоблачения просто как инструмент борьбы за власть против конкурентов. Но факт остается фактом: именно Хрущев нанес смертельный удар коммунизму в мировом масштабе и одновременно предопределил деформацию и подрыв собственно советской системы. Он сокрушил ключевые символы, цементирующие народ, строивший новое общество. Он подорвал авторитеты, которые, собственно, и представляли «образ светлого будущего». Развенчав авторов, он девальвировал и их произведение, их проект; он опрокинул авторитет не только вождей, но и теоретиков, и самой партии.

Ударив по Сталину, Хрущев нанес смертельный удар по системе, именно потому, что советская модель формировалась при Сталине. Ленин застал лишь период гражданской войны, разрушения старого мира, распада социальных связей, социальной катастрофы, из которой он вынужден был обозначить

выход на путях нэпа. Но нэп не был инструментом созидания, прогресса, он был лишь временным, компромиссным инструментом восстановления дошедшего до коллапса общества. Это была предельно неустойчивая система, которая естественным образом – «снизу» – тяготела к воспроизводству полноценной буржуазной модели. Ленин считал, что крестьянское мелкотоварное хозяйство ежечасно рождает капитализм... Путь из нэпа был к одной из двух внутренне более целостных систем: либо к полноценному капитализму, либо к иной, также целостной и устойчивой, но на иных основаниях и иными механизмами – «сверху». Переход к первой был чреват новыми социальными потрясениями, предрешал утрату власти большевиками, и не гарантировал решения старых проблем. Второй предполагал новый виток социального насилия.

Советская модель была мобилизационной моделью, в рамках которой Россия решала давно и объективно стоявшие перед ней задачи, – с огромным запозданием, в условиях исторического цейтнота, в жестких условиях международной конкурентной и враждебной среды. Враждебной не только идеологически, но и геополитически, и экономически. Она решала давние задачи индустриальной модернизации, но не путем постепенного накопления и инвестирования снизу, что было уже исторически поздно, а путем предельной концентрации ресурсов на прорывных направлениях с обеспечением и технологического рывка, и социальной трансформации (переселение в города, подготовка кадров, скачок в уровне образования), и обороноспособности страны. И средства – за отсутствием внешних источников, которые использовались до революции, – приходилось изымать у собственного населения. Аналогичная ситуация сложилась в ходе и после Великой Отечественной войны, когда самая разоренная в мире страна вынуждена была восстанавливать экономику и одновременно тратить колоссальные средства на оборону перед лицом внешней угрозы со стороны Запада, начавшего «холодную войну» и развязавшего гонку вооружений.

Мобилизационная модель предполагала жесткую концентрацию власти, единую для народов СССР и общепризнанную систему ценностей, идеалов, символов; общую историческую память, являющуюся предметом гордости; идеальные цели. Центральным звеном, объединяющим все эти уровни и подсистемы, являлся образ лидера, вождя. Ударив по нему, Хрущев ударил по всем элементам мобилизационной системы, подорвал не только ее целостность, но и смысловое наполнение, объединяющую функцию. Дискредитировав вождя, он дискредитировал также ценности, дезориентировал народ в историческом прошлом и в идеальном, «целевом» будущем. Хрущев, фактически, разрушил мобилизационную модель советского общества, модель развития, являвшуюся единственно эффективной в рамках конкретно-исторических условий.

Хрущев не только ударил по символам.

Он пошел дальше, может быть, субъективно с благими намерениями – улучшить жизнь простых людей «здесь и сейчас», перейдя от ценностей созидания к ценностям потребления. При Брежневе именно эта тенденция будет воспринята и доведена до логического конца – при крайне ограниченных возможностях (невозможно, особенно при низких стартовых позициях, одновременно догонять передовые страны в уровне производства и технологий, бороться за военную безопасность и геополитическое лидерство во всем мире и повышать благосостояние народа).

В основе существования любой общественной системы лежит конкретная система ценностей, представляющая собой «идеальный ракурс» общественных отношений и институтов. Идеи частной собственности, индивидуализма, правовой феетицизм и др. представляют собой ключевые ценности современного западного общества. Особенно значим «ментальный план» в идеократических обществах, в устройстве которых особую роль играет идеология, становящаяся не только ориентиром, не только «социальным императивом», но и «символом веры» большинства населения. Таким было советское общество, которое, официально постулируя приверженность марксиз-

му, сформировало свою (причудливо связанную с «первоисточником») систему ценностей.

Советское общество сформировало и свою социальную мифологию, и свою систему ценностей, и систему символов. Хрущев не только подорвал «опорные точки» массового сознания советского народа своим примитивным «антисталинизмом». Хрущев «приземлил» и опошил высокие идеалы, примитивно сведя их к перечню материальных благ – мечты обывателя. За наваристые щи не рвут пуп, за них не идут с готовностью на смерть. Мобилизационная суть советской модели утратила свою идейную основу. А следствие – психология брежневской эпохи: «Они делают вид, что нам платят, а мы – что работаем». Вот корень неэффективности экономики 1970–1980-х.

Хрущев разорвал связь времен – связь ценностей, смыслов, идеалов, символов. Он сменил вектор развития общества, который сформировался при Сталине еще в 1930-е годы, утвердился в годы Великой Отечественной войны, а именно переориентацию от курса ленинской гвардии на мировую революцию, в которой Россия мыслилась средством, тараном, к самоценности развития России в форме СССР, приоритетности именно ее национально-государственных интересов, тогда как внешний мир выступал средствами для достижения этой главной цели, будь то геополитический барьер из союзных просоветских стран в Европе и Азии, прикрывавший собственно советские границы, или коммунистические и рабочие партии в Западной Европе и других странах.

И.В. Сталин повернул страну к национальным ценностям, Хрущев опять повернул Россию к «общечеловеческой миссии». Это проявилось не только в активном вмешательстве СССР во всем мире, прорывалось в фразах типа «мы вас закопаем», реализовалось в ряде конфликтов, в том числе и таких авантюрных, поставивших мир на грань ядерной войны, как Карибский кризис. Даже такому успеху советской науки и техники, как прорыв человека в космос, Хрущев придал космополитический смысл: Гагарин – посланец не России, а всего человечества.

И.В. Сталин во многом восстановил «связь времен», обратившись к ценностям имперским: примирившись с церковью,

восстановив традиции и символику имперской армии, Хрущев вновь стал преследовать церковь.

И.В. Сталин трансформировал идеологию в национально-государственном духе, оттеснил партократию, держал ее под жестким контролем; Хрущев – в новом оформлении – вернулся к идеям экспорта революции, торжества мирового коммунизма, переместил центр власти в партийные органы с их идеологическим диктатом.

И.В. Сталин обращался к национальным чувствам русского народа и в Отечественной войне, и в обосновании вступления в войну с Японией; в обеспечении обороноспособности, национальной безопасности страны. Хрущев обращался к желудку. Догнать и перегнать Америку нужно было, чтобы жить не хуже, чем «у них». Акцент был перенесен с созидания на потребление, с накопления общенационального богатства с перспективой радикального улучшения жизни на уравниловку (при процветании партноменклатуры). При Хрущеве освоили целину, но при нем же впервые в мирное время стали в огромных масштабах закупать продовольствие.

Высокие идеи были приземлены и девальвированы. Все это воплотилось вскоре в новой Программе КПСС, нарисовавшей близкую коммунистическую перспективу именно как общество потребления, которое наступит через 20 лет. Программа была заведомо провальной, так же как и соревнование с США, имевшими принципиально лучшие стартовые позиции и использовавшими механизмы глобальной рыночной экономики, сформированных ими под себя же.

При И.В. Сталине советская экономика развивалась как самодостаточная, Хрущев начал вписывать ее в мировую экономику, в которой ей могло найтись только одно место – сырьевого придатка. И эта тенденция вскоре стала доминирующей: советские нефть и газ в непереработанном виде пошли в Европу.

И.В. Сталин строил элитарный социализм, а Хрущев – уравнилельный. Уравниловка (а отсюда и экономическая неэффективность) – корнями из хрущевской эпохи.

При И.В. Сталине экономика была ориентирована на экономический рост, при Хрущеве все больше на потребление. Результатом стал дефицит мяса, даже хлеба.

Хрущев дискредитировал и власть, и ценности, и саму идею коммунизма.

* * *

XX съезд – кульминация хрущевского правления и процесса «десталинизации». Именно на нем заявленные ранее тенденции, в том числе по смене политического курса, были явно озвучены и конституированы авторитетом партийного съезда. Что это за перемены?

Говорят о «прогрессивности» Хрущева по сравнению со Сталиным. Необходимо разобраться и с этим вопросом.

XX съезд – это по сути смена вектора общественного развития, изменение смысла национального проекта, к которому страна пришла при Сталине, уйдя от во многом космополитического большевистского проекта. Хрущев, фактически идя «от противного» по отношению к сталинскому курсу, вернулся к «романтическим» идеям экспорта революции, торжества мирового коммунизма и т.п.

Хрущев был таким же «сталинистом», как все, окружавшие вождя. Его руки были в крови отнюдь не меньше, чем у Берии, Маленкова и других. При его власти были репрессированы тысячи людей, многие расстреляны. Подавлено венгерское восстание, расстрелян гражданин якобы суверенного государства – лидер компартии.

Напротив, во многих отношениях Хрущев совершил реакционный поворот по отношению даже к сталинской эпохе. Кто урезал размеры приусадебных участков у крестьян? Кто отбирал скот из личных хозяйств в колхозы? Кто вновь разорвал отношения с церковью и начал крушить храмы? Кто отдавал приказы о расстреле в Новочеркасске, подобного которому даже при Сталине не случалось. Кто совал свой нос во все дела, принимая некомпетентные решения почти во всем, чего касался.

* * *

Последствия доклада Хрущева имели поистине «всемирно-исторический» характер. Именно с XX съезда по-настоящему

начался кризис коммунистической идеологии, мирового коммунистического движения и советской системы. Хрущев позднее сам признавал: «Сразу же после XX съезда партии начались переживания во всех компартиях, особенно во французской и итальянской, – написал он в своих мемуарах. – Оно и понятно, потому что там большие, массовые пролетарский партии, а на процессах “врагов народа” присутствовали Торез и Тольятти, которые потом свидетельствовали, что обвинения доказаны. А тут все наоборот... Стали набегать тучки и в Польше. За Польшей потянулась Венгрия»¹⁵. «Переживаниями» Хрущев назвал глубочайший кризис западных компартий, массовый выход из них, в результате чего они сократились в несколько раз, утратили огромное в ряде стран влияние, чего не могли добиться никакие правые силы, ни власть, поддерживаемая Соединенными Штатами. «Набежавшие тучки», по определению Хрущева, в действительности оказались глубоким кризисом власти, а в Венгрии – антикоммунистическим восстанием, свергнувшим просоветский режим, так что пришлось для подавления использовать советские войска. В Польше, как писал сам Хрущев, закрытый доклад «...попал в руки тех поляков, которые стояли на позиции недружелюбия к Советскому Союзу». «Они использовали документ в своих целях...» – возмущался в своих мемуарах Хрущев¹⁶. А что, как он ожидал, будут делать враги коммунизма и СССР с мощнейшим оружием, которое сам же и вручал им? Очень и очень многих друзей СССР доклад оттолкнул, а врагам позволил нанести коммунизму и советской стране, как оказалось, в не столь уж далекой перспективе, смертельные раны. «Из закрытого доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС противник нашей мировой державы получил такие аргументы в борьбе против коммунистов, против Советского Союза, о каких даже и мечтать не смел. Невольно задумываешься, кому больше служил Никита Сергеевич – делу коммунизма, международному коммунистическому и рабочему движению, своей партии, своему государству или врагам коммунизма...»¹⁷.

Удар, который был нанесен докладом Хрущева и по коммунистическому движению, и по коммунистической идее, и по

СССР как геополитическому образованию, оказался настоящим подарком противникам не только коммунизма, но и России. В то время был самый разгар «холодной войны», важнейшим направлением которой была информационно-психологическая война. Но вряд ли эффекта, подобного полученному от хрущевского доклада, мог достичь внешний враг, даже задействовав весь арсенал психологической войны.

¹ *Хрущев Н.С.* Воспоминания: избр. фрагменты. М., 1997. С. 291.

² См.: *Медведев Р. Н.С.* Хрущев. Год 1957-й – укрепление позиций // Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии. М., 1989. С. 43–47.

³ О культе личности и его последствиях: доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Н.С. Хрущева XX съезду Коммунистической партии Советского Союза // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 137.

⁴ Там же. С. 147.

⁵ Там же. С. 131.

⁶ Там же. С. 128.

⁷ Там же.

⁸ Пленум ЦК КПСС. Июль 1953 года. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 195, 196.

⁹ *Бурлацкий Ф.М.* Никита Хрущев. М., 2003. С. 210.

¹⁰ См.: *Карнаухов С.В.* Старая площадь. М., 2006. С. 71–76.

¹¹ Там же. С. 67, 68.

¹² *Хрущев Н.С.* Указ. соч. С. 286.

¹³ Там же. С. 287, 288.

¹⁴ Цит. по: Россия. 2006. 21 февр. – 1 марта.

¹⁵ *Хрущев Н.С.* Указ. соч. С. 300.

¹⁶ Там же. С. 291.

¹⁷ *Карнаухов С.В.* Указ. соч. С. 76, 77.

ПЕРВЫЙ ШАГ В ПРОПАСТЬ

Почти два десятилетия минуло с тех пор, как журнал «Известия ЦК КПСС» опубликовал закрытый доклад Н.С. Хрущева делегатам XX съезда партии. Сделал, наконец, доступным для наших людей то, о чем давным-давно знали во всем мире.

За прошедшие годы докладу была посвящена не одна сотня статей историков, политиков, публицистов, просто журналистов. Но почему-то никто из них ни разу при анализе так и не вышел за пределы собственно доклада. Все выясняли малейшие детали того, кем, как и когда именно готовился сам текст, кто предварительно прочитал его и какое мнение высказал, что же именно внес в него от себя Хрущев. И никто ни разу не вышел за столь узкие рамки. Более того, все без исключения почему-то принимали сказанное первым секретарем на веру, не требуя ни подтверждений, ни доказательств.

Как показало время, столь откровенно антинаучный подход был использован далеко не случайно. Ведь только он, именно он и позволил использовать доклад в чисто идеологических целях, в ожесточенной политической борьбе. Даже в «холодной войне». Еще бы, речь Хрущева позволила представить массовые репрессия единственным, что якобы было присуще СССР в тридцатые – сороковые годы. Ну, а исключив все остальное, положительное, являвшееся бесспорным достижением страны, советского народа, можно было и заявить, что эпоха Сталина являлась эпохой кровавой тирании. Голословно утверждать, что доклад Хрущева – человека, первым решившегося на разоблачение страшных тайн минувшего, открыл новую эпоху. Эпоху демократизации, реформирования как коммунистической партии, очистившейся от прошлого, так и всего советского общества. Ту самую эпоху, которая, в конце концов, и привела к «перестройке» Горбачева и Яковлева, вывела страну из того тупика, куда ее, мол, завели в 1917 г. большевики.

Именно поэтому все, кто обращался к истории доклада Хрущева, старательно обходили его суть. Как бы не замечали,

что «жертвы массового террора» были ограничены Никитой Сергеевичем весьма немногочисленным кругом первых секретарей крайкомов и обкомов, ЦК национальных компартий, да и то лишь начала 30-х годов. И еще все исследователи тщательно избегали ответов на вполне естественные, важнейшие вопросы: почему доклад был прочитан не когда-либо, а именно в феврале 1956 г., к каким последствиям он привел.

Забывтые страницы истории

На самом деле инициатором осуждения «сталинизма» и проведения широкомасштабных реформ выступил отнюдь не Хрущев, и даже не XX съезд.

Еще в апреле 1953 г., всего через месяц после смерти И.В. Сталина, председатель Совета министров СССР, член Президиума ЦК КПСС Г.М. Маленков начал готовить пленум, посвященный более чем актуальной проблеме культа личности¹. Написал тезисы своего доклада, проект постановления. В них попытался найти истоки, причины широкого распространения такого явления. И вознамерился ответственность за культ возложить не на мертвого вождя, а на партийный аппарат. На тех, кто, по мнению Маленкова, в своекорыстных целях и создавал, всячески раздувал этот культ. Поступал так, чтобы прикрыть именем Сталина собственное убожество мыслей, полное непонимание марксизма, а заодно и уберечь себя от любой возможной критики за собственные поступки, ошибки и прегрешения.

«Центральный комитет КПСС считает, – констатировал Маленков в проекте постановления пленума, – что в нашей печатной и устной пропаганде имеют место ненормальности, выражающиеся в том, что наши пропагандисты сбиваются на немарксистское понимание роли личности в истории, на пропаганду культа личности.

В связи с этим Центральный комитет КПСС признает необходимым осудить и решительно покончить с немарксистскими,

по существу эсеровскими тенденциями в нашей пропаганде, идущими по линии пропаганды культа личности и умаления значения и роли сплоченного, монолитного, единого коллективного руководства и правительства»².

Но тогда, весной 1953 г., большинство членов Президиума ЦК, судя по всему – главным образом Л.П. Берия, Н.С. Хрущев, а также секретарь ЦК М.А. Суслов – сделали все возможное, дабы не допустить созыва пленума именно с такой повесткой дня. А потому Маленкову и его союзникам, к которым без сомнения следует отнести В.М. Молотова, М.З. Сабурова, М.Г. Первухина, секретарей ЦК П.Н. Поспелова и Н.Н. Шаталина, пришлось довольствоваться возможным. Тремя публикациями в «Правде». 26 июля – документа отдела пропаганды и агитации, 30 июля – статьей Поспелова, посвященных приближавшемуся 50-летию партии, и 4 августа – статьей Кружкова «Против догматизма и начетничества в пропаганде».

Также попытались Хрущев и Суслов любой ценою сохранить незапятнанным имя покойного вождя и позже, в 1954 г. В феврале они подготовили циркулярное распоряжение всем газетам страны, потребовав от тех непременно опубликовать в годовщину смерти, 5 марта, панегирические передовые статьи, посвященные памяти Иосифа Виссарионовича. В этих же статьях показать Сталина «как великого продолжателя дела В.И. Ленина, осветить роль И.В. Сталина в тесной связи с деятельностью коммунистической партии и советского народа по строительству социалистического общества». А 23 июля, на заседании секретариата ЦК, опять не кто-либо, а Хрущев и Суслов добились осуждения А.Т. Твардовского за «серьезные политические ошибки» и «клеветнические выпады», якобы допущенные поэтом в поэме «Геркин на том свете» – первом антисталинистском художественном произведении, только что написанном, еще нигде не опубликованном.

Снятие Твардовского по решению секретариата ЦК с поста главного редактора журнала «Новый мир» завершило ставшую знаменитой гораздо позже «оттепель». Ту самую, подлинную, начавшуюся в конце 1952 г., сразу после окончания XIX съезда партии, нашедшую наиболее яркое выражение в повести

В. Пановой «Времена года» и пьесе Л. Зорина «Гости». Проявившуюся в публицистических статьях Ю. Карасева «Против перестраховки в литературной критике», опубликованной «Литературной газетой», и В. Померанцева «Об искренности в литературе», увидевшей свет в «Новом мире», где еще распоряжался Твардовский. В вышедших несколько позже, в 1954 г., повестях И. Эренбурга «Оттепель», и давшей название этому литературно-политическому явлению, В. Тендрякова «Не ко двору». Во властном призыве, прозвучавшем весной 1952 г. из горних сфер: «Нам нужны новые Гоголи и Щедрины», и породившем бурный поток острых фельетонов резких сатирических произведений.

Тогда же, весной 1953 г., своеобразная оттепель охватила и внешнюю политику СССР. Еще 9 марта, выступая на похоронах Сталина, Маленков заявил, среди прочего, и о твердом намерении нового советского правительства настойчиво проводить «политику сохранения и упрочения мира», политику «мирного сотрудничества и развития деловых связей со всеми странами». Заявил о «возможности длительного сосуществования и мирного соревнования двух различных систем – капиталистической и социалистической». Словом, провозгласил возвращение Советского Союза к той самой внешней политике, которая была начата еще в 1934 г. и оказалась прерванной отнюдь не по вине Москвы – сначала Мюнхенским соглашением, а затем и нападением гитлеровской Германии. Той внешней политики, которую невозможно было проводить в условиях развязанной США холодной войны.

Сказанное Маленковым не оказалось обычной демагогической декларацией. Уже 28 марта, под сильным нажимом Кремля, Китай и Северная Корея вынуждены были согласиться на переговоры с США. Формально – всего лишь об обмене пленными, в действительности – о заключении прелиминарного мира. И действительно, с того дня все военные действия на Корейском полуострове прекратились, а 27 июля делегации трех противоборствующих сторон подписали перемирие.

После устранения Берии советское руководство смогло приступить и к решительному реформированию экономики.

Начали же с основного. В очередном бюджете расходы на оборону – по сравнению с предварительными наметками – сократили в два раза, а за этот счет пропорционально увеличили ассигнования на образование, здравоохранение, науку, культуру, социальное обеспечение. Такое решение Маленков объяснил, выступая на сессии Верховного Совета СССР, проходившей в начале августа 1953 г. Он заявил, что отныне главная задача страны – «обеспечение дальнейшего улучшения материального благосостояния рабочих, колхозников, интеллигенции, всех советских людей». При этом указал на сложившуюся и весьма опасную диспропорцию в экономике, ее дефицитность, порожденную вынужденной гонкой вооружений: «За последние 28 лет производство средств производства в целом возросло в нашей стране примерно в 55 раз, производство же предметов народного потребления за этот период увеличилось лишь примерно в 12 раз», что «не может нас удовлетворить». И потому предложил резко «увеличить вложение средств на развитие легкой, пищевой и, в частности, рыбной промышленности, на развитие сельского хозяйства... чтобы в течение двух – трех лет повысить обеспеченность населения промышленными и продовольственными товарами»³.

К проблеме Маленков подошел системно, тут же заявив о необходимости одновременно улучшить качество товаров, значительно расширять торговлю, включая и колхозные рынки. Решающим же для подъема легкой промышленности он считал не просто повышение капиталовложений в данную отрасль, а прежде всего снижение себестоимости за счет роста производительности труда, внедрения новой техники, рациональной организации производства, что должно было, помимо прочего, привести и к исчезновению убыточных предприятий.

Столь же конкретно остановился Маленков и на второй составляющей нового курса – на проблемах сельского хозяйства. Признал, что его уровень «не соответствует возросшей технической оснащенности». Оценил как порочную введенную во время войны систему оценки результатов работы «не по фактическому сбору, а только по видовой урожайности». А далее предложил поднимать сельское хозяйство исключительно ин-

тенсивными методами. Повышением урожайности всех культур, продуктивности скота, механизацией и электрификацией, широким применением минеральных удобрений, опорой на достижения агротехники и зоотехники. И еще – значительным повышением государственных закупочных цен.

Говоря о проблемах сельского хозяйства, Маленков раскрыл сущность вынесенного на обсуждение депутатов проекта закона о сельхозналоге. Не побоялся – через тридцать лет после завершения коллективизации – вспомнить и о личном приусадебном хозяйстве крестьян. Призвал поддержать установление твердого налога, не зависящего, как прежде, от суммы доходов колхозников, списание недоимок за все прошлые годы, да еще определить размер налога для единоличников всего на 100 процентов выше того, что предстояло платить членам артелей.

Только потом глава правительства объяснил, что же может позволить проводить столь необычный экономический курс. Объявил об очередном достижении паритетности с США в области новейших вооружений – о создании в СССР водородной бомбы. И так охарактеризовал ситуацию, сложившуюся в мире: «Впервые за последние годы стала ощущаться некоторая разрядка международной атмосферы. У сотен миллионов людей все больше утверждается надежда на то, что можно найти путь к урегулированию спорных и нерешенных вопросов... Это относится и к тем спорным вопросам, которые существуют между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом. Мы стояли и стоим за мирное сосуществование двух систем. Мы считаем, что нет объективной основы для столкновения между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом»⁴.

9 августа сессия завершила работу, утвердив скорректированный, первый такого рода за всю историю пятилеток, бюджет. И сразу же М.З. Сабуров, возглавивший Госплан, приступил к его конкретизации, привязке к министерствам. К уточнению: какие именно товары широкого потребления, в каком количестве и в какие сроки должны отныне выпускать оборонные

министерства. Однако, как вскоре выяснилось, все это оказалось излетом нового курса. Его концом.

За кулисами власти

На пленуме ЦК КПСС, состоявшемся в сентябре того же, 1953 г., четко обозначилось нежелание партократии принять ту политику, которую предложил Маленков. Выразилось оно поначалу в замене основного докладчика, Маленкова, на Хрущева, а заодно и в отказе от коллективного руководства и, тем самым, в нежелании оставить за правительством первенствующую роль. Ну, а слишком уж конкретным поводом для того послужило ущемление материального благополучия партийных чиновников.

Еще с довоенной поры в стране существовала система весьма значительного дополнения к зарплате – временное денежное довольствие, в просторечии называвшееся «конвертом», в ряде случаев почти вдвое превышавшем официальную зарплату. Именно эти «конверты» долгие годы позволяли приводить государственный и партийный аппараты в строгое соответствие, создавая прочную двуединую иерархическую структуру. На союзном уровне делали равнозначными должности замминистра и завотделом ЦК КПСС, начальника главка министерства и завсектором. На республиканском – председателя Совета министров и первого секретаря ЦК компартии, министра и завотделом местного ЦК, замминистра и замзавотделом ЦК. На областном – председателя облисполкома и первого секретаря обкома.

И вот вся эта система в одночасье рухнула. Строго секретным постановлением Совета министров СССР от 26 мая и 13 июня размеры «конвертов» были значительно повышены. Но только для руководителей союзных министерств и областных, городских районных исполкомов. Партийные работники, если определять их имидж ежемесячным жалованием, внезапно оказались на порядок, а то и два, ниже работников исполнительных структур.

Столь вопиющая, с их точки зрения, несправедливость заставила партократию сплотиться с не менее обиженными, обойденными членами республиканских правительств. Дружно, единым фронтом выступили они в защиту своих сугубо личных интересов, направляя в ЦК КПСС – на имя Хрущева – жалостливые просьбы о повышении и для них «конвертов». Никита Сергеевич не обманул их ожидания. В середине августа за счет средств партии, которые он и контролировал, существенно увеличил денежное довольствие для ответственных сотрудников аппарата ЦК КПСС, первых секретарей крайкомов и обкомов, ЦК нацкомпартий, да еще и выплатил им недоданное за три месяца.

Скорее всего, только потому на сентябрьском 1953 г. пленуме все его участники как-то вдруг, разом, непонятно почему забыли о дружно поддержанном ими же шесть месяцев назад принципе коллективного руководства. О том принципе, следовать которому они, по сути, обещали еще раз в июле. Буквально в последние минуты работы, без какого-либо обсуждения, мимоходом единодушно избрали Хрущева первым секретарем партии. Вверили ему тот самый пост, который совсем недавно занимал Сталин. Но лично у Хрущева была более веская причина для острейшей конфронтации с Маленковым. Для борьбы с ним за лидерство не на жизнь, а на смерть. Никита Сергеевич не мог не помнить тот проект постановления пленума ЦК, который подготовили Маленков и Молотов, полностью одобрил Сталин в январе 1944 г.⁵ Тот проект, который был сразу же категорически отвергнут большинством членов Политбюро. Который, в случае принятия, отрешил бы партию от власти, низвел бы ее до уровня всего лишь пропагандистской организации.

«Наши местные партийные органы, – указывалось в том проекте, – в значительной степени взяли на себя оперативную работу по управлению хозяйственными учреждениями, что неизбежно приводит к смешению функций партийных и государственных органов, к подмене и обезличиванию государственных органов, к подрыву их ответственности и к усилению бюрократизма в госаппарате... Такое неправильное положение во взаимоотношениях партийных и советских органов порожд-

дает также некоторую безответственность местных партийных руководителей, поскольку они считают себя ответственными только перед коммунистами и партийными организациями, но не перед беспартийными массами».

Потому-то проект постановления и предложил: «Покончить с установившейся вредной практикой дублирования и параллелизма в руководстве хозяйственным и культурным строительством со стороны местных партийных и государственных органов, с неправильной практикой подмены и обезличивания государственных органов и полностью сосредоточить оперативное управление хозяйственным и культурным строительством в одном месте – в государственных органах... освободив партийные органы от несвойственных им административно-хозяйственных функций...»

Отлично понимая, что Маленков рано или поздно вернется к такой политике, Хрущев и стремился во что бы то ни стало лишить его малейшей возможности, используя свое положение лидера, осуществить старую идею на практике. Получив же пост первого секретаря ЦК КПСС, Хрущев не только становился НАД Маленковым, но и мог теперь уничтожить в зародыше всяческую мысль об отрешении партии от власти.

Не довольствуясь достигнутым, Хрущев попытался также снизить популярность Маленкова в народе, особенно среди жителей деревни. Только для того в декабре 1953 г. добился утверждения себя в должности заместителя председателя Совета министров СССР – председателя бюро по сельскому хозяйству. И уже после того выдвинул собственную идею возрождения сельского хозяйства – подъемом целинных и залежных земель, в Казахстане, Сибири, на Алтае.

В последний раз прямая полемика между Маленковым и Хрущевым произошла в марте 1954 г., в канун очередных выборов в Верховный совет СССР. Выступая на предвыборной встрече с избирателями, Маленков напомнил о выдвигаемых им, его сторонниками приоритетах в экономике: «Наша страна обладает теперь мощной тяжелой индустрией которую мы и впредь будем неустанно развивать как основу, обеспечивающую непрерывный рост и развитие всего народного хозяйства,

как надежный оплот обороны страны. Но теперь, пользуясь плодами и результатами индустриализации, наша партия поставила задачу: в течение двух – трех лет добиться крутого подъема производства предметов народного потребления».

Заодно выразил советский премьер и свое весьма запоздалое отношение к происшедшему на сентябрьском пленуме. «Бесспорно, – сказал он, – что коллективность в руководстве партией и страной является необходимой гарантией правильности и успешного решения коренных вопросов, затрагивающих судьбы советского народа»⁶.

Выступивший неделей ранее, Хрущев связал произвольно толкуемое им положение на мировой арене с задачами экономики. «Направляя усилия народа на выполнение планов мирного строительства, – заявил он, – коммунистическая партия и советское правительство не могут не учитывать, что в капиталистических странах имеются реакционные силы, которые стремятся найти выход из экономических трудностей и обостряющихся противоречий империалистического лагеря в подготовке новой войны. Вот почему партия и правительство, настойчиво проводя политику мира, неустанно совершенствуют и укрепляют вооруженные силы советского государства, бдительно стоящие на страже мирного труда советских людей и безопасности нашей родины»⁷.

Открывшаяся 20 апреля 1954 г. сессия Верховного совета СССР оказалась своеобразным референдумом по единственному насущному вопросу: какой из двух путей следует избрать, какому – старому или новому – курсу следовать. Решение оказалось не в пользу программы, предложенной Маленковым. И выразилось оно в утвержденном бюджете. Из 562,8 миллиардов рублей расходной части на развитие тяжелой промышленности выделили 79,6 миллиардов, а на легкую, включая и торговлю, – только 14,2 миллиарда. На строительство в целом – 14 миллиардов рублей, на сельское хозяйство – 62 миллиарда, на социально-культурную сферу – 141,3 миллиарда. Все остальные деньги теперь предназначались на оборонную промышленность, содержание силовых министерств, вооруженных сил и госаппарат⁸.

После этого Хрущеву оставалось всего лишь удалить Маленкова с недавно еще ключевого поста. Добился же Никита Сергеевич того достаточно просто. Десять месяцев спустя, в феврале 1955 г., возложил вину за собственный провал в собственной же аграрной политике на Маленкова. И все члены ЦК, а потом и депутаты Верховного совета СССР, сами же утверждавшие Хрущева на должность председателя Бюро Совмина по сельскому хозяйству, не выразили ни удивления, ни сомнения в том, что за ошибку Хрущева вину следует возложить на того, кто отстаивал принципиально иной курс подъема сельского хозяйства. Единодушно проголосовали за снятие Маленкова с поста председателя Совета министров СССР и утвердили его министром электростанций.

Только потом Хрущев развернул широкую пропагандистскую кампанию, призванную окончательно дискредитировать предлагавшийся Маленковым курс. В журнале «Коммунист» одна за другой стали появляться статьи, осуждавшие «ситцевую индустриализацию», объявляя такой путь развития экономики «правооппортунистическим», даже «антимарксистским».

Затем настала очередь и второго, всего лишь потенциального конкурента Хрущева в проблематичной борьбе за власть – Молотова. Его Никита Сергеевич просто унизил, вынудив подписать покаянное письмо, опубликованное в 14-м номере журнала «Коммунист» за 1955 год. Письмо, в котором Вячеславу Михайловичу пришлось признать справедливой вульгарно-марксистскую позицию нового руководства – Хрущева, Суслова, Шепилова. Ту, согласно которой в Советском Союзе якобы уже был построен социализм. Скрепя сердце, Молотову пришлось писать: «Считаю свою формулировку по вопросу о построении социалистического общества в СССР, данную на сессии Верховного совета СССР 8 февраля 1955 года, из которой можно сделать вывод, что в Советском Союзе построены лишь основы социалистического общества, теоретически ошибочной и политически вредной»⁹.

И все же, как легко можно предположить, Хрущев продолжал чувствовать неуверенность, опасался консолидации своих противников и вполне возможного снятия с поста первого сек-

ретаря (того, что попытались сделать два года спустя). Чтобы окончательно обезопасить себя, он и пошел на резкий, откровенно бесстыдный отказ от своих вчерашних воззрений. Использовал старые наработки П.Н. Поспелова и выступил перед делегатами XX съезда партии, но уже после его официального закрытия, с так называемым закрытым докладом. Использовал же его в двух целях.

Во-первых, жестко осуждая репрессии по отношению к первым секретарям обкомов и крайкомов, ЦК нацкомпартий в середине тридцатых годов, как бы гарантировал делегатам их будущую неприкосновенность. Во всяком случае – полное исключение применения репрессивных методов. Во-вторых, решительно осуждая репрессии не столь уж давней поры, он предупреждал Маленкова и Молотова, Кагановича и Ворошилова, Микояна: в случае создания ими какого-либо подобия оппозиции новому руководству им всегда можно будет предъявить обвинения в соучастии «преступной деятельности» Сталина. В соучастии развязывания массовых репрессий.

Результаты такого доклада не заставили себя ждать. Они сразу же раскололи общество на «антисталинистов» – тех, кто бездумно принял все сказанное Хрущевым, стали конформистами, слепо соглашающимися со всем, предлагаемым властью, и на «сталинистов». Тех, кто продолжал видеть в прошлом не только плохое, негативное, но и положительное, заслуживающее самой высокой оценки. К расколу не только советского общества, но и мирового коммунистического и рабочего движения.

Вспомним. Уже в марте 1956 г. милиция с помощью оружия разогнала мирную демонстрацию студентов и школьников Тбилиси, выступивших против односторонней оценки Хрущевым не только Сталина, но и всего прошлого страны. Летом того же года начались и «события» в Польше. Начались с забастовок рабочих в Познани, в октябре охватили всю страну, приведя к избранию на 8-м пленуме ПОРП первым секретарем В. Гомулки. Тогда ж осенью начались и «события» в Венгрии,

нанесшие гигантский ущерб престижу КПСС, Советскому Союзу...

Вот этим-то на деле и обернулся доклад Хрущева. Тот доклад, который продолжают использовать и по сей день для очернения, дискредитации прошлого нашей страны.

¹ Жуков Ю. Сталин: тайны власти. М., 2005. С. 639.

² Там же. С. 640.

³ Правда. 1953. 6 авг.

⁴ Там же.

⁵ Жуков Ю. Указ. соч. С. 205–208.

⁶ Правда. 1954. 13 марта.

⁷ Там же. 7 марта.

⁸ См.: Жуков Ю. Указ. соч. С. 674.

⁹ Молотов В.М. В редакцию журнала «Коммунист» // Коммунист. 1955. № 14. С. 127, 128.

ОТКЛИКИ НА XX СЪЕЗД В СТРАНЕ И ЗА РУБЕЖОМ

Хрущев самым своим великим деянием, сравнимым разве что с подвигом, считал арест Берии. Но в истории он остался, прежде всего, как «разгребатель грязи», как разоблачитель сталинских преступлений. Его доклад «О культуре личности и его последствиях» на закрытом заседании XX съезда КПСС затем оглашался перед 7 миллионами коммунистов и 18 миллионами комсомольцев. И хотя обсуждать его не полагалось, жарких дискуссий избежать не удалось. Чаще всего они разворачивались в личном общении, но иногда возникали и на собраниях.

В Тбилиси 5 марта 1956 г. начались организованные шествия студентов с возложением венков к монументу Сталина. 8 марта толпа в 8–10 тысяч человек осадила здание ЦК КП Грузии и потребовала вывесить в городе флаги и портреты Сталина, а в газетах опубликовать материалы о его жизни и деятельности. Перепуганные республиканские власти предпочли выполнить эти требования. 9 марта на 80-тысячном митинге в центре города ораторы требовали пересмотреть решения партийного съезда, а один из них – Р.Б.Кипиани – призывал реабилитировать Берию и сместить Хрущева. Раздавались и требования о выходе Грузии из СССР. Но попытки огласить по радио принятую на митинге декларацию привели к столкновению с охраной Дома связи, во время которого было убито семь и ранено 15 человек (еще два человека погибли позже при разгоне митинга войсками). В город ввели танки. КГБ арестовал 38 человек, из них 20 были приговорены к различным срокам лишения свободы, но не по антисоветским статьям, а за «хулиганство», «участие в массовых беспорядках» и «разжигание межнациональной розни», выразившееся в криках: «Русские собаки убивают наших братьев!». Максимальный срок – 10 лет – получил Кипиани¹.

Прямо противоположные сигналы шли из Ленинграда. Научный сотрудник Института русского языка АН СССР, член

партии с 1920 года И.А. Алексеев 9 марта написал Хрущеву письмо, в котором предложил «на всех партийных организациях поставить вопрос специально о Сталине в таком аспекте, является ли он государственным преступником». По его мнению, «большинство партии, по крайней мере, здоровая ее часть, все честные, не переродившиеся члены партии выступят и скажут: “Да, он является преступником против человечества, идейным вдохновителем убийств, совершенных бандой Берии и его предшественниками по кровавому террору”». Спустя несколько дней Алексеев выступил на *собрании партийного актива Василеостровского района* и сказал: «Товарищ Хрущев своим докладом сделал такой поворот в нашей партийной жизни, который должна поддержать партия... Испанская инквизиция меркнет перед тем, что было у нас... Что может сравниться с чудовишной феодальной эксплуатацией, которая имела место во время господства Сталина, когда его слова расходились с делом? Колхозы на грани нищеты...». Во время обсуждения резолюции Алексеев внес предложение «посмертно судить Сталина судом партии». Но его поддержали только четверо из 750 присутствовавших².

На *Владимирском областном партийном активе* 13 марта председатель колхоза «Путь Ленина» (Кержачский район) Сыромятников предложил записать в резолюции, что ЦК правильно решил вопрос об осуждении культа личности, но сделал это поздно. По его мнению, необходимо также просить ЦК принять меры для того, чтобы в дальнейшем была исключена сама возможность возникновения культа личности. Однако его никто не поддержал. И мало того, отдельные ораторы высказали соображение, что «не следовало бы выносить вопрос о культе личности на такое широкое обсуждение, а принимать постепенные и осторожные меры по преодолению последствий культа личности»³. Более смело ставились вопросы в записках, присланных в президиум собрания: «Почему же не могли противостоять этому произволу т.т.Хрущев, Молотов, Ворошилов и другие члены партии? Почему же они положили Сталина рядом с Лениным?.. Как понимать, что товарищ Хрущев предложил съезду почтить память Сталина? Какие меры приняты ЦК

для предотвращения использования партии в целях самовозвеличивания со стороны отдельных авантюристов и перерожденцев, как это было со Сталиным? Будут ли какие указания по вопросу портретов И.В.Сталина?»⁴

Записки сходного содержания подавались и на *Свердловском областном партийном активе* 12 марта: «Какую память мы должны хранить о И.В. Сталине? Как быть с наглядной агитацией (панно, портреты, бюсты, плакаты и т.д.), посвященной Сталину? Будет ли правильно, если портреты Сталина скромно убрать и заменить другими?»⁵

Кое-где поспешили эту самую наглядную агитацию поменять, не дожидаясь указаний из центра. Так, первый секретарь Якутского обкома КПСС С.З. Борисов, докладывая *республиканскому активу* о съезде, объявил, что «вместо знамени Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина теперь будет знамя ленинизма», и, указав на установленное в глубине сцены изображение знамени с барельефами всех этих четырех вождей мирового пролетариата, сказал: «Такое оформление ошибочно допустили некоторые работники обкома». И уже в первый перерыв это оформление сцены было заменено портретом одного Ленина. Но об этом стало известно в Москве, и отдел партийных органов ЦК КПСС по РСФСР «поправил т. Борисова»⁶.

Нельзя сказать, что весь партийный актив с энтузиазмом встретил доклад о культе личности. Председатель колхоза им. Сталина (Балаклеяский район, Сталинградская область) Задаев делился своими сомнениями: «Какой-то тяжелый отпечаток ложится на душу. Мне приходилось в дни смерти Сталина проводить митинги в колхозах, и я видел, как колхозники со слезами на глазах переживали эту тяжелую утрату. И вот сейчас пойдем к колхозникам и будем обратное говорить. Не знаю, как у кого, но хватит ли силы до сознания колхозников довести это? Это тяжелый вопрос»⁷.

На *Агрызском районном партийном активе* в Татарии коммунист Назаров заявил: «Мы не можем выбросить Сталина из истории, ибо Сталин имеет определенные заслуги в прошлом, и он прочно вошел в сознание советского народа». С ним не согласились Алексеев и Токмянин: «В историю можно

войти по-разному, – возражали они. – Сталин допустил ничем неоправданное уничтожение кадров партии, и это ему нельзя простить»⁸.

Еще большая разногласия во мнениях проявилась в низовых партийных организациях. «Сталин серьезно подправлял тов. Хрущева по вопросу о создании звеньев и агрогородов. Не является ли это своего рода мстью?» – интересовались в Вологодской области⁹.

Командир танковой роты *23-й гвардейской механизированной дивизии* (Московский военный округ) П.С. Деркач говорил другим офицерам: «Зачем все это опубликовали? Подшили бы все это в архив, чтобы не ворошить души народные и не опустошать их». Инженер-полковник *Проектно-технического управления войск связи* Советской армии С.И. Коновальчик заявлял: «После этого доклада не знаешь, кому верить... Теперь нет уверенности, что и другие руководители не наделают чего-либо подобного. Нет ли здесь ошибок в отражении деятельности Сталина?» Подобных сомнений не испытывал полковник в отставке Чурсин. Возмущаясь докладом, он говорил: «Где же был сам Хрущев, почему он тогда молчал, а сейчас, когда Сталин умер, начал на него лить всю грязь? Я что-то не особенно верю всем фактам, которые изложены в закрытом письме... Сталин воспитал меня с детского возраста на своих идеях, и я от этих его идей не откажусь и сейчас. Я был и буду о Сталине самых хороших мнений». Иначе думал обо всем этом начальник штаба *75-го отдельного учебного батальона* майор Таратин: «Действия Сталина в отношении членов партии не вместились ни в какие рамки, и ему нет места на нашей земле, его нужно куда-нибудь увезти и выбросить за пределами СССР». А старший инженер-лейтенант *9-й истребительной авиационной дивизии* Игорь Чкалов, сын знаменитого «сталинского сокола» Валерия Чкалова, говорил майору Алексееву: «Хорошо, что я не вступил ранее в члены партии, так как сейчас не поймешь, кому верить: или товарищу Сталину, или линии товарищей Хрущева и Булганина». И пояснил: «Еще неизвестно, во что такая политика Хрущева и Булганина выльется, как на нее посмотрят рядо-

вые члены партии. Найдутся и такие, которые положат свои партбилеты на стол ввиду несогласия с этой линией»¹⁰.

Таковых, насколько нам известно, не нашлось. Срабатывало не только подсознательное чувство страха, но и конформизм, которое одна из современниц, рассказывая позже о себе, назвала «жаждой стадности, стремлением раствориться в толпе, быть как все, быть приговоренной к большинству, чтобы не выгнали в меньшинство». Кстати, вступая в том, 1956 г. в партию, она так отвечала во Фрунзенском райкоме КПСС г. Москвы на вопрос, зачем это делает: «Хочу знать все, что знают “партийные”, бывать на собраниях, отдавать себя в распоряжение чьей-либо железной дисциплины»¹¹.

И все же то в одной организации, то в другой появлялись «отдельные гнилые», как их определяла 5 апреля 1956 г. в редакционной статье газета «Правда», «элементы, которые под видом осуждения культа личности пытаются поставить под сомнение правильность политики партии»¹².

Случаев таких было не так уж много. Но они были. Особенно в кругах научной интеллигенции. Ученые с их склонностью к анализу позволяли себе усомниться не только в фигуре Сталина, но и в некоторых погрешностях самой советской системы. Член ЦК КПСС, историк и академик А.М. Панкратова, докладывая о результатах своей поездки в Ленинград, где она выступала с докладами и лекциями о XX съезде, приводила некоторые из полученных ею 825 записок: «Разве приписывание всех ошибок тов. Сталину не есть культ личности?.. Не является ли данью культу личности мнение, что один Сталин мог сломить волю большинства партии (или навязать партии неправильное решение отдельных вопросов)?.. Было ли правильным сплочение ЦК вокруг одного лица на любом историческом этапе?.. Были ли в русской жизни социально-экономические и социально-психологические предпосылки фантастического расцвета культа личности?.. В чем материальная основа культа личности? Может быть, в монопольном положении промышленности и сельского хозяйства, не испытывающих никакой конкуренции и поэтому не имеющих внешних стимулов для совершенствования?.. Почему не дается объясне-

ние его (Сталина. – Ю.А.) поведения, как отражения интересов определенного социального слоя, выросшего, скажем, на почве советского бюрократизма?.. Чем было наше государство в продолжение почти 30 лет: демократической республикой или тоталитарным государством?.. Не способствует ли культура личности однопартийность и почти полное слияние органов власти и партийных органов?»¹³

Нетрудно увидеть, что эти вопросы шли гораздо дальше того объяснения причин культа личности, которое содержалось в докладе Хрущева. Они свидетельствовали о неудовлетворенности этими объяснениями. А там, где, вопреки установкам ЦК, безмолвное выслушивание заменялось вдруг обсуждением, находились люди, пытавшиеся изложить свое собственное видение проблемы. Наиболее ярко это проявилось на *партийном собрании в Теплотехнической лаборатории Академии Наук СССР* 23 и 26 марта 1956 г. Высказав сожаление, что доклад о культе не обсуждался «с умом» на съезде, техник Г.И. Шедрин сказал: «Мы и сейчас повторяем культ личности, возвеличивая Хрущева». Касаясь же утверждений о «силе партии и власти народа», он категорично заявил: «Ее не было и нет. Мы со Сталиным пошли бы и к фашизму». О том же говорил младший научный сотрудник Р.Г. Авалов: «Народ бессилен, поэтому удалось небольшой группе людей установить свою диктатуру». Но дальше всех в своих рассуждениях пошел младший научный сотрудник Ю.Ф. Орлов. Отталкиваясь от мысли, что «наша страна социалистическая, но не демократическая», он утверждал: «У нас такое положение, когда собственность принадлежит народу, а власть – какой-то кучке прохвостов... Наша партия пронизана духом рабства... В лице госбезопасности мы вырастили ребенка, который бьет нас по морде». Попытки приехавшего из Москвы начальника политуправления Министерства среднего машиностроения Мезенцева переломить ход дискуссии особого успеха не имели. «Никому не позволено критиковать Центральный комитет!» – стучал он кулаком по столу. Но его предложение осудить эти выступления как политически ошибочные и содержащие клевету на партию,

собрали всего на два голоса больше, чем другое, сделанное Орловым, по сути их поддерживавшее¹⁴.

Высшее партийное руководство, получив известие об этом собрании, расценило его как покушение на свое монопольное право изрекать истину и соответственно реагировало. Уже 3 апреля оно принимает специальное решение, в котором рекомендовало рассмотреть вопрос о партийной принадлежности Орлова и его товарищей, а дальнейшее обсуждение итогов съезда в партийных организациях вести так, чтобы не допустить подобных враждебных вылазок. Но то тут, то там ситуация временами выходила из-под контроля. Начало оправдываться предупреждение Г. Лебона о том, что боги, герои и догматы «внушаются, но не оспариваются», а уж если дело дошло до того, что их подвергают обсуждению, «они исчезают»¹⁵.

Заведующий Отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР В. Чураев с тревогой отмечал в своей записке от 16 апреля 1956 г., что «на собраниях отдельных партийных организаций имеют место демагогические и даже враждебные выступления, которые не всегда получают решительный отпор и политическую оценку». А в качестве примера сослался на *Институт мировой литературы им. Горького АН СССР*, где литературовед Б.А. Бялик, говоря о причинах возникновения культа личности, заявил: «Мне кажется, что вследствие исторических причин имелась в партийном и государственном аппарате прослойка людей, которым был выгоден культ личности, которые ехали на этом. Теперь они произносят высокие слова и думают о том, как бы в этой ситуации удержаться... Были люди, которые вели к гибели тысячи людей, и были люди, которые видели это... Если все эти люди останутся на своих местах, если ничего с ними не произойдет, если им будет доверено проведение решений XX съезда, то это будет самообман с нашей стороны». «Демагогические высказывания» допустили и другие сотрудники института – Н.К. Гей и Кузнецов. «Однако, – счел необходимым отметить Чураев, – ни один из коммунистов партийной организации ничего не сказал об этих выступлениях. И лишь докладчик, член редколлегии журнала

“Коммунист” т. Румянцев, в заключительном слове подверг критике непартийные и ревизионистские суждения, имевшие место на собрании. Его правильные замечания встречались отдельными коммунистами протестующими выкриками. *Собрание* не дало партийной оценки выступлениям Бялика, Гея и Кузнецова»¹⁶.

В *Институте востоковедения АН СССР* научный сотрудник Мордвинов, член партии с 1918 г. и бывший чекист, посетовав на то, что в докладе «слишком много эмоций и личных выводов», заявил: «Члены Политбюро несут ответственность за положение, которое сложилось в партии... Они отвечают за расстрелы». При этом Микояна и Молотова он упрекнул в неискренности, а Хрущева обвинил в трусости. Критиковал последнего и аспирант Шаститко: «Мне не нравится поведение товарища Хрущева в некоторых случаях. Когда кто-нибудь выступает, товарищ Хрущев часто перебивает его репликами и сбивает». Но особенно досталось от него так называемым «представительным» органам власти: «Выборы в наши советы – это фарс, советы никакой роли не играют и не являются народной организацией, многие депутаты в них вовсе не работают. Верховный Совет ничем существенным не занимается, там нет никаких запросов». Когда же секретарь институтского партбюро Иванова предложила осудить оба эти выступления «как политически вредные», собрание с ней не согласилось. Примечательно и то, что присутствовавший здесь же первый секретарь Куйбышевского райкома КПСС В.И. Огурцов не счел необходимым поддержать это предложение и вообще отмолчался. Когда же вопрос о Мордвине и Шаститко вынесли на *партбюро*, за исключение из партии первого из них проголосовало всего 2 из 9, а второго – всего лишь один. Пришлось ограничиться объявлением им выговоров. В связи с этим В. Чураев и заведующий другим отделом ЦК (административных органов) Г. Дроздов, сообщая об этом собрании своему руководству, посчитали «необходимым поручить Московскому горкому КПСС провести собрание в этой парторганизации, развенчать антипартийные вылазки Мордвина и Шаститко, решить вопрос об их партийности и укрепить партбюро»¹⁷.

Персональные дела коммунистов, «неправильно понявших линию партии в вопросе о культе личности», стали рассматриваться и в других партийных организациях. Посыпались выговоры и исключения из партии, сопровождавшиеся увольнением с работы. На целых четыре года отложили выборы в члены-корреспонденты Академии наук СССР профессора философии Б.М. Кедрова, члена партии с 1918 г. и сына видного советского деятеля, репрессированного в 1941 г. А провинился он в том, что назвал секретный доклад Хрущева чуть ли не поверхностным и возмущался тем, что Хрущев изобразил культ личности как личную трагедию Сталина: «Какая уж там трагедия?! Вот трагедия партии и народа – это да!»¹⁸

Распустили партийную организацию в *Теплотехнической лаборатории АН СССР*¹⁹. Директор лаборатории беспартийный академик А.И. Алиханов получил указание уволить ослушников. Вызвав их к себе, он сказал: «Если вы знали, что делали и на что шли, то вы герои, если нет – дураки... Я звонил товарищу Хрущеву, просил за вас. Он сказал, что в Президиуме ЦК он не один и что другие требовали вашего ареста. Сказал, пусть радуются, что отделались увольнением. Прощайте». Но на этом скандал в лаборатории не закончился. При перерегистрации коммунистов от всех потребовали письменно осудить антипартийные речи и выразить глубокое сожаление по поводу того, что им не было дано должного отпора. Почти все так и поступили. Отказался это сделать только один Е. Третьяков. Партбилет ему, естественно, не вернули²⁰.

Признан был душевнобольным и помещен в специальную психиатрическую клинику ленинградский геофизик, лауреат Сталинской премии Н.Н. Семенов, написавший в ЦК письмо с требованием более последовательно разоблачать сталинские преступления²¹.

В той же записке Чураева от 16 апреля 1956 г. отмечались «факты, когда отдельные партийные организации проявляют политическую беспечность, которую используют враждебные элементы». А в качестве примера приводился случай, имевший место в *Верховском лесозаготовительном пункте* Плесецкого района Архангельской области, где 25-летний комсомолец, мо-

торист электростанции Б. Генералов, имевший незаконченное высшее образование, «встал на путь антисоветских действий». Это выразилось в том, что он вел «устную враждебную пропаганду среди рабочих», а также распространял среди них листовки, отпечатанные им на пишущей машинке. Листовки эти содержали «клеветнические выпады против Советского правительства, призывы к упразднению Коммунистической партии Советского Союза и преданию суду ее Центрального комитета». При аресте его органами госбезопасности у него были обнаружены три таких листовки, пишущая машинка и письмо, которое, по его собственному признанию, в случае получения одобрения от рабочих он собирался послать Хрущеву: «Никита Сергеевич! Мы, рабочие Верховского лесопункта, благодарны Вам за то, что Вы нашли в себе смелость сказать всему народу правду и сообщить факты, которые дают основание не доверять Вам и правительству. Мы свято чтим Ленина... и считаем, что в создавшейся обстановке нам нужно поступать, как учил Ленин: вся власть советам, т.е. местным советам депутатов трудящихся... Если Ваше заявление и доброжелательство к Ленину не лицемерны, то Вы пришлете нам свои правительственные гарантии, что наших делегатов и агитаторов не тронут работники милиции и госбезопасности. В противном случае могут возникнуть инциденты, а может быть и ненужные кровопролития, за что ответственность будете нести Вы»²². В той же записке приводился и пример противоположного свойства, когда 11 апреля в *Вологде*, в помещении главного универсального магазина была обнаружена рукописная листовка следующего содержания: «Болтовня, Сталин – с нами. ВЛКСМ»²³.

Но, повторяем, подобных радикалов насчитывалось немного. Гораздо больше в среде той же интеллигенции было таких, кто испытывал, наподобие театрального режиссера, двукратного Сталинского лауреата Георгия Товстоногова, «чувство удовлетворенной справедливости». Писатель Юрий Герман, подвергшийся в 1946 г. вместе с Зощенко и Ахматовой ожесточенным нападкам со стороны главного тогдашнего идеолога Жданова, теперь звонит из Ленинграда в Москву своему другу и кричит: «Мы, наконец, вступаем в семью европейских народов! И я вступаю в партию!»²⁴

Однако и розовые оптимисты не определяли тогда погоды в общественном мнении. Поэтесса Анна Ахматова, бывшая жена расстрелянного поэта Гумилева и мать их общего сына – репрессированного историка-этнографа, говорила в марте 1956 г.: «Теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили»²⁵.

Когда бывший генеральный секретарь Союза советских писателей А.А. Фадеев покончил с собой, репрессированный не без его помощи, а теперь реабилитированный литератор М. Чарный сказал: «Доносили все, а застрелился один!»²⁶ Мало кто из тех, которые «сажали», оказались способными на покаяние. «XX съезд был для нас катастрофой», – признавалась Л.А. Фотиева, передававшая в свое время Сталину секретные диктовки из политического завещания Ленина, у которого она работала личным секретарем. Теперь она пыталась найти оправдание своему давнему неблагоприятному поведению: «Сталин был для нас авторитет. Мы любили Сталина. Это большой человек»²⁷.

А кто из тогдашней политической элиты мог бы поклясться, что не доносил и не требовал распять? Вот почему эта элита воспринимала доклад о культе личности двойственно. Оставаясь в душе сталинистами, многие из представителей тогдашней номенклатуры (может быть, даже большинство) тем не менее поддержали разоблачение Хрущевым сталинских преступлений. И не только в силу партийной дисциплины и лакейской угодливости, лицемерия²⁸. Но и потому, что если даже не вполне понимали, то шкурой чувствовали, насколько зыбким и непрочным было их положение при Сталине, насколько их жизнь и смерть зависели от капризов одного человека, пусть и безмерно любимого. Отныне же им обещана и гарантирована стабильность. Ради этого можно было и поменять свои убеждения. Как сказал в подобном случае король Генрих IV, «Париж стоит мессы».

Иное дело – люди простые. Считалось и до сих пор считается, что в низовой партийной среде и в народе разоблачение культа Сталина встретило понимание и одобрение. Сам Хрущев безапелляционно утверждал тогда: «Это факт, что в Советском Союзе содержание доклада сразу все поняли правильно».

но. Не поняли только единицы, о чем говорит то, что из партии по этому поводу было исключено 5–7 человек»²⁹.

Однако вся политика КПСС в последующие три десятка лет и реагирование на нее «молчаливого большинства» заставляют усомниться в истинности такого предположения. Один выпускник филологического факультета МГУ, отправившийся преподавать в заволжскую глубинку, когда узнал о сталинских злодеяниях, начал опрашивать жителей деревни об их отношении к Сталину. Ему хотелось услышать «глас народа». «А нам что, мы его не знали», – говорили ему.

Когда четыре года спустя рассказ об этом услышал А.Т. Твардовский, писавший тогда антикультовскую поэму «За далью даль», он сделал вывод о том, «как чужд был народу Сталин»³⁰. Поэт, как нам кажется, ошибался. Молчание не всегда означает согласие. Оно может быть и уклонением от демонстрации согласия с господствующей, официальной точкой зрения. Историк Л.Н. Доброхотов справедливо указывал на особенности социально-психологического климата тех послесталинских лет, когда «основная масса людей, воспитанных в традициях пиетета и преклонения перед “великим вождем и учителем”, еще не была готова трезво взглянуть в глаза исторической правде»³¹. Новейшие данные, ставшие достоянием историков, дают основания сделать точно такой же вывод, а именно: народ, в отличие от своей интеллигенции, в большинстве своем не понял и не одобрил такого резкого поворота от прославления и обожествления к развенчиванию Сталина.

Распространились слухи, будто на том же самом закрытом заседании съезда, на котором Хрущев делал доклад о культе личности, слово для справки взял Молотов, сказавший якобы: «Несмотря на полученную съездом информацию, я продолжаю считать Сталина гениальным продолжателем дела Ленина»³². Имя Молотова становится снова популярным в определенных кругах. Его требовали назначить главой правительства некоторые участники уже упоминавшейся демонстрации в Тбилиси³³.

Вспоминая смятения зимы 1956 г. и отдельные споры на вечеринках, порой перераставшие в рукопашные сражения, критик и прозаик В. Кардин замечал: «Инерция “культового мыш-

ления” владела нами, и было проблематично – останемся мы во власти этого мышления или начнем обретать новое. Задача решалась не голосованием, не постановлением общего собрания. Но каждым самостоятельно. Наедине с собою»³⁴. Другими словами об этом же сказал писатель Вениамин Каверин: «Уж можно ходить на двух ногах, а многие еще ползают на четвереньках»³⁵. А как много было этих «многих»? Осужденный в 1948 г. за организацию Московской группы «Демократической партии» и освобожденный сразу же после XX съезда КПСС А.И. Тарасов проездом на Кавказ остановился у своих родителей в столице. «В Москве, – вспоминал он позже, – меня больше всего поразила ностальгическая любовь народа к Сталину. Люди вспоминали его грандиозные похороны, море пролитых слез, испытывая даже восторг по поводу смертельной давки в толпе. “И сотни душ растоптанных сограждан траурный составили венок”, – умилялся какой-то поэт. С тех пор я перестал верить принципу, что глас народа есть глас божий, и понятней стало, что каждый народ достоин своего правительства»³⁶.

О том, насколько трудно происходил этот сдвиг в общественном сознании, свидетельствуют и результаты работы, проведенной на факультете истории, политологии и права Московского государственного областного университета (МГОУ). По определенной методике в 1994–2004 гг. там силами студентов был проведен опрос полутора тысяч человек (своих родителей, близких и дальних родственников, просто знакомых, и даже случайных встречных), помнящих о событиях той эпохи. Рассказы этих людей, а главное, высказанное ими личное отношение к тому или иному событию, к тому или иному политическому лидеру, дали возможность и некоторые основания для того, чтобы попытаться выявить количественные оценки различных секторов спектра политических настроений и предпочтений времен «оттепели», проследить динамику популярности наследников Сталина.

На вопрос своим респондентам «Слышали ли вы текст этого доклада лично на партийном или комсомольском собрании?», задаваемый в ходе этого опроса, 553 из 1 481 опрошенного (или 37,3%) ответили, что да, слышали.

Лично на комсомольских собраниях слышали секретарь комитета ВЛКСМ на Московской фабрике Гознак А.С. Кузина³⁷, а также студенты Ю.В. Андреев (в Московском государственном институте международных отношений)³⁸ и М.Б. Жислин (в Московском архитектурном институте)³⁹. В Ханое (Вьетнам) пришлось слушать текст доклада переводчику В.В. Иванову⁴⁰.

Кое-где из доклада не делали тайны ни для кого, и на его заслушивание приглашали всех. Так, партийное собрание в СУ-19 Мосстроя было открытым, на него пригласили не только комсомольцев, но и беспартийных⁴¹. Приглашали беспартийных слушать доклад на заводе «Вторчермет» в Москве⁴², на Московской городской дезинфекционной станции⁴³.

Пытался записывать доцент Московского института инженеров транспорта им. Сталина Н.С. Баскаков, да «запретили»⁴⁴. Очень подробно удалось записать все услышанное автору этих строк – тогда студенту Московского государственного историко-архивного института. Но сразу же после собрания его вызвали в комитет комсомола и отобрали тетрадь с записью.

Слышала и читала заведующая отделом кадров Лучского поселкового совета в Чеховском районе Н.П. Шишова. Сама зачитывала текст на комсомольском собрании в селе Сенино Чеховского района К.К. Лишманова. Не слышала, но читала, когда доклад перепечатывался у нее на работе в Звениговской районной типографии (Марийская АССР) Ф.И. Арсеньева⁴⁵. Десятикласснице Сталине Золотухиной принес текст домой папа (замполит госпиталя им. Бурденко) и дал прочесть, но в московской школе № 656, где она училась, доклада комсомольцам, утверждает она, не читали⁴⁶. Выпускнице Орехово-Зуевского педагогического института Н.П. Живулиной прочесть дала ее сестра, секретарь горкома партии⁴⁷. В самиздатовском виде прочитал уже осенью 1956 г. текст доклада студент-первокурсник Ленинградского библиотечного института Б.Б. Вайль (комсомольской организации в школе доклад почему-то не зачитывался) и вручную переписал его для дальнейшего распространения⁴⁸.

Как же реагировала публика на услышанное?

На вопрос «Как вы отнеслись к прозвучавшим в нем обвинениям в адрес Сталина?» 517 человек, или 34,9% опрошен-

ных, ответили, что поверили и одобрили. «Народ приветствовал, – утверждала К.Е. Горбунова, работавшая тогда в отделе дошкольников ЦК ВЛКСМ. – Я тоже. Моего деда раскулачили в свое время. Мужа, когда он был подростком, выселяли из Москвы с родителями-нэпманами». Студент Московского рыбного института Д.Б. Волков жил в районе Арбата, где «репрессии затрагивали близких и соседей», а в эвакуации в Игарке «столкнулся с положением ссыльных». Студентка Московского торфяного техникума (в Большом Вузовском переулке) М.В. Бессонова знала, что однажды ее мать вызывали в органы госбезопасности и спрашивали, почему она на выборах проголосовала против Сталина (ее ответ был таким: «Мне нравится все в товарище Сталине кроме одного – почему он разрешает себя так возвеличивать?»). «Это происшествие почему-то осталось без последствий. Но мне было страшно и стыдно за маму, я не могла понять ее». И все теперь узнанное о Сталине заставляло задумываться над тем, насколько политики правдивы и правильны ли их решения. «Наверное, понятие “борьба за власть” стало применимо и к нашему правительству»⁴⁹.

Работница фабрики им. Октябрьской революции в Михнево Раменского района Л.С. Кондрашова и ранее слышала много разговоров о жестокости Сталина. Многие знакомые инженера Московского нефтеперерабатывающего завода А.С. Шуровой пострадали от репрессий. «То, что в правление Сталина совершались ошибки, просчеты, знали все, – рассказывала работница Томилинской птицефабрики А.М. Васильева, – и дома, в очень узком семейном кругу это иногда обсуждалось, правда, об этом говорили втихаря». «Очень многие поверили фактам, содержащимся в докладе, – вспоминала В.Ф. Полянская, слушавшая этот доклад на партийном собрании в Министерстве сельского хозяйства. – Многие плакали. Начали терять веру в Сталина». «Как не поверить? – недоумевала жительница подмосковной Немчиновки С.И. Алексеева. – Культ был, да еще какой! Сталин все равно что бог был. И страшно было. Не помню, чтобы при Сталине кто-нибудь себя спокойно чувствовал». Поверил, но был растерян колхозник Д.И. Романов из деревни Полтево в Ногинском районе. «Это было, конечно, для

меня и моих товарищей как потрясение, – рассказывал геолог из Алма-Аты М.И. Тухтин. – Но все мы в это поверили, хотя это и было для нас не просто»⁵⁰.

Поверила, ибо это исходило от правительства, работница поселкового потребительского общества в подмосковной Салтыковке О.М. Данилова. «Все-таки требовалась какая-то “послабка”, – объяснял не столько свои мотивы, сколько свое понимание общественной значимости доклада о культе личности А.И. Голубчиков из Каменск-Уральского, – а после этого, несмотря на то, что смены курса не произошло, все же постепенно стала исчезать боязнь сказать что-то лишнее»⁵¹.

Вся станица Шкуринская на Кубани стала раскланиваться с учителем истории Г. Померанцем, узнав от десятиклассников, что он еще три месяца назад на новогоднем вечере говорил им о Сталине то, что теперь Хрущев повторил с трибуны съезда. И ни один пацаненок теперь не кричал ему в спину о том, кто он такой, то есть жид. «Я был, так сказать, принят в почетные казаки за обличение злодея, заморившего голодом половину Шкуринской в 1932 году»⁵².

Не сразу, с трудом поверил и частично согласился с обвинениями московский школьник Е.В. Шишков. Удивившись, поверила не совсем и не сразу техник Красногорского оптико-механического завода Р.И. Бакина. Не сразу смог поверить и работник санатория ВМФ в Солнечногорском районе Б.С. Егоров, «но уже слепой веры в Сталина не было». Шокирован и потрясен был курсант Молотовского высшего авиационного технического училища им. Молотова А.Т. Щепкин: «Что же у нас в стране творится? Сталин – отец всех народов, оказывается преступник?» Смириться с такою мыслью сразу же было невозможно. И только после реабилитации Тухачевского, последовавшей год спустя, обвинениям в адрес Сталина пришлось поверить⁵³.

Не поверили и не одобрили доклад 588 человек, или 39,7% опрошенных. «Сталин был для нас отцом, как мы могли в это поверить?» – недоумевала счетовод Р.С. Савенцева из деревни Орловск в Марийской АССР. «Сталин для нас был всем!» – вторила ей работница домоуправления в поселке Лыткарино

Люберецкого района. «Очень любила Сталина» учительница из деревни Буреевка в Тюменской области В.П. Торопова, ведь «он поднял страну из разрухи». «Мы всем ему обязаны – жизнью, победой и т.д.», – говорила врач Боткинской больницы в Москве Е.З. Крейнина. Рабочий завода № 30 в Москве А.И. Кирьянов и его друзья «считали Сталина своим учителем, могли пойти в бой за него». «Он не мог этого сделать!» – не поверил тогда и продолжает не верить сейчас московский строитель М.М. Гурешов. «Нам ведь никогда до конца всей правды не говорили», – оправдывала свое неверие и неодобрение работница швейной мастерской № 23 в Москве Л.В. Гурьева⁵⁴. «Всегда была за Сталина» санитарка в поселке Красная Гора близ Шатуры Г. Свищева⁵⁵. «Мы по этим вопросам официально придерживались “партийного мнения”», – вспоминал курсант Ленинградского военно-морского инженерного училища им. Дзержинского Н.Л. Хаустов, но «одобрения в душе не было, так как авторитет Сталина оставался великим»⁵⁶. Не поверили, «но свое мнение вслух не высказывали», по словам Т.А. Машковой, доярки из деревни Акулово в Бельковском районе Рязанской области⁵⁷.

«Такого не может быть!» – думала браковщица 1-го государственного подшипникового завода Е.К. Никоненко⁵⁸. Ерундой считал критику сталинского тезиса об усилении классовой борьбы слушатель Московской высшей партийной школы Г.С. Корнев. К тому же он не мог поверить, будто Сталин по глобусу войной руководил⁵⁹. «Ничего плохого мы от Сталина не видели, мы в него верили», – говорила Л.С. Соловьева, мастер артели им. Котовского в Москве⁶⁰. Отрицательно оценила доклад водитель троллейбуса (маршрут № 10 по Садовому кольцу Москвы) Е.И. Рахманова: «Зачем ворошить прошлое? Сталин был нашим героем»⁶¹. «Вождя втапывали в грязь, – утверждала агроном племенного совхоза “Пахомово” в Сумской области (Украина) Т.А. Степанова. – Народ в это не верил»⁶². «Никто не поверил услышанному, в том числе и я», – вспоминал Е.А. Зарядин, тракторист совхоза «Талдом» в Талдомском районе⁶³. «Доклад не признавали», и по утверждению монтажницы завода № 17 в Подольске М.И. Александровой⁶⁴.

Считала, что в репрессиях виноваты Берия и окружение Сталина, «которое хочет теперь всю свою вину свалить на Сталина», – Е.А. Борисова, швея Московской меховой фабрики № 2⁶⁵. Студент Московского авиационного техникума К.Ф. Капитонов считал единственной виной Сталина то, что он питал безграничное доверие к своему окружению⁶⁶. Хотя и видел, как уничтожались люди, полковник А.К. Кузнецов, служивший тогда в Управлении воздушно-десантных войск Министерства обороны, но продолжал считать, что «так надо»⁶⁷. Что бы о нем не говорили, Сталин для экономиста бумажно-прядельной фабрики № 2 Ореховского хлопчатобумажного комбината В.В. Шумаковой был великим человеком: «С ним была поднята из руин страна. С ним была выиграна война; если и были какие-то отрицательные моменты, то, что он сделал для страны, их перекрывает»⁶⁸.

«Грамотные, опытные наставники» были у курсантов Новосибирского военного училища, вспоминал В.П. Ильюхин. «Мы им поверили больше, чем Хрущеву. С самого первого момента у меня появилась антипатия к Хрущеву. С помощью преподавателей я начал осознавать, что Хрущев ненавидел Сталина и стал убирать с правительственных и военных постов сталинские кадры. Вместо них появились “чего изволите”, троцкисты, которые быстро стали занимать ответственные посты. Многие из них стали помогать выполнять план Алена Даллеса по развалу СССР»⁶⁹.

Инженер «Гипросахара» Е.В. Мясникова считала и продолжает считать Сталина не только великим стратегом, но и великим пророком, еще в 1939 г. предсказывавшим, что силами, рвущимися к мировому господству и рассматривающими Россию как варварскую страну и сырьевой придаток, все будет направлено на то, чтобы извратить дела нашей партии и народа, чтобы уничтожить СССР. «Да, культ личности был, но ведь и личность была», – говорит она, советуя прочитать соответствующие высказывания Черчилля, Рузвельта, Паасикиви, Барбюса, патриарха Алексия, а также стихи Ахматовой и песни Вертинского⁷⁰. Аспирантка Московского педагогического института им. Потемкина М.П. Кипяткова пересмотрела свое от-

ношение к Хрущеву. А сейчас она считает, что развал СССР начался именно с этого его поступка⁷¹. С того момента стал презирать Хрущева мастер по химической части в складе при воинской части в подмосковном Очакове А.А. Филиппов⁷².

Но были и такие среди них, кто со временем изменил свою точку зрения. Сначала не поверила совсем, «но через какое-то время стала верить» домохозяйка (трое детей) А.К. Никифорова из Дмитрова⁷³. «Позже уже стали немного верить», – вспоминал слесарь московского завода «Серп и молот» А.А. Кульков⁷⁴. Считая вначале обвинения в адрес Сталина «наговором», а доклад Хрущева низким и подлым поступком, дезинфектор на санэпидемстанции в Лабинске (на Кубани) В.А. Кузнецова спустя долгое время познакомилась с человеком, из-за ерунды сосланного на Колыму, и стала верить обвинениям⁷⁵. Были растерянность, даже испуг у выпускницы московской средней школы № 15 В.И. Лыковой: «Сразу не поверили». Но с появлением информации (книги, публикации) у нее – лаборантки завода медпрепаратов – появились сомнения, и она «постепенно стала верить тому, что говорили о Сталине»⁷⁶.

Имели двойственное мнение 171 человек, или 11,5% опрошенных. Нервничала Т.К. Терешина, студентка технического училища в Казани: с одной стороны, «как не верить руководству», а с другой – «трудно поверить, что так было на самом деле»⁷⁷. Многие в докладе показались правдой для бригадира поездной бригады из Николаева В.А. Попова, но ведь «Сталин выиграл войну, что оправдывало многие его действия»⁷⁸. Не понимала, что лучше, а что хуже, зоотехник колхоза им. Кирова в деревне Ивановка Калязинского района Калининской области Г.В. Кузнецова⁷⁹. Не знали, как реагировать – плохо это или хорошо, по словам А.Н. Суховой, почтальона из поселка Южный в Тульской области⁸⁰. «Не знали, что и думать, – вспоминала работница завода “Серп и молот” Н.М. Мартова, – потому что до этого Сталин был буквально богом для нас»⁸¹. Не бралась судить, кто он, «освободитель или тиран», изолировщица из Лаборатории измерительных приборов АН СССР (ЛИПАНа) Т.Я. Филатова⁸². Возмущалась Сталиным, но в то же время продолжала чтить в нем отца народов работница

управления Щелковской фабрики «Интернационал» А.В. Орлова⁸³. Правомерными считала обвинения против Сталина студентка Московского педагогического института им. Крупской Л.В. Кузнецова, однако она была против того, чтобы говорить о них всенародно, так как «это не способствует величию и престижу страны и играет на руку врагам»⁸⁴. Поверила обвинениям, но не одобрила их огласку жена военнослужащего Н.И. Колесникова из села Хотейчи в Егорьевском районе⁸⁵.

«С одной стороны, – говорила рабочая Клинской лыжной фабрики Л.Я. Титова, – понимали, что все говоримое о Сталине правда, с другой – боялись как-то оценивать этот доклад, так как не знали, для чего это все раскрыли перед людьми»⁸⁶. Двойственное мнение члена КПСС А.В. Девяткиной из Пензенской области («и да и вроде бы нет») вполне возможно имело и такое объяснение: «Никто открыто тогда своего мнения не высказывал. Боялись, а если это не так, что тогда будет? Ведь все были запуганы и боялись всего. Одним словом, не знали, что и думать»⁸⁷. Нечто подобное вспоминала и ученица торговой школы в Саратове Т.В. Быкова: «Все было окружено какой-то тайной. И верилось и не верилось в это. Было страшно»⁸⁸.

Не имели собственного мнения, остались безразличными, не обратили внимания 98 человек, или 6,6%.

«Я политикой не интересовалась», – признавалась Л.С. Николаева, электрообмотчица с завода «Респиратор» в Орехово-Зуеве⁸⁹. «Значения не придавала» колхозница Е.П. Трусова из деревни Кушевица в Шатурском районе⁹⁰. Политикой не интересовалась Н.П. Плужникова, работница поликлиники в подмосковном Лыткарине⁹¹. Не интересовалась и 18-летняя ленинградка Г.М. Толмачева, так как работала продавщицей, училась в институте и гуляла с ребятами⁹². Было все равно 18-летней А.В. Куклевой из поселка Борисоглебский в Ростовском районе Ярославской области⁹³. «Молодой был» шофер Коробовского совхоза в Шатурском районе А.Ф. Кисилев, которому исполнилось уже 24 года⁹⁴. «Было плевать» телефонистке завода № 11 в Краснозаводске М.В. Шлыковой⁹⁵. Не до того было смоленской колхознице Н.Т. Тихоновой, только что родившей девочку⁹⁶.

То, что читал в газетах рабочий вагонного депо станции Люблино Московско-Курской железной дороги Н.И. Лопатин, не вызвало у него никаких чувств⁹⁷. Не было это интересно мастерицу Раменской мануфактуры М.С. Евсееву и все равно было его жене Т.П. Евсеевой⁹⁸. Не задумывалась М.Н. Мозалова, рабочая совхоза «Марьино» в Москве⁹⁹. Не обременял себя думами об этом учитель Н.И. Ануфриев из Дмитрова¹⁰⁰. По словам учительницы младших классов А.С. Хорошевой из деревни Подъячево в Дмитровском районе, «все очень мало этим интересовались и ни у кого не было четкого мнения об этом»¹⁰¹. Слышала какие-то разговоры, но особенно не интересовалась В.Д. Алешина из поселка Дубки в Одинцовском районе¹⁰². «Слышали, а что конкретно не знали», – по словам военрука Онуфриевской школы в Истринском районе А.А. Рыбакова¹⁰³. «Мало что знал об этом» техник предприятия п/я 116 в Москве И.П. Сильницкий¹⁰⁴. «Пусть разбираются взрослые», – думал 10-классник Л.П. Ивченко из села Заводское в Алтайском крае¹⁰⁵. «Наше дело – работать», – говорила швея Н.Ф. Козькова из ателье № 5 академии бронетанковых войск в Москве¹⁰⁶.

Ничего не сказали о своем тогдашнем мнении 57 человек, или 3,8% опрошенных. Услышанное на партийном собрании «заставило задуматься», вспоминает Е.Л. Алексеева из деревни Долгое Ледово в Щелковском районе, «но вслух об этом никто не говорил»¹⁰⁷. «Все шептались, переговаривались», – свидетельствовала В.А. Василевич, домохозяйка из Калинина. Что же касается ее самой, то она всего-навсего только «удивилась»¹⁰⁸. «Все шептались» и по словам откатчицы Метростроя А.Е. Александровой, говоря, что «теперь будут аресты старых сталинских кадров»¹⁰⁹. «Молчала как и все» рабочая СУ-19 Мосстроя А.Т. Булычева¹¹⁰. Только слушала, как «очерняли Сталина», то, что при нем «многих людей сажали ни за что в тюрьму», но «своего мнения не выразила» ни тогда, ни сейчас учительница А.Ф. Алифанова из Власовской школы в Раменском районе¹¹¹. «У нас об этом разговора не было», – отвечает Н.М. Смирнова, работавшая тогда в колхозе им. Горького (деревня Рябинки Можайского района)¹¹².

Утверждают, что тогда ничего не знали об этом 27 из 974 опрошенных в 1996–1999 гг., или 2,8%. Понятия об этом не имела рабочая станции 207-й километр Северной железной дороги Е.П. Паршина¹¹³. «О докладе ничего не знали», – утверждает О.В. Фоменкова, тогда – 19-летняя работница Дрезненской фаянсовой фабрики и комсомолка¹¹⁴. «Не откуда было узнавать, не было даже радио», – утверждает А.А. Гаранина из деревни Дерюзино (колхоз «Заря») в Загорском районе¹¹⁵. Ничего не знала и З.И. Соболева из села Язвинцы в Загорском районе¹¹⁶. «Узнала гораздо позже» З.М. Васильева, работница станции водоснабжения в Серпухове¹¹⁷. «А мы и не знали, что он был, доклад этот», – вспоминала Н.И. Завереева, которая только после выхода замуж и переезда из Каменки Пензенской области в подмосковный Красногорск в 1958 г. услышала, как «Сталина грязью поливают»¹¹⁸. Только года через два, переехав из Нерчинска в Подмоскovie, узнала об этом продавец О.Г. Михайлова¹¹⁹.

К этой категории респондентов примыкают те, кто ничего не помнит о таком событии, как XX съезд КПСС, и о последовавшем на нем разоблачении сталинских преступлений. Таковых оказалось 25 из 974 опрошенных в 1996–1999 гг., или 2,5%. Не помнит «за давностью лет» (ей 81 год) Л.И. Радина из деревни Митино около Павлова Посада¹²⁰. Ничего не помнит Ф.И. Канонеров, работавший тогда на деревообрабатывающем заводе в Москве, а живший в Пушкино: «Ничем не интересовался, работал, а вечером отдыхал»¹²¹.

Конечно, с точки зрения социологической науки, результаты этого опроса трудно считать по-настоящему репрезентативными. Но, тем не менее, в порядке первого приближения к истине, на уровне рабочей гипотезы, их можно взять на вооружение и если не сделать вывод, то хотя бы поставить вопрос: а готово ли было советское общество к десталинизации? Не к отказу от массовых чисток и репрессий, а от мышления, идолом которого стал образ «мудрого отца, учителя и друга», «великого вождя всех времен и народов»?

Общество, во всяком случае, довольно значительная его часть, настолько успело одурманиться сильными и регулярны-

ми дозами идеологического культового зелья, что отказ от них, а тем более попытка прописать ему противоядие, вызывали своеобразную «ломку». Врачи в таком случае поступают по-разному: либо решительно и бесповоротно продолжают «шоковую терапию», рискуя, что больной сорвется и все может кончиться летальным исходом, либо ограничиваются гомеопатическими дозами лечения, пилюлями и припарками, не имея, однако, никакой гарантии от возможного рецидива застарелого недуга. Хрущев вставал то на один, то на другой путь, но нигде не был достаточно последователен. Если «глас народа» действительно был тогда таковым, то становится понятнее, почему Хрущев, так много сил положивший на то, чтобы доклад о культе личности был оглашен на XX съезде КПСС, а затем стал известен всей партии, да в придачу комсомолу, почему он вдруг остановился и даже стал делать попятные шаги. Значительную роль тут сыграли и оппозиция его соратников, и советы китайских товарищей, и опасения, как бы события не вышли из-под контроля и не стали развиваться по тому самому сценарию, по какому они потом шли в Польше и Венгрии, и «сопротивление материала» совсем иного рода.

¹ Кузовкин Г., Паповян А. Гроза в начале оттепели: Тбилиси, 1956. Беспорядки или мятеж? // Общая газета. 1996. 7–13 марта. С. 10. По другим данным, во время разгона манифестантов и ликвидации беспорядков было убито около 20 человек, а более 60 получили ранения. В ночь на 10 марта КГБ задержал 381 человека, большинство из которых оказались студентами и школьниками. К уголовной ответственности привлекли 39 человек, выступавших на митингах, а также инициаторов и участников составления требований к правительству (см: Молотов, Маленков, Каганович. 1957: стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и др. документы / сост. Н.Ковалева и др. М.: Междунар. фонд «Демократия», 1998. С. 753. Примечание).

² Информация секретаря Ленинградского обкома КПСС Ф.Р. Козлова о районных партийных активах в Ленинграде от 16.03.56 (Рос. гос. арх. новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 32. Д. 45. Л. 24–26).

³ Докладная записка заведующего Отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР об обсуждении итогов XX съезда КПСС В. Чу-

- раева от 19.03.56 с пометой: «Читал М. Суслов, А. Аристов, Н. Беляев, Л. Брежнев, П. Пospelов, Д. Шепилов, Е. Фурцева» (Там же. Д. 43. Л. 8–9).
- ⁴ Там же. Л. 22.
- ⁵ Там же. Л. 62.
- ⁶ Там же. Л. 8.
- ⁷ Там же. Л. 9.
- ⁸ Информация секретаря Татарского обкома КПСС З. Муратова об обсуждении итогов XX партийного съезда от 18.04.56 (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 46. Л. 119).
- ⁹ Информация секретаря Вологодского обкома КПСС об обсуждении итогов XX партийного съезда от 13.04.56 (Там же. Л. 91).
- ¹⁰ Справка генерал-майора танковых войск Гришина о реагировании военнослужащих в частях Московского военного округа на доклад Хрущева «О культе личности и его последствиях» с пометой Шуйского 6.06.56: «Доложено т. Хрущеву. Архив» (Там же. Оп. 16. Д. 46. Л. 202–204, 207–208).
- ¹¹ *Вишневецкая И.* Мои сороковые // Новая Россия. 1996. № 1. С. 91.
- ¹² Коммунистическая партия побеждала и побеждает верностью ленинизму // Правда. 1956. 5 апр. С. 1.
- ¹³ Докладная записка А.М. Панкратовой в Президиум ЦК КПСС о настроениях ленинградской интеллигенции в связи с чтением доклада о культе личности, без даты, с пометами: «Из секретариата т. Хрущева записка т. Панкратовой направлена в отдел пропаг. и агитации...», «тов. Шепилов Д.Т. ознакомился. В архив» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 46. Л. 214, 216–218).
- ¹⁴ Цит. по: *Пихоя Р.* Бомба под диктатуру пролетариата: как ЦК КПСС создавал политическую оппозицию самому себе // Российская газета. 1996. 15 марта. С. 28. Правда, Орлов в своих воспоминаниях утверждает, что «члены партии предложения не приняли» и что Мезенцев в своем рапорте в ЦК подправил стенограмму. (См.: *Орлов Ю.* Опасные мысли: мемуары из русской жизни. М.: «АиФ», 1992. С. 116).
- ¹⁵ *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. С. 247.
- ¹⁶ Записка заведующего Отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР В. Чураева о ходе обсуждения итогов XX съезда от 16.04.56. Имеются ознакомительные подписи секретарей ЦК Сусллова, Аристова, Пospelова, Фурцевой, Шепилова, Беляева (Центр хранения современной документации. Ф. 5. Оп. 32. Д. 45. Л. 2–3).
- ¹⁷ Сообщение заведующего Отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР В. Чураева и заведующего Отделом административных органов Г. Дроздова от 16.04.56 с пометой: «Ознакомить секретарей ЦК КПСС» – и подписями Сусллова, Аристова, Пospelова и Беляева (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 46. Л. 82–83, 87).

- ¹⁸ *Меньшикова Т., Соломонов Ю.* Свет судьбы // Советская культура. 1989. 20 мая. С. 3.
- ¹⁹ См.: *Белецкая В.* Узник совести // Огонек. 1989. № 5. С. 22.
- ²⁰ *Орлов Ю.* Указ. соч. С. 117, 118.
- ²¹ *Буковский В.* И возвращается ветер // Театр. 1990. № 4. С. 179.
- ²² Записка заведующего Отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР В. Чураева о ходе обсуждения итогов XX съезда от 16.04.56 (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 45. Л. 4).
- ²³ Там же. Л. 5.
- ²⁴ *Данин Д.* Неравная дуэль человека с Богом // Наука и жизнь. 1989. № 12. С. 129.
- ²⁵ *Чуковская Л.К.* Записки об Анне Ахматовой. Париж, 1980. Т. 2: 1952–1962. С. 7.
- ²⁶ *Василевский В.С.* «Нет леса – нет дров»: рабочие записи / публикация А. Василевского // Литературная газета. 2011. 9 февр. С. 8.
- ²⁷ К истории последних ленинских документов: из архива писателя А. Бека // Московские новости. 1989. № 17. С. 9.
- ²⁸ «Болтовня, инфляция мысли, позорная праздность», – так, например, записывал А.Т. Твардовский свои впечатления от *собраний писателей*, с которого он ушел, даже не дослушав доклад Суркова. (*Твардовский А.* Из рабочих тетрадей // Знамя. 1989. № 7. С. 178).
- ²⁹ Н.С. Хрущев: «У Сталина были моменты просветления»: запись беседы с делегацией Итальянской компартии, 10 июля 56 г. // Источник. 1994. № 2. С. 86.
- ³⁰ Цит. по: *Лакшин В.Я.* «Новый мир» во времена Хрущева: дневник и попутное (1954–1964). М.: Кн. палата, 1991. С. 33.
- ³¹ XX съезд КПСС и его исторические реальности / рук. авт. колл. Н.А. Барсуков, общ. ред. В.В. Журавлева. М.: Политиздат, 1991. С. 260.
- ³² Цит. по: *Константинов В.* Несколько уточнений // Дружба народов. 1985. № 3. С. 175.
- ³³ Последняя «антипартийная» группа: стенографический отчет июньского 1957 года пленума ЦК КПСС // Исторический архив. 1993. № 6. С. 74.
- ³⁴ *Кардин В.* Не застрять бы на обочине // Дружба народов. 1989. № 2. С. 245.
- ³⁵ Цит. по: *Борев Ю.* Фарисей: послесталинская эпоха в преданиях и анекдотах. М.: Конец века, 1992. С. 37.
- ³⁶ *Тарасов А.И.* «Всесоюзная демократическая партия» // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 138.
- ³⁷ Анкета № 13/А // Личный архив автора.
- ³⁸ Анкета № 1/А // Там же.
- ³⁹ Анкета № 4/А // Там же.
- ⁴⁰ Анкета № 5/А // Там же.

- 41 См.: Анкета № 342 /99 // Личный архив авторов.
- 42 Анкета № 321/98 // Личный архив автора.
- 43 Анкета № 322/98 // Там же.
- 44 Анкета № 24/01 // Там же.
- 45 Анкеты № 394, 396, 259/99 // Личный архив авторов.
- 46 Анкета № 20/97 // Личный архив автора.
- 47 Анкета № 104/98 // Там же.
- 48 Анкета № 75/02 // Там же.
- 49 Анкеты № 3, 2 и 9/А // Там же.
- 50 Анкеты №№ 75, 324, 177, 203, 185, 107, 114/99 // Личный архив авторов.
- 51 Анкеты № 184, 151/99 // Там же.
- 52 *Померанц Г.* Записки гадкого утенка // Знамя. 1993. № 8. С. 151.
- 53 Анкеты № 188, 178, 351, 345/99 // Личный архив автора.
- 54 Анкеты № 298, 303, 134, 130, 112, 111, 189/99 // Там же.
- 55 Анкета № 16/А // Там же.
- 56 Анкета № 317/98 // Там же.
- 57 Анкета № 146/98 // Там же.
- 58 Анкета № 3/01 // Там же.
- 59 Анкета № 208/98 // Там же.
- 60 Анкета № 58/01 // Там же.
- 61 Анкета № 70/01 // Там же.
- 62 Анкета № 78/01 // Там же.
- 63 Анкета № 3/01 // Там же.
- 64 Анкета № 42/01 // Там же.
- 65 Анкета № 3/03 // Там же.
- 66 Анкета № 55/01 // Там же.
- 67 Анкета № 31/97 // Там же.
- 68 Анкета № 154/03 // Там же.
- 69 Анкета № 104/03 // Там же.
- 70 Анкета № 207/03 // Там же.
- 71 Анкета № 202/03 // Там же.
- 72 Анкета 38/04 // Там же.
- 73 Анкета № 26/02 // Там же.
- 74 Анкета № 51/02 // Там же.
- 75 Анкета № 64/02 // Там же.
- 76 Анкета 20/04 // Там же.
- 77 Анкета № 349/98 // Там же.
- 78 Анкета № 110/99 // Там же.
- 79 Анкета № 93/02 // Там же.
- 80 Анкета № 145/98 // Там же.
- 81 Анкета № 95/99 // Там же.
- 82 Анкета № 65/99 // Там же.

- 83 Анкета № 43/99 // Там же.
- 84 Анкета № 288/99 // Там же.
- 85 Анкета № 69/02 // Там же.
- 86 Анкета № 335/99 // Там же.
- 87 Анкета № 120/99 // Там же.
- 88 Анкета № 121/99 // Там же.
- 89 Анкета № 60/97 // Там же.
- 90 Анкета № 68/97 // Там же.
- 91 Анкета № 60/98 // Там же.
- 92 Анкета № 37/98 // Там же.
- 93 Анкета № 316/99 // Там же.
- 94 Анкета № 355/99 // Там же.
- 95 Анкета № 73/99 // Там же.
- 96 Анкета № 51/99 // Там же.
- 97 Анкета № 410/99 // Там же.
- 98 Анкеты № 283, 284/99 // Там же.
- 99 Анкета № 116/98 // Там же.
- 100 Анкета № 269/98 // Там же.
- 101 Анкета № 271/98 // Там же.
- 102 Анкета № 39/98 // Там же.
- 103 Анкета № 178/98 // Там же.
- 104 Анкета № 56/01 // Там же.
- 105 Анкета № 1ф/01 // Там же.
- 106 Анкета № 60/02 // Там же.
- 107 Анкета № 149/98 // Там же.
- 108 Анкета № 205/99 // Там же.
- 109 Анкета № 442/99 // Там же.
- 110 Анкета № 342/99 // Там же.
- 111 Анкета № 210/99 // Там же.
- 112 Анкета № 18/01 // Там же.
- 113 Анкета № 318/99 // Там же.
- 114 Анкета № 99/98 // Там же.
- 115 Анкета № 96/98 // Там же.
- 116 Анкета № 114/98 // Там же.
- 117 Анкета № 388 /98 // Там же.
- 118 Анкета № 142 /98 // Там же.
- 119 Анкета № 116/99 / Там же.
- 120 Анкета № 50/97 // Там же.
- 121 Анкета № 21/01 // Там же.

XX СЪЕЗД КПСС И ЛИКВИДАЦИЯ ГУЛАГА

Главными внешними причинами распада и последующей официальной ликвидации ГУЛАГа послужили два важнейших события – смерть Сталина и XX съезд КПСС. Реорганизация лагерной системы началась сразу после смерти диктатора. Уже в марте 1953 г. преемники Сталина предприняли первые, весьма непоследовательные, попытки ввести карательную политику в русло законности. По Указу Президиума Верховного Совета СССР об амнистии от 27 марта 1953 г. из лагерей и колоний было освобождено 1 201 738 человек, что составило 53,8% общей численности заключенных (на 1 апреля 1953 г. в ГУЛАГе содержалось 2 235 296 человек). По этой причине было ликвидировано 104 лагеря и 1 567 колоний и лагерных подразделений, сокращено 180 034 работника лагерного сектора, в том числе 109 206 работников охраны¹.

28 марта 1953 г. Совет Министров СССР постановил вывести ГУЛАГ из состава Министерства внутренних дел СССР и передать в Министерство юстиции СССР. Характерно, что особые лагеря, в которых содержалось более двухсот тысяч политических заключенных, в ведение Минюста не попали, поскольку их предусмотрительно выделили из системы ГУЛАГа и подчинили Тюремному управлению МВД. За Министерством юстиции ГУЛАГ числился до 21 января 1954 г., затем его вновь включили в состав органов внутренних дел. На наш взгляд, возвращение ГУЛАГа в систему МВД резко затормозило так называемый «процесс восстановления социалистической законности», многие законодательные инициативы Минюста, направленные на превращение ГУЛАГа в нормальную пенитенциарную систему, не нашли поддержки в тот период и были реализованы позднее.

Реорганизационные процессы в системе ГУЛАГа продолжались на протяжении нескольких лет. Все изменения в ре-

прессивной системе проходили под давлением двух обстоятельств. С одной стороны, многочисленные массовые протесты заключенных, и, прежде всего, в особых лагерях, заставляли руководство ГУЛАГа идти на смягчение режима, убирать из состава лагерной администрации наиболее жестоких, одиозных работников; с другой стороны – очевидная неэффективность принудительного труда, резкое ухудшение экономических показателей ГУЛАГа вынуждали начальство принимать меры по улучшению условий труда и содержания заключенных.

Амнистия 1953 г. значительно изменила состав заключенных. Доля осужденных за контрреволюционные преступления, не подпадавших под действие амнистии, возросла к 1954 г. до 34,8% (на начало 1954 г. в лагерях, колониях и тюрьмах содержалось 467 946 человек, осужденных за контрреволюционные преступления, кроме того, в ссылке после отбытия наказания за контрреволюционные преступления находились 62 462 человека). В предыдущие годы (в период с 1950 по 1953 г.) доля политических заключенных колебалась на уровне 23,1–21,9%. В абсолютных цифрах их количество исчислялось в пределах: 579 918 человек (1 января 1951 г.) и 539 483 человека (1 января 1953 г.)².

После ареста Л.П. Берия во все высшие судебные, партийные, правительственные инстанции, лично Н.С. Хрущеву, К.Е. Ворошилову, Г.М. Маленкову и другим членам Президиума ЦК КПСС стали поступать десятки тысяч заявлений, жалоб, прошений, в которых заключенные и родственники репрессированных жаловались на незаконное осуждение за контрреволюционные преступления и просили о пересмотре уголовных дел. Во многих письмах высказывались предложения о создании специальных комиссий по пересмотру дел политических заключенных. Так, например, Г.И. Петровский, родственники которого были репрессированы, в письме на имя Маленкова, в частности, писал: «Ввиду обнаруженных предательских и провокаторских дел для партии и Родины, наделанных Берия, почти то же делалось и Ежовым в свое время, требуется особо строгое правосудие и контроль над работой НКВД и МВД. Очевидно, эти временщики слишком большую власть имели и

перегибали во всех областях управления. Они немало загубили честных коммунистов, дерзнувших где-нибудь критикнуть этих сатрапов, за что превращались в “лагерную пыль”. Поэтому следует пересмотреть дела членов партии, репрессированных органами МВД и НКВД за время управления Берия и Ежовым. Для этого создать особую авторитетную комиссию и дать ей право самостоятельно разбирать каждое дело и заявления членов партии, и докладывать Президиуму ЦК КПСС»³. Здесь, как видим, предлагалось восстановить справедливость только в отношении коммунистов.

В письмах и докладных записках официальных лиц вопрос о пересмотре дел осужденных за контрреволюционные преступления ставился гораздо шире и компетентнее. В первую очередь речь зашла о пересмотре дел осужденных Особым совещанием при НКВД-МГБ СССР. 8 декабря 1953 г. Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко и Министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов обратились к первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву с докладной запиской, в которой, в частности, предлагали создать специальную комиссию для пересмотра архивных следственных дел, рассмотренных Особым совещанием. Указанная комиссия, по замыслу авторов докладной записки, должна была «тщательно проверить обоснованность обвинения и правильность квалификации состава преступления *каждого лица* (выделено мною. – Г.И.), осужденного Особым Совещанием, а также обоснованность направления в ссылку на поселение лиц, отбывших наказание в местах заключения»⁴.

К докладной записке прилагался проект постановления ЦК КПСС «О пересмотре дел на лиц, осужденных Особым совещанием при НКВД – МГБ СССР», в котором предлагалось пересмотреть все архивные следственные дела на лиц, осужденных Особым совещанием в период с 1 июля 1945 г. по 1 сентября 1953 г., образовать для этого специальную комиссию и утвердить ее состав, всю работу по пересмотру дел провести в 6-месячный срок»⁵.

Руководствуясь личным указанием Хрущева «о необходимости пересмотреть дела на лиц, осужденных за контрреволю-

ционные преступления и ныне содержащихся в лагерях и тюрьмах», Руденко, Круглов, а также министр юстиции СССР К.П. Горшенин обратились 1 февраля 1954 г. к 1-му секретарю ЦК КПСС с письмом, в котором вновь ставили вопрос о пересмотре дел на осужденных за контрреволюционные преступления. Свое обращение к партийному руководителю они мотивировали, в первую очередь, «поступающими в ЦК КПСС сигналами от ряда лиц о незаконном осуждении за контрреволюционные преступления»⁶. Указывая на многочисленные факты грубого нарушения социалистической законности внесудебными органами, авторы письма ставили вопрос значительно шире, чем в докладной записке от 8 декабря 1953 г.

В данном письме под грифом «Совершенно секретно» говорилось: «В целях выявления случаев необоснованного осуждения граждан и последующей их реабилитации считаем необходимым специально пересмотреть все архивно-следственные дела на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Военной коллегией, судами и военными трибуналами и ныне содержащихся в лагерях и тюрьмах МВД СССР, а также на лиц, находящихся в ссылке на поселении по отбытию наказания согласно директиве МГБ и Прокуратуры»⁷.

Авторы письма считали целесообразным для пересмотра дел и принятия необходимых решений по ним образовать Центральную Комиссию в составе 15 человек под председательством Генерального Прокурора СССР Руденко, а также создать соответствующие комиссии в республиках, краях и областях. Как и к предыдущей докладной записке, к письму прилагался проект постановления ЦК КПСС по данному вопросу.

По предложению авторов письма, в Центральную и местные комиссии должны были войти исключительно руководящие работники МВД, Главной военной прокуратуры, Минюста, Управления военных трибуналов, Управления по надзору за местами заключения, начальники особых и следственных отделов МВД, Управления спецсудов, отделов по спецделам Прокуратуры СССР и т.д., а на местах еще начальники и прокуроры лагерей. В основном, это были именно те должностные

лица, на которых лежала персональная ответственность за творившиеся в стране произвол и беззакония. В силу своей ведомственной принадлежности и специфики профессиональной деятельности они никогда не ставили и не могли поставить под сомнение законность самого факта осуждения по политическим мотивам. Такой сугубо ведомственный подход к формированию комиссий априори исключал возможность объективного рассмотрения дел и восстановления подлинной справедливости, в лучшем случае дело действительно должно было ограничиться выявлением отдельных фактов необоснованного осуждения граждан.

Новая инициатива со стороны репрессивных ведомств в деле борьбы с нарушениями социалистической законности последовала 19 марта 1954 г. К вышеупомянутой тройке (Руденко, Круглов, Горшенин) присоединился «новоиспеченный» председатель КГБ И.А. Серов. Записка об образовании Центральной комиссии по пересмотру дел осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях, тюрьмах и находящихся в ссылке на поселениях, была адресована в Президиум ЦК КПСС Маленкову и Хрущеву. «Мотивировочная часть» предложенного документа поразительно напоминала Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», что свидетельствовало об отсутствии серьезных перемен в советской юриспруденции.

Авторы записки с привычным негодованием писали: «В результате разоблачения Центральным Комитетом КПСС и Правительством изменнической деятельности Берия и его сообщников установлено, что эти враги народа преднамеренно и систематически нарушали социалистическую законность для того, чтобы облегчить проведение своей преступной деятельности. С целью истребления честных, преданных делу коммунистической партии и Советской власти кадров, преступники, пробравшиеся в органы МВД, сознательно насаждали произвол и беззаконие, совершали незаконные аресты ни в чем не повинных советских граждан, применяли строжайше запрещенные законом преступные методы ведения следствия и фальсифици-

ровали дела»⁸. Не смущаясь собственной личной причастности к многочисленным фактам грубейшего извращения и нарушения советских законов⁹, авторы записки активно демонстрировали свою «заботу» о восстановлении социалистической законности.

Предложенный состав Центральной комиссии остался прежним за исключением одной фамилии: вместо А.А. Козырева, начальника следственной части МВД СССР (кстати, после XX съезда КПСС исключенного из партии за нарушения социалистической законности), в списке появилась фамилия И.А. Серова, председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР.

К весне 1954 г. уже были реабилитированы многие видные партийные, государственные и общественные деятели, в первую очередь из числа тех, которые имели влиятельных родственников или знакомых в среде высшей партийной бюрократии. Однако значительно больше оставалось тех, кто получил отказ в пересмотре дел, поскольку осуждение было признано «правильным».

Высшее партийное руководство не сразу поддержало инициативы карательных ведомств. Первоначально вопрос о пересмотре дел осужденных за контрреволюционные преступления был поставлен в Президиуме ЦК КПСС 22 марта 1954 г., затем 19 апреля было принято решение «рассмотреть вопрос на следующем заседании Президиума ЦК», и только 4 мая 1954 г. Президиум ЦК КПСС принял Постановление о создании Центральной Комиссии и местных комиссий по пересмотру дел осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях, тюрьмах и находящихся в ссылке на поселении¹⁰.

Комиссии утверждались в составе, предложенном руководством Прокуратуры, МВД, КГБ и МЮ СССР. Устанавливалось, что дела на лиц, осужденных Особым совещанием при НКВД-МГБ-МВД и Коллегией ОГПУ, пересматриваются Центральной Комиссией. Дела в отношении лиц, осужденных тройками НКВД-УНКВД, пересматриваются республиканскими, краевыми и областными комиссиями.

В юридическом плане при пересмотре дел внесудебных органов комиссии наделялись довольно широкими полномочиями. Они имели право в случаях обнаружения нарушений законности выносить постановления: об отмене решения по делу и полной реабилитации осужденного, о переквалификации состава преступления, о сокращении срока наказания, о применении к осужденному указа об амнистии, об отмене ссылки на поселение. В отношении лиц, осуждение которых будет признано правильным, комиссии получили право принимать постановления об отказе в пересмотре решения по делу. Особо следует отметить пункт, имевший для многих заключенных самые негативные последствия, в котором указывалось: постановления комиссий, «вынесенные по рассмотренным делам, считать окончательными». Деятельность комиссий не ограничивалась каким-то определенным сроком. Дела в отношении лиц, осужденных судебными органами, должны были пересматриваться в установленном законом порядке.

Постановление Президиума ЦК КПСС от 4 мая 1954 г. можно считать бесспорной победой репрессивной системы, которая под видом борьбы за восстановление социалистической законности получила уникальную возможность полностью контролировать ситуацию с пересмотром дел осужденных за контрреволюционные преступления и тем самым в значительной мере избежать нежелательных разоблачений собственной преступной деятельности. Чтобы сделать репрессивную систему еще более неуязвимой, защитить от возможной критики и жалоб заключенных, заместители министра внутренних дел, генерального прокурора и председателя КГБ издали 18 июня 1954 г. специальное «Разъяснение». В этом документе, в частности, говорилось: «Знакомить заключенных и ссыльных с выписками из протоколов Центральной и местных комиссий по их делам запрещается. Запрещается также устно сообщать о том, что дело рассматривалось Центральной или местной комиссией. <...> Об отказе в пересмотре решений... объявлять только в тех случаях, когда имеются жалобы заключенных»¹¹.

Работа Центральной и местных комиссий по пересмотру дел продолжалась с мая 1954 г. по март 1956 г. За этот период

комиссии пересмотрели дела в отношении 337 183 осужденных. Как писал в ЦК КПСС один из областных прокуроров, местные комиссии принимали решения о смягчении и в особенности об освобождении от наказания «с опаской и оглядкой». Следствием такого подхода стало то, что 183 681 человек (54,5%) навсегда (как тогда казалось) распростились с надеждой на восстановление справедливости, поскольку комиссии, чьи постановления считались окончательными, приняли в отношении этих осужденных решения об оставлении наказания без изменения.

В отношении 153 502 осужденных (45,5%) были вынесены решения о прекращении дел, о сокращении сроков наказания, о применении указа об амнистии, об освобождении из ссылки и др. Наиболее часто, особенно в «бесспорных» случаях, члены комиссий снижали осужденному наказание до пяти лет и освобождали по амнистии.

Что касается работы непосредственно Центральной комиссии, то она за весь период своей деятельности пересмотрела дела на 14 773 человека. По ее решениям из тюрем, лагерей и ссылки были освобождены 8 023 человека, из них только в отношении 4 559 осужденных были полностью прекращены судебные дела. Ранее определенную меру наказания оставили без изменения 5 079 осужденным¹².

Как видим, комиссии, созданные репрессивными ведомствами и работавшие под их руководством, более половины приговоров в отношении лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, оставили в силе. «Не потому ли, – обращаясь по этому поводу в ЦК КПСС помощник военного прокурора Воронежского военного округа А.Р. Комаров, – что над некоторыми руководящими судебно-прокурорскими работниками довели мрачные дела прошлого?»

В течение 1953–1955 гг. численность заключенных ГУЛАГа снижалась довольно быстрыми темпами. Если на 1 января 1953 г. в лагерях и колониях (без тюрем) содержалось 2 472 247 заключенных, то к началу 1956 г. заключенных осталось 31,6% от этого количества, то есть 781 630 человек.

Уменьшение количества заключенных в 1954–1955 гг. явилось следствием целенаправленной государственной политики, названной впоследствии «десталинизацией». В этот период было освобождено:

1. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 апреля 1954 г. «О порядке досрочного освобождения от наказания осужденных за преступления, совершенные в возрасте до 18 лет» – 22 670 человек.

2. По Указу от 14 июля 1954 г. «О введении условно-досрочного освобождения из мест заключения» – 117 570 человек.

3. На основании 457 статьи Уголовно-процессуального кодекса РСФСР об освобождении заключенных, заболевших тяжелым неизлечимым недугом, – 44 136 человек.

4. По указу от 3 сентября 1955 г. «О досрочном освобождении из мест лишения свободы инвалидов, престарелых, лиц, страдающих тяжелым неизлечимым недугом, беременных и женщин, имеющих малолетних детей» – 73 035 человек.

5. По Указу от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» – 55 480 человек.

6. По пересмотру уголовных дел в отношении лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, – 32 798 человек¹³.

Кроме этого, естественно, шло регулярное освобождение заключенных по истечении срока наказания. Всего за 1954–1955 гг. в лагеря и колонии МВД поступило 845 665 вновь осужденных, а выбыло из мест заключения 1 398 038 человек¹⁴.

Кардинальные перемены в системе ГУЛАГа в этот период были связаны с реализацией двух партийных директив: постановлений ЦК КПСС от 12 марта 1954 г. «Об основных задачах Министерства внутренних дел» и от 10 июля 1954 г. «О мерах улучшения работы исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД». Эти документы, а также ряд других партийных решений, направленных на «восстановление социалистической законности», способствовали некоторой гуманизации лагерной системы, заметно смягчали режим содержания политических заключенных, ограничивали произвол служащих, вводили 8-часовой рабочий день, а главное, переключали внимание ад-

министрации ГУЛАГа с «контрреволюционеров» на «уголовно-бандитствующий элемент».

Еще накануне XX съезда КПСС в системе МВД, в том числе и в системе ГУЛАГа, начались серьезные структурно-кадровые изменения. 28 января 1956 г. МВД по требованию партийного руководства представило в ЦК КПСС доклад «О сокращении штатной численности ГУЛАГа и его периферийных органов». В докладе сообщалось, что в течение 1954–1955 гг. в системе МВД было ликвидировано 6 управлений ИТЛ, упразднено 187 лагерных отделений, 83 колонии, 29 лагерных пунктов, ликвидированы 62 тюрьмы, кроме того, 138 тюрем со штатом 5 022 единицы были переданы органам КГБ, многие лагерные структуры и подразделения подверглись сокращению и значительной реорганизации. Штатная численность управленческого аппарата ГУЛАГа и его периферийных органов сократилась за два года на 43 175 человек. Наряду с этим на 25 038 человек сократилась численность военизированной стрелковой охраны. В соответствии с установленным Правительством лимитом в размере 10,25% от среднегодовой численности заключенных в ГУЛАГе на начало 1956 г. оставалось 89 564 стрелка военизированной охраны¹⁵. Освобождавшиеся в связи с уменьшением численности заключенных помещения в лагерях и колониях чаще всего передавались другим министерствам и ведомствам.

30 января 1956 г. после обмена мнениями по проекту отчетного доклада ЦК КПСС на XX съезде партии Президиум ЦК рассмотрел и другие вопросы, в частности, утвердил кандидатуру 50-летнего Н.П. Дудорова, ранее заведовавшего отделом строительства ЦК КПСС, на пост министра внутренних дел, а также обсудил вопрос «о числе осужденных и освобожденных». В обсуждении этого вопроса приняли участие Хрущев, Микоян, Ворошилов, Каганович и Молотов. В черновой протокольной записи данного заседания зафиксированы следующие высказывания членов Президиума:

«Может быть, создать комиссии партийные от ЦК, разослать по лагерям, наделить их полномочиями от Президиума

Верховного Совета, рассматривать на местах вопрос и решать вопрос об освобождении.

т. Ворошилов. Высказывает сомнение.

т. Молотов. Выработать меры. Правильно внесено предложение.

т. Микоян. Предложение правильно.

Принять предложение. Разработать порядок работы троек»¹⁶.

В тот же день Президиум ЦК КПСС принял постановление «Об осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы», в котором говорилось: «Принять предложение т. Хрущева о создании партийных комиссий от ЦК КПСС и командировании этих комиссий в лагеря, наделив их полномочиями от Президиума Верховного Совета СССР для рассмотрения дел лиц, отбывающих наказание за преступления политического характера и должностные преступления, и решения на месте вопроса об их освобождении»¹⁷.

Вопросы, связанные с освобождением и реабилитацией незаконно осужденных граждан, неоднократно обсуждались (причем всегда по инициативе Н.С. Хрущева) на заседаниях Президиума ЦК в ходе подготовки XX съезда.

31 декабря 1955 г. для проверки материалов открытых процессов 1930-х годов и установления причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП (б), избранных на XVII съезде, по предложению Хрущева была образована специальная комиссия под председательством П.Н. Поспелова. В ее состав вошли А.Б. Аристов, Н.М. Шверник, П.Т. Комаров, Р.А. Руденко, И.А. Серов¹⁸.

1 февраля 1956 г. вопрос о реабилитации вновь был поставлен на заседании Президиума ЦК в связи с обсуждением дела бывшего заместителя начальника следственной части по особо важным делам НКВД-НКГБ СССР полковника Б.В. Родоса, в отношении которого Президиум ЦК КПСС постановил: «передать его суду, его дело слушать в закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР». Допрос Родоса (расстрелянного в том же 1956 г.), которому Хрущев дал убийственную

характеристику в своем секретном докладе¹⁹, вызвал бурные дебаты среди членов Президиума. Предельно краткие строчки черновой протокольной записи заседания отразили не только противоречивость мнений высшей партийной элиты, но также ее сомнения, растерянность и даже страх:

«т. Хрущев. Виноваты повыше. Полууголовные элементы привлекались к ведению таких дел. Виноват Сталин.

Аристов. Т. Хрущев, хватит ли у нас мужества сказать правду?

т. Хрущев. Ежов, наверное, не виноват, честный человек.

т. Пospelов. Лимиты на аресты утверждались.

т. Молотов. Но Сталина как великого руководителя надо признать.

Микоян. Возражает Молотову: “А ты, т. Молотов, поддерживал?”

т. Молотов. Нельзя в докладе не сказать, что Сталин великий продолжатель дела Ленина. Стою и за этим.

т. Микоян. Возьмите историю – с ума можно сойти.

т. Сабуров. Если верны факты, разве это коммунизм? За это простить нельзя.

т. Маленков. Правильно посмотреть на факты. Правильно ставить вопрос. Сказать надо партии.

т. Первухин. Знали ли мы? Знали, но был террор. Тогда не могли что-либо сделать. Партии обязаны объяснить, сказать и на съезде, сказать и на пленуме.

т. Булганин. Партии сказать всю правду надо, что Сталин из себя представляет, линию занять надо такую, чтобы не быть дураками. Состав ЦК XVII съезда ликвидировал. Не согласен с т. Молотовым, не согласен, что великий продолжатель.

т. Суслов. За несколько месяцев узнали ужасные вещи. Нельзя оправдать этого ничем.

т. Молотов. Правду восстановить. Правда и то, что под руководством Сталина победил социализм. И неправильности надо соразмерить, и позорные дела – тоже факт. Вряд ли успе- ем перед съездом сказать.

т. Хрущев. Ягода, наверное, чистый человек.

В основном правильно высказывались. Надо решить в интересах партии. Сталин преданный делу социализма, но все варварскими способами. Он партию уничтожил. Не марксист он. Все святое стер, что есть в человеке. Все своим капризам подчинял.

На съезде не говорить о терроре. Надо наметить линию – отвести Сталину свое место. Усилить обстрел культа личности»²⁰.

В контексте состоявшегося обсуждения вопроса о сталинских репрессиях заключительная фраза Хрущева «*на съезде не говорить о терроре*» кажется нелогичной. Но дело в том, что на тот момент речь еще не шла о каком-то специальном докладе, посвященном этому вопросу.

Первоначальное решение о подготовке доклада XX съезду партии о культе личности Сталина было принято восьмью днями позже, на заседании Президиума ЦК 9 февраля, после того, как члены Президиума (всего на заседании присутствовало 17 человек) заслушали доклад Комиссии П.Н. Поспелова об установлении причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП (б), избранных на XVII съезде партии²¹.

В своих воспоминаниях об этом заседании А.И. Микоян писал: «Комиссия в составе Поспелова, Аристова, Шверника и Комарова тщательно изучила в КГБ архивные документы и представила пространную записку. В записке комиссии от 9 февраля 1956 г. приводились ужаснувшие нас цифры о числе советских граждан, репрессированных и расстрелянных по обвинениям в “антисоветской деятельности” за период 1935–1940 гг., и особенно в 1937–1938 гг. <...> Факты были настолько ужасающими, что в особенно тяжелых местах текста Поспелову было трудно читать, один раз он даже разрыдался»²².

В ходе состоявшегося бурного обмена мнениями члены Президиума, по сути, решали важнейший теоретический вопрос, сформулированный Микояном: «Как относиться к прошлому?» В тот момент большинство, хотя и с определенными оговорками, высказалось за правду. Проблема заключалась лишь в том, что все эту «правду» понимали по-разному.

В докладе Поспелова, который готовился в условиях строжайшей конспирации, как и в последующем секретном докладе Хрущева, речь шла, прежде всего, о массовых репрессиях 1930-х

годов против руководящих партийных, советских, хозяйственных и военных кадров. Вопрос о ГУЛАГе, о миллионах советских граждан всех профессий, конфессий и национальностей, сгинувших или продолжавших владеть жалкое, бесправное, полуголодное существование в советских концентрационных лагерях, оставался открытым.

В докладе Хрущева «О культе личности и его последствиях» слово «лагерь» встречается всего лишь дважды²³, оно проходит в общем контексте повествования без каких-либо комментариев и осуждения. Тем не менее, общая тональность доклада, острота поставленных проблем, а также четко сформулированная в конце выступления задача «до конца исправить нарушения революционной социалистической законности, которые накопились за длительный период в результате отрицательных последствий культа личности»²⁴, все это не оставляло сомнений в том, что лагерную систему ждут дальнейшие радикальные перемены.

После XX съезда партии процесс освобождения политических заключенных, получивший в докладе Хрущева идеологическое обоснование, стал протекать более интенсивно, хотя и не всегда последовательно. 19 марта 1956 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления». В документе отмечалось, что «в местах лишения свободы до сих пор продолжает оставаться значительное число лиц, необоснованно обвиненных в контрреволюционных преступлениях и осужденных по сфальсифицированным делам. В заключении находится также часть лиц, изоляция от общества которых не вызывается интересами государственной и общественной безопасности, хотя они и совершили преступления политического характера, а также должностные и хозяйственные преступления»²⁵.

В целях быстрого освобождения указанных лиц из мест лишения свободы ЦК КПСС постановил: «Образовать комиссии Президиума Верховного Совета СССР для проверки в местах лишения свободы обоснованности осуждения каждого лица, обвиненного в совершении преступления политического характера, а

также для рассмотрения вопроса о целесообразности содержания в заключении тех лиц, которые хотя и совершили политические или должностные и хозяйственные преступления, но не представляют государственной и общественной опасности».

В постановлении указывалось, что проверка должна производиться путем личного ознакомления с заключенным, а в необходимых случаях путем истребования и рассмотрения следственных и судебных дел. Такой порядок работы комиссий принципиально отличался от сложившейся практики, когда судьба заключенных решалась в строжайшей тайне от них самих.

Постановление определяло работу комиссий как единовременное мероприятие и предписывало закончить рассмотрение всех дел до 1 октября 1956 г. Работа Центральной и местных комиссий, созданных согласно Постановлению ЦК КПСС от 4 мая 1954 г., считалась законченной в связи с принятием настоящего постановления.

К постановлению Президиума ЦК КПСС прилагались специальная директива, которая регламентировала работу комиссий, и Указ Президиума Верховного Совета СССР «О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления». Данный Указ, законодательно оформленный 24 марта 1956 г. и имевший гриф «Без опубликования в печати», впервые был опубликован только в 1993 г.²⁶

В соответствии с постановлением Президиума ЦК КПСС было образовано 97 комиссий Верховного Совета СССР, в которые входило 375 человек. В основном это были руководящие партийные и советские работники, а также представители суда и прокуратуры. Исключением среди представителей партийно-советской номенклатуры являлись немногочисленные бывшие репрессированные, которых в списках комиссий насчитывалось 18 человек. Работа комиссий протекала под наблюдением Центральной комиссии в составе 9 человек.

Как и предписывалось, все комиссии закончили работу к 1-му октября 1956 г. Всего они рассмотрели дела на 176 325 человек. Из этого числа свободу получили 100 139 человек. Срок наказания был сокращен 42 016 осужденным. В отношении лиц, осужденных за политические преступления, были пере-

смотрены дела на 81 027 человек. Из них было освобождено из-под стражи 50 944 заключенных, полностью реабилитировано 3 271 человек, снижено наказание 17 327 осужденным²⁷.

Важно отметить, что абсолютное большинство лиц, освобожденных из заключения, юридически не были реабилитированы, то есть считалось, что все они в прошлом совершили те или иные преступные деяния. Указ Президиума Верховного Совета СССР предусматривал лишь освобождение заключенного от дальнейшего отбывания наказания, при этом с освобождаемого снималась судимость и все связанные с осуждением правоограничения, что, естественно, не являлось реабилитацией.

Для сотен тысяч выживших узников ГУЛАГа процесс восстановления справедливости, заключавшийся, прежде всего, в судебной, а для многих также и в партийной реабилитации, растянулся на долгие годы. Но не все нуждались в этой казенной «справедливости». «Я очень рад, что у тебя удачно сложилось возвращение в жизнь, – писал в августе 1956 г. своему лагерному другу бывший заключенный Ф.П. Красавин, получивший освобождение по решению одной из комиссий Верховного Совета СССР. – Право, не знаю, зачем тебе нужна полная реабилитация. Разве, что для административной карьеры. Оскорбленных чувств гражданина это фальшивое восстановление чести удовлетворить не может (ведь реабилитация нужна не тебе, а нашему непорочному правительству*), утраченного здоровья не восстановит, материального положения не улучшит – на кой же черт она нужна?»²⁸. Как видим, никаких иллюзий относительно «торжества справедливости» у вчерашнего узника ГУЛАГа не было и в помине. Да и откуда они могли взяться? Феликс Красавин получил 25 лет лагерей по 58 статье в октябре 1951 г. Ему шел в ту пору двадцать первый год.

Процесс освобождения политических заключенных предельно обострил проблему реорганизации ГУЛАГа. На 1 января 1956 г. во всех местах лишения свободы содержалось

* Первоначально было написано, а потом зачеркнуто «непорочному синклиту архимерзавцев».

940 880 заключенных. В лагерях и колониях МВД СССР отбывали наказание 781 630 человек, из них были осуждены:

- за контрреволюционные преступления – 113 735 человек;
- за бандитизм, разбой и умышленные убийства – 135 131;
- за грабеж, кражи, крупные хищения и другие тяжкие уголовные преступления – 305 593;
- за хулиганство – 114 059;
- за должностные, хозяйственные и прочие преступления – 113 112.

Заключенные размещались в 46 исправительно-трудовых лагерях, включавших в свой состав 1 398 лагерных подразделений, и в 524 колониях. Кроме того, в 412 тюрьмах содержались 159 250 заключенных, в их числе 1 163 смертника ждали утверждения смертного приговора или помилования.

5 апреля 1956 г. новый министр внутренних дел Н.П. Дудоров направил в ЦК КПСС объемную докладную записку, в которой подробно охарактеризовал состояние пенитенциарной системы и внес ряд предложений по ее реорганизации. Министр без всяких оговорок констатировал: «Положение дел в исправительно-трудовых лагерях и колониях в течение многих лет остается неблагоприятным <...> Размещение лагерей и распределение в них заключенных подчинено, прежде всего, хозяйственным интересам, в результате чего создаются крупные лагеря, производятся массовые перемещения заключенных по всей стране <...> Количество заключенных в стране продолжает оставаться большим». Предложения Н.П. Дудорова сводились к следующему: «Считать нецелесообразным дальнейшее существование в стране исправительно-трудовых лагерей для заключенных, упразднить эти лагеря в течение 1956–1958 гг., сохранив только два вида мест лишения свободы – исправительно-трудовые колонии и тюрьмы <...> Труд заключенных, содержащихся в колониях, как правило, не применять на строительствах, в лесной, угольной, горнорудной промышленности и других тяжелых и неквалифицированных работах <...> Содержать уголовников в тюрьмах, чтобы полностью их изолировать... осуществлять дифференцированный подход к заключенным» и т.п.²⁹

С резкой критикой предложений министра внутренних дел выступил председатель Комитета государственной безопасности И.А. Серов. Его докладная записка от 10 мая 1956 г. на имя секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, который в тот период курировал деятельность органов внутренних дел, содержала развернутые аргументы в пользу сохранения существовавшего режима и отвергала все предложения Дудорова как «неправильные» и «неприемлемые». Обосновывая свою точку зрения, И.А. Серов доказывал, что реорганизация лагерной системы «вызовет дополнительные затраты государственных средств», «будет создавать видимость наличия в СССР огромного количества мест заключения»; кроме того, некоторые положения в записке МВД он посчитал вообще «политически неправильными»³⁰.

Последующие преобразования лагерной системы, проведенные руководством страны под давлением политических и экономических обстоятельств, показали, что мнение председателя КГБ было учтено в значительной степени, хотя и не полностью. 25 октября 1956 г. Совет Министров СССР и ЦК КПСС приняли совместное Постановление «О мерах по улучшению работы Министерства внутренних дел СССР». Впервые в документе такого характера речь не шла о заключенных, осужденных за политические преступления, отныне главным объектом внимания органов внутренних дел и пенитенциарной системы становились уголовники: бандиты, воры, убийцы, хулиганы, но никак не «контрреволюционеры».

Один из пунктов этого обширного постановления гласил: «Признать нецелесообразным дальнейшее существование исправительно-трудовых лагерей МВД СССР, как не обеспечивающих выполнения важнейшей государственной задачи – перевоспитания заключенных в труде. В связи с этим реорганизовать исправительно-трудовые лагеря МВД СССР в исправительно-трудовые колонии»³¹.

27 октября 1956 г. был издан приказ МВД СССР с объявлением вышеназванного постановления. Один из пунктов приказа предписывал: «Реорганизовать Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД СССР в Главное

управление исправительно-трудовых колоний МВД СССР»³². Так из названия старейшего главного управления МВД исчезло слово «лагерь», на смену сокращению ГУЛАГ пришла аббревиатура ГУИТК. Дело было, конечно, не в смене вывески. Не сразу, но постепенно в стране начала формироваться нормальная пенитенциарная система. Она несла в себе многие прежние пороки, но уже не была системой чудовищной эксплуатации принудительного труда и массового политического насилия.

Символическим концом ГУЛАГа можно считать дату 4 июня 1956 г. В этот день Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал конвенцию Международной организации труда относительно упразднения принудительного и обязательного труда во всех его формах. Напомним, что этот документ был принят в Женеве еще в 1930 г.

Кроме того, 7 сентября 1956 г. Советский Союз подписал Международную конвенцию об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством, которую Лига Наций приняла еще в сентябре 1926 г. Все это вместе взятое позволяет считать, хотя и с определенными оговорками, что год XX съезда КПСС стал годом ликвидации ГУЛАГа.

¹ Реабилитация: как это было: документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3 т. М., 2000. Т. 1: Март 1953 – февраль 1956. С. 148; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9492. Оп. 5. Д. 191. Л. 7, 11.

² ГУЛАГ: Главное управление лагерей, 1918–1960. М., 2000. С. 147, 438; ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 190. Л. 3.

³ Реабилитация: как это было. Т. 1. С. 390.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ См.: Рос. гос. арх. новейшей истории. Ф. 89. Перечень 18. Док. 33. Л. 4–5.

⁶ ГУЛАГ: Главное управление лагерей, 1918–1960. С. 147.

⁷ Там же. С. 148.

⁸ Реабилитация: как это было. Т. 1. С. 103.

⁹ После XX съезда КПСС Комитет Партийного Контроля при ЦК КПСС рассмотрел 387 персональных дел коммунистов, виновных в грубом нарушении социалистической законности, и 347 человек исключил из партии, в том числе и бывшего министра внутренних

- дел С.Н. Круглова. В отчете КПК в связи с рассмотрением его дела, в частности, сообщалось: «Круглов, будучи долгое время заместителем Берия, проявил себя как лично преданный Берия человек, грубо нарушал социалистическую законность. Занимаясь в 1944 г. выселением чеченцев и ингушей, он допустил произвол по отношению к выселяемым, применял расстрелы невинных людей, больных, стариков и женщин с детьми...» См.: Реабилитация: как это было: документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. М., 2003. Т. 2: Февраль 1956 – начало 80-х годов. С. 360, 361.
- ¹⁰ См.: Там же. Т. 1. С. 116, 117.
- ¹¹ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 82.
- ¹² Реабилитация: как это было. Т. 2. С. 71.
- ¹³ ГУЛАГ: Главное управление лагерей, 1918–1960. С. 436.
- ¹⁴ См.: Там же. С. 391.
- ¹⁵ См.: Там же. С. 391, 392.
- ¹⁶ Президиум ЦК КПСС, 1954–1964. М., 2003. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. С. 94.
- ¹⁷ Реабилитация: как это было. Т. 1. С. 308.
- ¹⁸ См.: Президиум ЦК КПСС, 1954–1964. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. С. 79, 912.
- ¹⁹ Хрущев характеризовал Родоса следующими словами: «Это – ничемный человек, с куриным кругозором, в моральном отношении буквально выродок...» См.: О культе личности и его последствиях: доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 145.
- ²⁰ Президиум ЦК КПСС, 1954–1964. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. С. 95–97.
- ²¹ Доклад Комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии, 9 февраля 1956 г. // Реабилитация: как это было. М., 2000. Т. 1. С. 317–348.
- ²² *Микоян А.И.* Так было: размышления о минувшем. М., 1999. С. 592.
- ²³ См.: О культе личности и его последствиях: доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. С. 148, 155.
- ²⁴ Там же. С. 165.
- ²⁵ Реабилитация: как это было. Т. 2. С. 29.
- ²⁶ См.: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 80, 81.
- ²⁷ См.: Реабилитация: как это было. Т. 2. С. 193.

- ²⁸ Копия частного письма Красавина Ф.П., освобожденного из заключения комиссией Верховного Совета СССР, попала в архив ЦК КПСС в результате перлюстрации.
- ²⁹ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей, 1918–1960. С. 164–175.
- ³⁰ См.: Реабилитация: как это было. Т. 2. С. 87–89.
- ³¹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей, 1918–1960. С. 190.
- ³² Там же. С. 186.

XX СЪЕЗД КПСС И ГЕОПОЛИТИКА

Изучая историю России, нельзя не обратить внимание на неизменно настороженное, нередко откровенно враждебное отношение к ней многих западных держав. Особенно неистовствовали против России наиболее отдаленные от нее Великобритания и США. В России бушевали революции и гражданские войны, менялись политические режимы и общественно-экономические формации, периодически провозглашались права человека, свобода слова и принцип разделения трех ветвей власти, но враждебно-настороженное отношение к ней Западного мира оставалось неизменным.

Причины такого отношения к России раскрыл в 1904 г. английский геополитик Хелфорд Маккиндер: «Пробегая столь быстрым взглядом по основным тенденциям истории, не видим ли мы со всей очевидностью постоянства в плане географическом? Разве не является осевым регионом в мировой политике этот обширный район Евро-Азии? ... Здесь были и продолжают существовать условия многообещающие... для развития военных и промышленных держав. Россия заменяет Монгольскую империю... В этом мире она занимает центральное стратегическое положение... Она может наносить и одновременно получать удары со всех направлений, за исключением севера. Окончательное развитие ее мобильности, связанное с железными дорогами, является лишь вопросом времени. Да и никакая социальная революция не изменит ее отношения к великим географическим границам ее существования»¹.

Запад не устраивала ни самодержавно-крепостническая Россия, ни большевистский Советский Союз, ни «Советская империя» эпохи «демократизации» и «гласности». Запад не устраивала Россия как таковая, самим фактом своего существования. И сегодня, даже урезанная в своих границах, отодвинутая от Европы на восток и север, руководимая американскими марионетками, Россия продолжает его пугать своими

гигантскими потенциальными возможностями экономического и военного строительства.

Особенно ненавистен Западу СССР эпохи правления Сталина. И не столько СССР, сколько сам Сталин. Но не из-за жестоких сталинских репрессий и коллективизации. Никто, например, не прокликает Генриха VIII за то, что в его правление ради разведения овец крестьяне сгонялись с обрабатываемых ими земель, а чтобы прекратить развившееся вследствие этого бродяжничество (помимо крестьян, бродягами вынужденно становились десятки тысяч монахов из упраздненных 3 тыс. монастырей) и восстания против огораживаний, сотни тысяч человек (около 10% населения Англии) были истреблены. Одних только повешенных по закону о бродяжничестве насчитывалось 72 тысячи². Важнее было то, что Англия при Генрихе VIII стала промышленной державой, крупнейшим производителем сукна, а после истребления бедняков благосостояние оставшегося населения увеличилось. Сталин ненавистен именно как создатель могучей индустриальной и военной державы, как лидер, под руководством которого страна победила во Второй мировой войне и стала одним из главных участников мирового исторического процесса. Сталин ненавистен как лидер, воскресивший в народах России уверенность в своих силах, дух созидания, чувство гордости за свою историю, восстановивший в своих правах Русскую Православную Церковь.

Благодаря верно выбранному геополитическому курсу, международное положение СССР продолжало укрепляться и после его смерти. Поэтому к моменту проведения XX съезда КПСС геополитическая ситуация складывалась в пользу Советского Союза. 14 мая 1955 г. СССР, Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния и Чехословакия подписали Варшавский договор, предусматривавший образование единого военного командования и размещение советских войск на территории стран-участниц. Образование Восточного блока завершило формирование равновесного двухполюсного геополитического устройства. Это резко ограничило возможность прямого военного столкновения между сверхдержавами и но-

вой мировой войны, вероятность чего была весьма высокой в предшествующем периоде (Берлинский кризис 1948–1949 гг., Корейская война 1950–1953 гг.). В июле 1955 г. в Женеве состоялись первые переговоры глав великих держав (США, СССР, Великобритании и Франции) об уменьшении международной напряженности. США, СССР, КНР, Великобритания и Франция согласились на сокращение вооруженных сил и обычных вооружений. Была достигнута договоренность о проведении переговоров по сокращению ядерных вооружений.

Биполярный мир базировался на военно-стратегическом паритете США и СССР, а также относительном равновесии сил в Европе. Последнее было скреплено договором о нерушимости границ между европейскими странами. Однако за влияние в Азии, Африке и Латинской Америке велась ожесточенная борьба, включая локальные войны.

Советский Союз стал геополитической силой, с которой нельзя было не считаться. Благодаря этому росли экономические связи СССР с развитыми западными странами. По сравнению с 1938 г. экспорт увеличился в 1955 г. в 13 раз, а импорт – в 11 раз³.

Достаточно благоприятно для СССР развивались отношения внутри т.н. «мировой социалистической системы». Успешно развивались экономические связи между странами «победившего социализма». В рамках СЭВ координировались народнохозяйственные планы. Складывалась система «социалистического» разделения труда. Предпринимались шаги по нормализации отношений с Югославией. В Северном Вьетнаме утвердились у власти коммунисты. На Кубе партизаны Фиделя Кастро вели борьбу с войсками диктатора Батисто.

На Советский Союз ориентировались многие развивающиеся и освободившиеся от колониальной зависимости страны. Они видели в нем защитника своих интересов в области международных отношений и бескорыстного помощника в деле преодоления трудностей хозяйственного строительства. В период с 1948 по 1955 г. шел интенсивный обмен правительственными и парламентскими делегациями, заключались многочисленные договоры о дружбе и экономической помощи. Во

многих развивающихся и освободившихся от колониальной зависимости странах работали советские специалисты. И хотя «бескорыстная» помощь СССР развивающимся странам выражалась в десятках миллиардах долларов, отвоевываемая им у Западного мира сфера влияния того стоила. Именно это придавало устойчивость геополитическому положению СССР.

Однако уже во второй половине 1950-х годов геополитическое положение СССР стало ухудшаться. Это было связано со сложным комплексом причин. Среди них особую роль сыграл «секретный» доклад Н.С. Хрущева. Его отрицательное влияние проявилось в четырех аспектах.

Во-первых, он нанес серьезный урон международному престижу СССР в глазах мировой общественности. В условиях «холодной войны» геополитические противники СССР не упустили возможности воспользоваться этим докладом для дискредитации как СССР, так и коммунистической идеи в целом. Никакой маккартизм не нанес такого вреда престижу коммунистов, как «секретный» доклад Хрущева.

Во-вторых, он расколол само коммунистическое движение. Начался массовый отток из коммунистических партий западных стран. Остатки коммунистов разбрелись по разным группировкам и течениям, враждующих друг с другом. Активизировались экстремистские коммунистические и анархические группировки, такие как «красные бригады» в Италии, Бадер – Майнхоф в Германии.

Во-третьих, он привел к разброду и расколу внутри т.н. «социалистического лагеря». Помимо потери самого крупного своего союзника в лице коммунистического Китая, СССР лишился и прежней степени лояльности своих восточноевропейских союзников. На волне борьбы с перегибами и реабилитации жертв сталинских репрессий к политической деятельности стали приходить лица, весьма скептически относящиеся к советской модели социализма. Попытки построить свою национальную модель общества или «социализм с человеческим лицом» также вызваны к жизни «секретным» докладом Хрущева и последовавшими за этим разоблачениями «звериного лица» сталинизма.

Наконец, в-четвертых, Хрущев расколол советское общество. Благодаря его докладу в стране образовалось правозащитное движение, сильное из-за оказываемой ему Западом поддержки.

Коммунисты сами, без какого-либо понуждения извне, нанесли себе смертельный удар. Но беда в том, что в руках коммунистов находились судьбы народов Советского Союза. А на их будущее «секретный» доклад Хрущева также оказал отрицательное воздействие.

Коммунисты не придавали серьезного значения национальному вопросу. Они считали, что история обществ есть история классовой борьбы и стремились к построению бесклассового общества. Однако Сталин среди большевиков был исключением. Еще до революции он занимался национальным вопросом. Сталинское определение нации до сих пор сохраняет свое значение в мировой научной литературе.

Сталин понимал, что классы существуют лишь в рамках конкретной нации. Он являлся организатором процессов национального строительства и образования СССР. И хотя Ленин на почве личного соперничества внес в первоначальный сталинский план, предусматривавший вхождение в Россию республик на правах автономий, разрыхляющую коррективу в виде создания наднационального центра, Сталин сделал все, чтобы Россия стала центром объединения. К сожалению, ленинская корректива стала той ахиллесовой пятой, благодаря которой страна распалась.

Однако лишенный реальной экономической и политической силы наднациональный центр только облегчил распад СССР. Объективной же основой распада стало отсутствие объединяющих ценностей у народов Советского Союза. Разрушению этой системы ценностей положил начало именно «секретный» доклад Хрущева.

Система ценностей, превращающая массы людей в единую нацию, сознающую свои геополитические интересы и способную их отстаивать, имеет сложную структуру. Прежде всего, к ней относятся принципы обособления, благодаря которым одна нация отличает себя от других наций. Принципы обособле-

ния – это основа возникновения чувства солидарности, ощущения «мы», а вместе с тем и основа идентичности нации. Нации обособляются на основе принадлежности к одной и той же территории, признаваемой идеологии, культурного наследия, религии, языка и т.п.

Следующим составным элементом национальной общности являются центры ее объединения. К ним относятся все те ценности, предметы и символы, которые идентифицируют нацию, составляют материальную и идейную основу ее существования и развития. Это, во-первых, столицы или местопребывание властей, экономические и культурные центры, места памятных встреч. Во-вторых, гербы, знамена, символы, знаки, памятники, художественные ценности, которыми они располагают и т.д. В-третьих, национальное богатство, производственные мощности, национальный доход. Материальные ценности обеспечивают механизмы укрепления нации и средства для реализации ее геополитических задач. Возможность воздействовать на другие нации, защита интересов отдельных граждан и защита интересов нации как целого от любого вида агрессии извне, предотвращение различного рода внутренних кризисов, проведение внутренних реформ – вот комплекс функций и мер, осуществляемых на основе материального богатства нации.

Наконец, в-четвертых, центром объединения нации являются также личности лидеров, нередко приобретающие символическое значение. Это не только существующие в настоящее время политические, интеллектуальные или религиозные лидеры, но и исторические личности, память о которых играет огромную роль для устойчивости групп во времени. Современные и исторические лидеры определяют задачи нации как единой общности.

Задачи нации или, как часто говорят, национальная идея – это следующий составной элемент в системе национальных ценностей. Общая задача влечет за собой появление средств для ее реализации, институционализированного способа распоряжения средствами, расчет и контроль в расходовании средств, оценку степени выполнения задачи, организует систему отношений между гражданами и их регулирование.

Отсутствие национальной идеи означает потерю необходимости аккумулировать национальное богатство. Расчет расходов средств, а значит, и контроль теряют всякий смысл. Богатство расходуется бесцельно, расплывается по частным лицам, утекает за рубеж. Без национальной идеи невозможно организовать устойчивую систему отношений между гражданами, которых не объединяет общая задача, и они не видят никакой иной жизненной цели, кроме защиты своего собственного благополучия.

Задачи нации составляют смысл ее существования в глазах других наций и общностей. Поэтому рефлексия над выполнением задач в прошлом становится существенным элементом национальных традиций. Причем внутри каждой нации развивается естественная склонность к идеализации своего прошлого и способа выполнения своих задач в прошлом. С одной стороны, эта тенденция возникает из необходимости воспитания подрастающего поколения, которым в качестве эталона преподносят идеализированную деятельность национальных лидеров в прошлом. С другой стороны, идеализированная традиция является также фактором повышения внутреннего сплочения нации, укрепления гражданского сознания, патриотизма, чувства долга, готовности к самоотверженному выполнению своих функций.

Так же как индивид в своем субъективном «я» обладает комплексом выгодных представлений о себе и своей ценности, что помогает ему устранять противоречия и компенсировать унижения, не теряя равновесия личности, так и каждая нация тоже обладает комплексом представлений о собственном превосходстве, хотя бы только в какой-либо ограниченной области. Без этого чувства нация быстро дезорганизуется. Поэтому дискредитация истории геополитических противников является весьма действенным оружием любого государства.

Чрезвычайно важным элементом системы национальных ценностей является непрерывность прогресса национального развития. Задачи каждой эпохи должны вытекать из предыдущих. Никакая историческая эпоха не может быть осуждена, исключена из общего процесса. При этом каждая историческая эпоха должна

быть, по меньшей мере, лучше предыдущей. Идеально, если каждая эпоха хороша по-своему. История государства, допуская временное отступление от поступательности развития, неизбежно влечет национальные шатания и раскол.

Если официальная идеология признает, что в истории государства были периоды, когда права личности не соблюдались, закон не действовал, люди жили под гнетом страха и каждую ночь ожидали ареста, то такая нация не внушает к себе доверия ни зарубежным партнерам, ни собственным гражданам. В такой стране бесполезно взывать к патриотизму, национальному долгу, любви к отечеству, – эти понятия потеряли всякий смысл. Ибо никакие социальные и политические перемены, никакие гарантии правящей элиты не заставят людей поверить, что с прошлым навсегда покончено, что плохие времена не вернуться вновь.

Принадлежность к нации должна служить поводом для гордости. Нация, не обладающая ни красивыми традициями, ни высоко оцениваемыми чертами и достижениями, не привлекательна для граждан. Поэтому каждая нация стремится отличиться, приобрести некоторый блеск, дающий превосходство над другими. Отсюда проистекает большая привлекательность побед в спорте и различных международных конкурсах. С их помощью все граждане государства могут исполниться чувства гордости за то, что они принадлежат к нации, которая имеет такие выдающиеся достижения.

«Секретный» доклад Хрущева ударил в главный центр национального объединения – образ вождя. В народном сознании он должен обладать чертами святости и непогрешимости. В частности, такими чертами обладают отцы-основатели США, хотя реальная деятельность этих религиозных сектантов далека от идеала; Орлеанская Девственница, хотя между официальным образом «простой крестьянки» и реальной жизнью этой незаконной дочери королевы Изабы Баварской и герцога Луи Орлеанского нет ничего общего, и т.д. Из лидеров новейшего времени можно указать на Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Маргарет Тэтчер, Рональда Рейгана, чьи официальные образы серьезно расходятся с их реальными биографиями.

Поэтому дело не в самом Сталине, безусловно, виновным во многом из того, в чем его обвиняют, дело в образе Сталина, каким его рисовало себе сознание первого послевоенного поколения простых людей как внутри России, так и вне ее. А также в том вакууме и дезориентации, которые образовались в сознании последующих поколений.

«Секретный» доклад Хрущева был не просто выявлением отрицательных черт Сталина. Он был нацелен на его полную дискредитацию как национального лидера. Отвергнув Сталина как ученика и продолжателя дела Ленина, Хрущев атаковал Сталина и как военачальника, попытавшись создать образ трусливого и некомпетентного человека. При этом использовались явная клевета и масса непроверенных фактов. Так, например, по словам Хрущева, Сталин «был трус и паникер. Он ни разу за всю войну не выехал на фронты», «Он руководил сражениями по глобусу». Сталин обвинялся также в фабрикации фальшивых заговоров (1949 г. – «ленинградское дело» и 1951 г. – «мегрельское дело»), что не соответствовало действительности. Хрущев стремился представить Сталина в качестве тирана, не желающего никого слушать диктатора, оторванного от народа и ответственного за тяжелое экономическое положение страны в 1953 г.⁴

* * *

Что же заставило Хрущева в стиле «партийного разноса» громоздить гору обвинений на могилу покойника? Чтобы понять причины такого выступления, надо обратиться к истории предшествующего «разоблачения культа личности» в 1953 г.

9 марта 1953 г. сразу же после похорон И.В. Сталина его наследники (кроме Л.П. Берия – он умчался на «ближнюю») собрались «на уголке» – в комнате для совещаний на третьем этаже Кремля. Обсуждался отнюдь не вопрос о дележке власти, что было бы естественно. Дискуссия велась о том, как относиться к личности Сталина. На следующий день на заседании Президиума ЦК КПСС Большой Георгий (так называло

Г.М. Маленкова в глаза «коллективное» руководство⁵) изложил выработанную совместно позицию: «Считаем обязательным прекратить политику культа личности»⁶.

Н.П. Пospelову было поручено цензурировать статьи в периодической печати, а Н.С. Хрущеву – в неперIODических изданиях, содержащие чрезмерные похвалы в адрес покойника. Л.П. Берия должен был довести решения Президиума ЦК до руководства низовыми партийными организациями, а также подготовить общественное мнение к изменению официальной оценки личности покойного вождя.

С 11 марта «Правда», страницы которой до этого пестрели именем Сталина, резко сбавила тон и стала меньше упоминать о покойнике. 26 марта на заседании Политбюро Большой Георгий предложил предоставить амнистию узникам Гулага. «Большинство находится там незаконно, – заявил он. – Их следует освободить и вернуть в состав рабочей силы, где они крайне необходимы». Соответствующий указ Президиума Верховного Совета был издан на следующий же день⁷. Покойнику была нанесена первая публичная пощечина. За ней последовала целая серия ударов.

Из аппарата ЦК в местные партийные организации были разосланы инструктивные материалы, содержащие критику сталинских методов руководства. В конце марта 1953 г. была создана Военная коллегия Верховного Суда СССР под руководством Л.Б. Смирнова. Она начала проверку обоснованности всех вынесенных при Сталине приговоров и правомерности действий органов НКВД за период с конца 20-х годов.

Критике Сталина был посвящен апрельский (1953 г.) пленум ЦК КПСС. Первым выступил Большой Георгий. «Вы должны знать, товарищи, – заявил он, – что культ личности т. Сталина в повседневной практике руководства принял болезненные формы и размеры, методы коллективности в руководстве были отброшены, критика и самокритика в нашем высшем звене руководства вовсе отсутствовала. Мы не имеем права скрывать от вас, что такой уродливый культ личности привел к безапелляционности единоличных решений и в последние годы стал наносить серьезный ущерб делу руковод-

ства партией и страной»⁸. С большим докладом выступил Л.П. Берия. Он обвинил Сталина и Игнатъева (курировавшего от ЦК госбезопасность) в злоупотреблении властью и фабрикации дела врачей. Другие выступавшие припомнили покойнику решения о преимущественном развитии тяжелой промышленности в ущерб легкой, о повышении налогового пресса на деревню и даже о строительстве Туркменского канала.

7 апреля «Правда» назвала «советской» конституцию, которую раньше именовали «сталинской». Затем она заявила, что «так называемого заговора людей в белых халатах» никогда не было и что «с врачей, замешанных в нем, следовательно, полностью снимаются эти необоснованные обвинения»⁹.

Народ не понимал, что происходит. Имя Сталина являлось национальным символом. С ним связывались основные успехи в хозяйственном строительстве. При нем аграрная страна стала индустриальным гигантом, деревня вышла из тупика мелкотоварного производства, важнейшие водные артерии были соединены в единую транспортную сеть, созданы гигантские гидроэлектростанции, крупные города украсились высотными зданиями, построен метрополитен. Сталин персонифицировал внешнеполитические успехи страны. При нем были восстановлены дипломатические отношения с ведущими мировыми державами, заключены важные торговые договоры. Был дан отпор китайским и японским притязаниям на Дальнем Востоке, выиграна война с фашистской Германией, СССР окружил себя стеной стран-сателлитов, из рук США вырвана ядерная монополия. СССР стал мировой державой, постоянным членом Совета Безопасности ООН. Не может быть, чтобы Сталин оказался врагом. Враги – это те, кто порочит его память!

Осуждение «культы личности» было неожиданным не только для народа. Ему не находили объяснения наиболее дальновидные политологи и историки. Зачем советское руководство добровольно вышибло из-под себя табуретку устойчивости? Ведь критика Сталина открыла возможность ниспровержения социализма как системы. Во-первых, поставлены под сомнение все без исключения социалистические ценности. Во-вторых, под угрозой оказалось право на власть самих наследников Ста-

лина, чьи руки тоже запачканы кровью, как и руки вождя, которому они обязаны карьерой. В-третьих, отказываясь от сталинского наследия, новое руководство СССР заведомо обрекло себя на поражение в борьбе с внешними и внутренними критиками режима.

Дискредитировать Сталина означало лишить народы СССР объединяющего символа, лишить массы людей идеалов и веры в справедливость, посеять недоверие к власти, а саму власть, лишившую себя народного доверия, расчленив на враждующие ведомства и группировки, лишённые каких-либо общих геополитических целей и моральных установок, обесценить все государственное строительство.

То, что произошло дальше, довольно долго держалось в тайне от народа. 20 июня 1953 г. Кантемировская танковая дивизия и подмосковные полки ПВО были подняты по боевой тревоге. Танковые колонны под руководством Г.К. Жукова двинулись к Москве. Возмущенные критикой Сталина советские танкисты демонстративно прошли мимо здания на Лубянке и подвергли обстрелу особняк Берия. По мнению сына Берия Серго, его отец был убит в результате этого обстрела¹⁰. Войска установили контроль над центром столицы. На всех важных перекрестках целую неделю стояли танки и бронетранспортеры. Войска ПВО контролировали небо над Москвой. (Боевых целей не было, и через три дня им был дан отбой.)¹¹

Начались переговоры Г.К. Жукова, К.С. Москаленко, А.И. Баква, Г.И. Зуба и П.Ф. Батицкого с кремлевским «коллективным руководством». Они закончились только 26 июня. Кремль обещал прекратить дискредитацию Сталина, и боевая тревога в Московском военном округе была отменена. Танки ушли с московских улиц.

10 июля печать сообщила об аресте Берия¹². Срочно созванный июльский (1953 г.) пленум ЦК КПСС осудил Берия. Значительно позже была сочинена легенда об аресте Берия в Кремле и его заточении в бункере штаба МВО. В сборнике «Берия: конец карьеры» эта легенда излагается четырьмя авторами, сплошь и рядом противоречащими друг другу¹³.

Благодаря «аресту» Берия народ кое-как преодолел сумятицу в мозгах. Возникла и получила повсеместное распространение легенда, согласно которой именно шеф тайных служб был врагом, подсказывавшим Сталину ошибочные решения. Народное негодование против Берия приняло гипертрофированные размеры. В самых глухих деревнях я не нашел ни одного экземпляра «Дипломатического словаря», где бы портрет Берии не был выскоблен или замазан. Из «Большой Советской Энциклопедии» граждане добровольно вырезали страницу с биографией Берии, вклеивая вместо нее полученную по почте врезку. Объявление Берия «шпионом и предателем» стало громоотводом для критиков Сталина.

Таким образом, если поведение Советской Армии понятно и вполне ожидаемо, то непонятно поведение руководства страной: почему оно решилось обрушить на себя гнев народа и армии?

Наиболее распространенное объяснение действий наследников Сталина состоит в том, что смерть вождя сняла угрозу физической расправы с «идейных» коммунистов. В этих условиях они начали героическую борьбу за очищение принципов социализма, восстановление ленинских норм партийной жизни. Объяснение это неудачное по ряду причин.

Во-первых, никто из критиков сталинизма до середины 1950-х годов не знал, что существуют какие-то «ленинские принципы социализма» и «нормы партийной жизни». Нормой были интриги, подсиживания и доносы. «Ленинские принципы» выдумали сотрудники института марксизма-ленинизма, перед которыми прямо была поставлена задача, опираясь на ленинское наследие, выстроить новое идеологическое здание, не включив в него ни грамма из сталинского наследия.

Задача оказалась неразрешимой. Ленин умер слишком рано. Время его смерти совпало с идейным кризисом марксизма, когда после краха «военного коммунизма» стали популярными мелкобуржуазные идеи. Их влияние видно в последних ленинских статьях («О значении золота теперь и после полной победы социализма», «О кооперации» и др.). Ленинское наследие трудно было использовать в обществе, которое построил Ста-

лин. Поэтому идейное здание, выстроенное ИМЭЛом, оказалось неустойчивым.

Показательна в этом плане эволюция взглядов директора ИМЭЛ академика Поспелова. Он сделал карьеру на критике Сталина, руководил комиссией ЦК по расследованию сталинских преступлений, написал «секретный» доклад Хрущева на XX съезде КПСС. В 1960-е годы Поспелов убедился, что критика Сталина создала опасный вакуум в советской идеологии. К 20-й годовщине победы в Великой Отечественной войне он выступил с тезисами, реабилитирующими вождя. ЦК КПСС их отверг, поставив тем самым крест на карьере Поспелова.

Кроме того, несмотря на все усилия кремлевских идеологов и партийных литераторов, образ Ленина никак не годился на роль «народного вождя». В сознании современного ему поколения простых людей образ Ленина был тесно связан с гражданской войной, хозяйственной разрухой и голодом, разорением православных церквей, хулой на Христа, облавами и конфискациями, принудительным изъятием хлеба, нуждой. Жизнь стала улучшаться, лишь когда болезнь заточила Ленина в Горках.

Во-вторых, никого из наследников Сталина никак нельзя отнести к идейным коммунистам, мужественным борцам с режимом. При жизни Сталина они повиновались каждому его слову, каждому жесту. Скорее уж идейными можно назвать тех их «коллег», чья карьера была оборвана Сталиным.

У ближайшего окружения Сталина были основания не любить своего вождя в последние годы его жизни. Для них не было секретом, что вождь собирается заменить все старое руководство молодыми выдвиженцами. Почувствовав под собой ускользающий пол, они объединились для отражения атаки. Сумев расправиться со своими врагами из числа молодых выдвиженцев, они со временем нашли в себе силы противостоять и самому Сталину.

Однако объясняет ли это последующую критику «культы личности», резкий разрыв с внутренней и внешней политикой Сталина, формирование «коллективного» руководства? Я думаю, что нет.

Члены «коллективного» руководства были слишком искушенными политиками, чтобы понять: смерть Сталина должна положить предел их борьбе с ним. Продолжение этой борьбы опасно как для страны, о которой они, возможно, мало заботились, так и для них самих. Резкий политический поворот вызовет массовое недовольство и возмущение.

После победы над гитлеровской Германией Сталин стал не только национальным, но и мировым героем. Доверие к его режиму росло среди самых широких кругов мировой общественности. Единичные попытки критики отвергались. Например, изданная в Израиле книга Юрия Марголина «Путешествие в страну эзка» не привлекла ничего внимания, его лекции в Тель-Авиве, заполненном плакатами с приветствиями Сталину, не собирали и десяти человек. В этой обстановке критика «культы личности» была равносильна политическому самоубийству.

Незапятнанное имя Сталина давало членам «коллективного» руководства дополнительное право на власть. Они были ближайшими сподвижниками вождя, они продолжают его великое дело! Развенчанный же Сталин тащил их в яму политического падения – разве они не знали и не совершали вместе с ним преступлений?

Одним словом, с чисто политической точки зрения критика «культы личности» представляет из себя сплошную загадку. Однако поведение «коллективного» руководства является и психологической загадкой. В последние годы жизни вождя они боятся каждого его шага, предпринимают отчаянные попытки уцелеть. Однако смерть Сталина не вызывает у них понятного чувства облегчения. Они не могут скрыть слез у его одра. А сразу же после его смерти предпринимают шаги, направленные на дискредитацию Сталина! Как это можно совместить?

Логичное объяснение поведения «коллективного» руководства можно предложить только после тщательного изучения обстоятельств смерти Сталина.

В литературе неоднократно высказывались предположения, что Сталин не умер естественной смертью, а был убит своим ближайшим окружением. В одних случаях эти предположения имели источником курсировавшие в народе слухи. В других

случаях в основе лежал анализ медицинского заключения о смерти. В третьих случаях предположения опирались только на догадки самих авторов. Все эти предположения не вызывали серьезного к себе отношения и либо отбрасывались биографами Сталина, либо приводились в качестве курьеза. Однако эта тема заслуживает тщательного анализа.

В 1987 г. в США в издательстве «Уильям Морроу» вышла книга “The Wolf of the Kremlin” о Лазаре Моисеевиче Кагановиче, содержащая неизвестную по другим источникам информацию об обстоятельствах смерти Сталина. В 1990 г. на эту книгу сослался Рой Медведев в своем очерке о сталинском наркоте. В 1991 г. книга была переведена на русский язык и вышла в издательстве «Прогресс» под редакцией канд. ист. наук Е.М. Кожокина, которого попросили об этом «уважаемые люди»¹⁴. Все выглядит так, будто речь идет о заурядном жизнеописании одного из советских лидеров.

Но заурядным оно не является. Во-первых, автор книги выдает себя за племянника Кагановича Стюарта Кагана, родившегося в США и постоянно там проживающего. Можно уверенно утверждать, что такого племянника у Лазаря Моисеевича не было. Правда, до Октябрьской революции некоторые жители местечка Кабаны Киевской губернии эмигрировали в США, но ближайших родственников сталинского наркота как по отцовской, так и по материнской линии среди них не было.

Во-вторых, как утверждается в книге, она написана на основе информации, полученной автором в ходе личной встречи с Л.М. Кагановичем, состоявшейся 23 сентября 1981 г. по месту его жительства в Москве на Фрунзенской набережной, 50, кв. 384. Адрес точный, но обстоятельства встречи фантастичны. Так, может быть, историки ошиблись в определении жанра книги; это – не исследование, а написанный в форме исследования от имени выдуманного персонажа исторический роман, в котором правда перемежается с вымыслом? Имея право сделать такой вывод, можно поставить точку и позабыть о книге Стюарта Кагана. Но одно обстоятельство мешает это сделать.

Дело в том, что это – не первая книга от имени племянника Кагановича. Две такие книги были изданы в конце 1950-х го-

дов. По данным западных спецслужб, они принадлежат перу Григория Беседовского – бывшего советского дипломата, обосновавшегося в 30-х годах в Париже. По некоторым сведениям, Беседовский был сотрудником Ивана Агаянца, возглавлявшего в КГБ управление Д (дезинформация). Его подделки были настолько мастерски исполнены, что обманули такого советолога, как Эдвард Карр¹⁵.

Однако книгу «Кремлевский волк» нельзя приписать тому же автору. Она написана в 1980-е годы, когда Беседовский давно уже покоился в могиле. В 1968 г. умер и Агаянец, а управление Д было ликвидировано. Отчасти его функции перешли к службе А (активные действия), но непонятно, для чего ей потребовалась еще одна книга скомпрометированного «племянника» Кагановича.

В середине 1980-х годов около 100 сотрудников службы А вели работу по следующим направлениям: пропаганда идей «демократизации» и «нового мышления» в целях укрепления режима Горбачева; дискредитация антисоветских аспектов внешней политики США и наиболее влиятельных американских политиков (Рональда Рейгана, Джин Киркпатрик и др.); углубление противоречий между США и европейскими странами. Книга «Кремлевский волк» не укладывается ни в одно из этих направлений. В ней, например, говорится, что «секретный» доклад Хрущева на XX съезде КПСС не был «актом гражданского мужества», а ставил целью скомпрометировать наиболее влиятельных политических деятелей в Кремле, имевших больше прав на власть, чем Хрущев. А ведь фигура Хрущева была знаменем сторонников «перестройки» как в СССР, так и за его пределами.

Тогда кто же написал книгу «Кремлевский волк»? Для определения авторства очень помогает анализ содержащихся в книге ошибок. Многие из них были сделаны сознательно, чтобы убедить читателя, что автор – американец, впервые посетивший СССР в 1981 г. Например, сталинские наркомы разъезжают в «Чайках», их безопасность обеспечивает полиция, в центре Москвы есть частные лавки зеленщиков, в которых жители торгуются, в московском метро автор ждет поезда, кото-

рый пойдет по «красной» линии, как это сделал бы житель Нью-Йорка, где к одной платформе подходят поезда разных линий, отличающиеся цветом, и т.д.

Однако в других случаях автор проявляет поразительную для иностранца осведомленность. Он заранее знает, что в холлах высотных зданий сидят старушки-дежурные, следящие за теми, кто входит; из окна он видит, как старики собираются на традиционную вечернюю игру в домино, в США неизвестную, и т.д.

Есть и ошибки, которые мог допустить только русский, давно не посещавший Нью-Йорк. Например, в 1987 г. автор печатает на пишущей машинке в комнате, заваленной рукописями. В это время уже все нью-йоркские журналисты и писатели перешли на бытовые компьютеры с текстовыми процессорами (одних Commodore'ов находилось в частных руках 10 млн.), и «рукописи» хранились на магнитных лентах или дисках.

Не буду умножать примеров. Напрашиваются следующие выводы. Автор – гражданин СССР, хорошо знакомый с работой возглавлявшегося Агаянцем управления. В послевоенные годы он жил во многих крупных городах мира: Нью-Йорке, Риме, Токио. Не позже 1970-х годов он обосновался в Москве, возможно, в том же высотном здании, что и Каганович. Не исключено, что из бесед с ним он и почерпнул приведенную в книге информацию¹⁶.

О том, что книга «Кремлевский волк» основывается отчасти на чьих-то воспоминаниях, также свидетельствуют содержащиеся в ней характерные ошибки. Автор, например, называет начальника следственного управления МГБ Рюмкиным (настоящая фамилия – Рюмин); приказы Рюмину отдает Абакумов, тогда как вплоть до ареста последнего следственным управлением руководил Комаров, арест Переца Маркиша автор датирует 12 августа 1952 г., тогда как на самом деле он был арестован 28 января 1949 г., а 12 августа 1952 г. его, в числе других, расстреляли по приговору суда и т.д. Такие ошибки были бы невозможны, если бы факты излагались по письменным источникам, а не по памяти.

Несмотря на такие ошибки, книга ценна многими интересными историческими подробностями. Но нас она, прежде всего, интересует с точки зрения содержащейся в ней информации о смерти Сталина. Автор рассказывает, что сразу после XIX съезда Сталин поручил Булганину, Ворошилову, Кагановичу и Молотову подготовить предложения о формах партийного руководства и контроля над деятельностью министерства иностранных дел. Работа проходила на даче Ворошилова в Жуковке. Во время этой работы зашел разговор о намерениях вождя истребить ЦК, а также о последней мании Сталина, решившего, что его, в свою очередь, собираются убить. Он увеличил число своих охранников, посетителей стал принимать лишь поодиночке и отказался от приема всех лекарств, действие которых нельзя проверить на основе анализа крови.

Далее в разговор вступил Каганович. Он сказал, что, по данным начальника медицинской службы Кремля Куперина, Сталин два раза в день принимает по два с половиной миллиграмма дикумарина, а пробы на свертываемость крови ему делают раз в месяц. Если заменить таблетки на такие же, но с дозировкой по 20 миллиграммов, то ни по вкусу, ни по запаху их нельзя будет отличить. Увеличенная доза не обязательно убьет Сталина, но сделает его более подверженным кровотечениям и повысит опасность нового инсульта. Булганин, Ворошилов и Молотов не только проявили интерес к этому плану, но и после некоторых колебаний решили осуществить его.

К сожалению, в этом чрезвычайно ответственном сообщении далеко не все можно проверить на основе других источников. Сталин в последние дни жизни действительно опасался покушения. Он также принимал антикоагулянт для рассасывания тромба. Соответствует действительности описание дачи Ворошилова, а также обстоятельств его дачной жизни. Правда, не совсем правильно утверждение, что у Ворошилова не было детей. У него был приемный сын, он также воспитывал сына и дочь Фрунзе.

На даче Ворошилова Булганин изложил Кагановичу, Молотову и Ворошилову намеченное Сталиным истребление всех членов ЦК. Присутствующим не нужно было это доказывать.

После этого Каганович изложил свой план убийства Сталина с помощью завышенных доз дикумарина, который был прописан вождю народов для рассасывания тромба. Большая доза этого лекарства повышала вероятность инсульта. План был одобрен.

В воскресенье 1 марта 1953 г., после того как таблетки были заменены, в Кремле на заседании Президиума Каганович неожиданно потребовал от Сталина отменить приказ о депортации евреев и освободить врачей (факт, подтвержденный А. Авторхановым)¹⁷. Ему даже удалось поставить этот вопрос на голосование: воздержались только осторожные Хрущев и Берия. Тут же на заседании со И.В. Сталиным случился удар; он закричал, указывая пальцем на Кагановича: «Курва, курва, курва!» Затем упал на ковер, ударившись головой о край стола. Лицо покраснело, взгляд остановился, изо рта бежала слюна. Затем он стал приходить в себя. В таком состоянии его перевезли на дачу в Кунцево. Сразу после этого с дачи исчезли Поксребышев, комендант, личный телохранитель Сталина и вся прислуга.

2 марта в 0.00 часов на дачу прибыл дежурный офицер охраны. Он не смог разыскать никого из охранников. Около трех часов офицер стучался в запертую дверь дачи, а затем позвонил в Кремль. В 3.00 часа на дачу прибыли Маленков, Молотов, Булганин, Берия, Ворошилов, Каганович и Хрущев вместе с несколькими грузовиками автоматчиков МГБ, а также врачами Купериным, Коноваловым и Третьяковым. Маленков вызвал слесаря, который открыл дверь. Сталин был обнаружен в передней комнате, рядом с дверью, лежащим без сознания на полу. Брюки на нем были мокрыми. После медицинского осмотра, его перенесли в спальню.

По заключению врачей в ночь с 1 на 2 марта у Сталина произошло кровоизлияние в левое полушарие мозга. В результате он потерял сознание. Правая часть тела была парализована. 3 марта у Сталина появились признаки кислородной недостаточности. Затем из-за нарушения функций нервных центров была потеряна речь и расстроено дыхание. 5 марта с 15.00 состояние Сталина резко ухудшилось. Дыхание сделалось поверхностным и учащен-

ным. Частота пульса достигла 140–150 ударов в минуту, наполнение пульса упало. В 21.50 Сталин умер.

Эта картина нетипична для инсульта: тромб не образовывался, кровь растекалась, постепенно захватывая один участок мозга за другим.

6 марта 1953 г. в 4.30 утра ТАСС распространило по всем средствам массовой информации официальное заявление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета о смерти Сталина. С 6 часов утра его стали передавать все радиостанции Советского Союза. Скорбь была огромна, Москва заполнилась людьми. Город был объявлен на военном положении, командование войсками было возложено на Г.К. Жукова.

В 3 часа дня гроб с телом Сталина был выставлен в Колонном зале Дома Союзов. Хрущев, Маленков, Молотов, Микоян, Каганович, Булганин и Берия заняли место в почетном карауле. В понедельник 9 марта 1953 г. у мавзолея Ленина состоялась траурная церемония. С речами выступили Хрущев, Маленков, Берия и Молотов. В 12 часов под траурный марш Шопена набальзамированное тело Сталина было помещено в мавзолею.

По окончании траурной церемонии Маленков, Молотов, Булганин, Каганович, Микоян, Ворошилов и Хрущев встретились в Кремле. Они договорились о «коллективности руководства» с тем, чтобы никто не мог принимать решения без согласия остальных. Возвышение одного из них грозило гибелью остальным. Поэтому, чтобы обезопасить себя, они решают дискредитировать Сталина, «прекратить политику культа личности».

Едва ли бывшие соратники Сталина, вместе с ним ответственные за репрессии, были столь настойчивы в дискредитации сталинизма, если бы не чувствовали для себя смертельной угрозы в случае, если правда прорвется наружу.

Выступление Хрущева преследовало уже иную цель: дискредитировать своих соратников по партии, обвинявших его в «волонтаризме», отступлении от принципов коллективного руководства и принятии необоснованных решений, нанесших вред экономике страны.

Таким образом, мы имеем дело с редким в мировой истории феноменом, когда интересы страны в целом приносятся в жертву интересам лиц, стоящих во главе руководства государством. В случае критики Сталина 1953 г. действовал комплекс вины. В случае действий Хрущева – его расхождения по характеру и стилю руководства с другими членами политбюро.

1 июня 1956 г. В.М. Молотов был освобожден от должности министра иностранных дел. Этот пост занял малоизвестный на Западе Шепилов, пробывший на нем меньше года. 22 июня 1957 г. Молотов, Каганович, Маленков и Сабуров были исключены из состава Президиума ЦК, а Первухин переведен в кандидаты.

При этом Хрущев в полной мере использовал свой «секретный» доклад. Например, когда оппозиция обвинила его в развале сельского хозяйства, Хрущев заявил: «А вы вместе со Сталиным подписывали смертные приговоры, у вас руки в крови»... Это возмутило Кагановича: «Но ведь и ты, Никита, подписывал смертные приговоры...» Хрущев: «А на мне меньше ответственности – я не был тогда членом Политбюро»¹⁸...

Такое предпочтение личных интересов руководства интересам страны могло иметь место только при полном отрыве руководства от народа. К сожалению, эта ситуация повторялась в нашей истории не один раз. В частности, распад СССР был связан со стремлением Б.Н. Ельцина лишить власти М.С. Горбачева.

¹ Маккиндер Хелфорд Джордж. Географическая ось истории // *Дугин Александр. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством.* М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1999. С. 504.

² История средних веков. М.: Госполитиздат, 1954. С. 248–256.

³ Народное хозяйство СССР, 1922–1972: юбилейный статистический сборник. М., 1972. С. 491.

⁴ По магнитофонной записи выступления Н.С. Хрущева.

⁵ За глаза же его чаще называли Маланьей за его тучный женоподобный облик.

⁶ Наше Отечество: опыт политической истории. М., 1991. Т. 2. С. 443.

⁷ Народ упорно приписывает эту амнистию «злокозненному» Берии.

- ⁸ Наше Отечество. Т. 2. С. 443.
- ⁹ Правда. 1953. 7 апр.
- ¹⁰ *Берия Серго*. Мой отец – Лаврентий Берия. М.: Современник, 1994. С. 385.
- ¹¹ *Скорыходов А.* Как нас «готовили на войну» с Берией // Берия: конец карьеры. М.: Политиздат, 1994. С. 289–295.
- ¹² Правда. 1953. 10 июля.
- ¹³ Берия: конец карьеры. М., 1991. С. 262–295.
- ¹⁴ *Каган Стюарт*. Кремлевский волк. М., 1991. С. 301.
- ¹⁵ *Кристофер Эндрю, Гордиевский Олег*. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992. С. 468.
- ¹⁶ Возможно, что более точно можно было бы определить автора книги «Кремлевский волк» после знакомства с архивом управления Д. Однако все мои попытки получить допуск в этот архив оказались безрезультатными. Многие сотрудники внешней разведки вообще отрицают существование управления Ивана Агаянца.
- ¹⁷ *Авторханов А.* Загадка смерти Сталина. Франкфурт, 1976.
- ¹⁸ По магнитофонной записи.

XX СЪЕЗД КПСС И ИЗМЕНЕНИЯ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ СССР: МЕЖДУНАРОДНЫЕ И ВНУТРЕННИЕ АСПЕКТЫ

Важнейший теоретический постулат, провозглашенный Н.С. Хрущевым на XX съезде в области международных отношений, гласил о том, что «фатальной неизбежности войн нет. Теперь имеются мощные общественные и политические силы, которые располагают серьезными средствами для того, чтобы не допустить развязывания войны империалистами, а если они попытаются ее начать, – дать сокрушительный отпор агрессорам, сорвать их авантюристические планы»¹.

Отсюда следовал ряд выводов, оказавших влияние на военную политику СССР как внутри страны, так и за рубежом. Особенностью эпохи «холодной войны» была крайне тесная взаимозависимость внешней и внутренней политики вовлеченных в нее стран. Эти выводы можно сгруппировать в ряд направлений: 1) проведение политики «разоружения» и «разрядки»; 2) изменения в военной доктрине и стратегии СССР, связанные с внедрением ракетно-ядерного оружия; курс на наращивание новейших видов военной техники; 3) развитие и укрепление военнотехнического сотрудничества СССР со «странами народной демократии». Рассмотрим эти основные направления в динамике и постараемся ответить на вопрос: дал ли XX съезд существенные изменения в военной политике? Для ответа на этот вопрос необходимо хотя бы кратко охарактеризовать реальное состояние советского военного строительства в период после смерти И.В. Сталина и до конца 1950-х годов.

Курс на разоружение и гонка ракетно-ядерных вооружений: диалектика лозунгов и реальности

В выступлениях на съезде и сам Н.С. Хрущев, и ряд выступавших руководителей (Д.Т. Шепилов, В.М. Молотов, Г.К. Жу-

ков) подчеркивали, что главным очагом военной опасности в мире выступал милитаризм США. По словам Хрущева, «холодная война» являлась «средством поддержания высокого уровня военной промышленности и выколачивания огромных прибылей»². Наиболее ярко этот сюжет был развит в речи Шепилова: «Возьмем наиболее развитую капиталистическую страну – Соединенные Штаты Америки, где за эту четверть века (“последние 26 лет” – *И.Б.*) промышленное производство увеличилось на 134 процента. Факты показывают, что оно поднялось на **милитаристских** дрожжах, что вторая мировая война оказалась для американских монополий золотым дном и именно в силу этого к 1943 году промышленное производство достигло наиболее высокого уровня. <...> Усилием гонки вооружений, милитаризацией экономики американские монополии пытаются искусственно взвинчивать хозяйственную конъюнктуру. <...> Громадные массы готовой продукции и сырьевых ресурсов идут на нужды непроизводительного военного потребления или лежат мертвым грузом в виде стратегических запасов. За послевоенные годы общая сумма военных расходов США превысила 340 миллиардов долларов». В связи с этим докладчик процитировал «американского прогрессивного экономиста Люмера»: «Прибегая к военному производству, как к панацее против экономических кризисов, монополистический капитал напоминает наркомана, которому доза наркотика сначала дает приятное ощущение благополучия. Однако это влечет за собой болезненные последствия, от которых можно избавиться, лишь прибегая к новой, более крупной дозе наркотика. И с каждой новой дозой ощущение благополучия слабеет, тогда как последствия становятся все более болезненными, пока, наконец, наркоман не разрушает свой организм все более частыми и крупными дозами яда»³.

Во многих выступлениях на XX съезде обыгрывался мотив наращивания военной мощи СССР как противовеса агрессивным замыслам империалистов. Приведем высказывания некоторых из советских руководителей. В.М. Молотов: «Мы не должны преуменьшать опасности войны, предаваясь иллюзиям, что нам при всех условиях обеспечен мир и спокойная

жизнь. Мы всегда должны быть бдительными и зорко следить за агрессивными планами империалистов. <...> Теперь и в лагере сил, враждебных социализму, хорошо знают, что мы обладаем неисчислимыми материальными возможностями и техническими достижениями – в том числе в области новейших типов самого мощного и разнообразного вооружения, – чтобы, если потребуется, должным образом постоять за себя»⁴ (это заявление вызвало «бурные, продолжительные аплодисменты»).

А.И. Микоян: «Мы считаем, что если кто-нибудь попытается сбросить водородную или атомную бомбу, то лучшие люди человечества не дадут погибнуть цивилизации, они немедленно объединятся, наденут смиренные рубашки на агрессоров и положат конец всяким войнам, а вместе с тем и капитализму. Водородная и атомная война может привести к большим разрушениям, но она не может привести к уничтожению человечества или его цивилизации, она уничтожит устаревший и зловредный строй – капитализм на его империалистической стадии. <...> ...до тех пор, пока Соединенные Штаты противятся запрещению атомного и водородного оружия, пока не удастся провести разоружение, мы вынуждены держать на должном уровне свои вооружения, включая наиболее мощные, современные виды оружия, основанные на последних достижениях науки и техники»⁵.

Наиболее полная характеристика состояния и перспектив военного строительства в СССР содержалась в докладе на съезде министра обороны Г.К. Жукова. Он привел конкретные примеры сокращения Вооруженных Сил СССР: «В августе истекшего года Советское правительство приняло решение сократить численность Вооруженных Сил Советского Союза на 640 тысяч человек. Я докладываю XX съезду, что это решение Министерством обороны выполнено полностью и в точно установленный срок.

Наряду с сокращением армии наше правительство уменьшает в 1956 году военные расходы почти на 10 миллиардов рублей. Мы вывели войска из военных баз в Порт-Артуре и Порккала-Удд и расформировали их.

Стремясь к ослаблению международной напряженности и установлению доверия между государствами, примеру Совет-

ского Союза последовали страны народной демократии — Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария и Албания, сократив свои вооруженные силы на 180 тысяч человек»⁶.

Вместе с тем, в выступлении министра обороны активно развивался тезис «империализм не дремлет». В связи с этим съезду было доложено «об основных направлениях в развитии вооруженных сил крупнейших капиталистических государств, в первую очередь США. Главнейшее внимание ими уделяется атомному оружию, разработке целой серии его образцов, отличающихся различной взрывной мощностью, а также разработке способов использования атомного оружия авиацией, флотом, артиллерией и реактивными средствами. В системе военных блоков США монополизируют в своих руках создание мощной стратегической авиации и авианосителей атомного оружия, планируя применение их главным образом с военно-воздушных баз, расположенных вокруг Советского Союза. На своих партнеров по военным блокам они возлагают создание сухопутных войск, фронтовой авиации и вспомогательных войск, делая основную ставку на формируемые западногерманские вооруженные силы. Сухопутные войска усиливаются бронетанковыми и противотанковыми средствами, безоткатной и атомной артиллерией. Основное внимание уделяется изучению способов действий войск в условиях применения атомного оружия. В подготовке военно-морского флота главное внимание направлено на создание средств по обеспечению дальних морских перевозок, высадки морских десантов, на создание средств противолодочной обороны и авианосной авиации. Проводятся большие работы по вооружению надводных кораблей и подводных лодок ракетным оружием. За последнее время в заявлениях политических и военных деятелей США все чаще и чаще высказывается мысль о том, что американская стратегия должна основываться на использовании атомного оружия, как они выражаются, “в тактических целях”, т.е. в рамках операций на полях сражений и театрах военных действий. Что скрывается за такими рассуждениями? Учитывая географическую отдаленность Америки, эти господа заботятся о том, чтобы атомное оружие нашло свое главное применение

прежде всего на территории Европы и, конечно, подальше от индустриальных центров Америки. Американские монополисты, видимо, понимают реальность ответных атомных ударов и не возражают, если в ходе вооруженной борьбы будут уничтожены этим смертоносным оружием миллионы людей и огромные ценности в союзных им странах — Западной Германии, Италии, Франции, Англии и других. Могут ли осуществиться эти замыслы “хитроумных стратегов”? Нет, не могут. Теперь уже нельзя воевать, не подвергаясь ответным ударам. Если хочешь наносить атомные удары по противнику, то будь готов получить такие же, а может быть, и более мощные удары с его стороны».

Г.К. Жуков подчеркнул далее, что агрессивным приготовлениям империалистов надлежало дать адекватный отпор, с учетом современного состояния военной науки и техники: «В строительстве Советских Вооруженных Сил мы исходим из того, что способы и формы будущей войны во многом будут отличаться от всех минувших войн. Будущая война, если ее развяжут, будет характеризоваться массовым применением военно-воздушных сил, разнообразного ракетного оружия и различных средств массового поражения, таких, как атомное, термоядерное, химическое и бактериологическое оружие. Однако мы исходим из того, что новейшее оружие, в том числе и средства массового поражения, не умаляет решающего значения сухопутных армий, военно-морского флота и авиации. Без сильных сухопутных войск, без стратегической, дальней, фронтовой авиации и современного военно-морского флота, без хорошо организованного взаимодействия их успешно вести современную войну нельзя».

Министр развил идею о качественном преобразовании Вооруженных Сил СССР, связав это во многом с ростом экономического потенциала страны: «...крупные достижения тяжелой промышленности, позволили перевооружить нашу армию, авиацию и флот первоклассной боевой техникой. <...>

В составе наших Вооруженных Сил значительно возрос удельный вес военно-воздушных сил и войск противовоздушной обороны. Осуществлена полная механизация и моториза-

ция армии. Советские Вооруженные Силы имеют теперь разнообразное атомное и термоядерное оружие, мощное ракетное и реактивное вооружение разных типов, в том числе ракеты дальнего действия. Стрелковые соединения перевооружены новым, более эффективным оружием и полностью моторизованы. В их состав организационно включены высококачественные танки и самоходно-артиллерийские установки. Механизированные и танковые соединения по своей боевой мощи, маневренности и способности к самостоятельным действиям превосходят механизированные и танковые соединения периода минувшей войны. В отношении артиллерии мы добились крупных успехов в ее качественном улучшении.

Центральный Комитет партии и Правительство уделяют особое внимание развитию военно-воздушных сил, как важнейшего средства в обеспечении безопасности нашей Родины. В настоящее время мы располагаем первоклассной реактивной авиацией, способной решить любые задачи, которые возникнут перед ней в случае нападения агрессора.

В строительстве Военно-Морского Флота мы исходим из того, что борьба на военно-морских театрах в будущей войне приобретет неизмеримо большее значение, чем это было в минувшей войне. Наш Военно-Морской Флот в настоящее время вместе с армией и авиацией способен надежно защитить морские границы нашей Родины.

С учетом реальной угрозы с воздуха, особенно ракет дальнего действия, а также развития реактивной стратегической авиации проведена большая работа по организации противовоздушной обороны страны. В настоящее время противовоздушная оборона располагает современной сверхзвуковой истребительной авиацией, высококачественной зенитной артиллерией, зенитным ракетным оружием и другими средствами обеспечения противовоздушной обороны.

<...>

За последние годы в сухопутных войсках, авиации и флоте проведена большая работа по обучению войск искусству ведения боевых действий в условиях применения атомного оружия

и других новых средств борьбы. Соединения и части всех видов Вооруженных Сил получили необходимую практику в решении боевых задач в сложной наземной, воздушной и морской обстановке».

При этом министр следовал традиционным постулатам советской военной науки, что «военная техника, даже самая эффективная, сама по себе не может решить участь боя и операции, не может добиться победы. Исход вооруженной борьбы и в будущих войнах будут решать люди, в совершенстве владеющие боевой техникой, верящие в правоту целей войны, глубоко преданные своему правительству и всегда готовые отстаивать интересы своего народа.

Со времени XIX съезда партии командиры, политорганы и партийные организации Вооруженных Сил под руководством Центрального Комитета партии добились дальнейших успехов в деле политического и воинского воспитания личного состава. Однако нам нужно еще очень много работать над улучшением всей партийно-политической работы в войсках, добиваясь тесной связи ее с практическими задачами повышения качества боевой подготовки войск и укрепления воинской дисциплины»⁷.

Как же соотносились эти выступления с реальным ходом событий? Пагубность и бесперспективность бесконечного наращивания производства вооружений не только для стран Запада, но и применительно к советской экономике некоторые руководители СССР стали осознавать еще до XX съезда.

1954–1958 гг. стали редким для советской истории периодом снижения военных расходов и роста доли сектора потребления в валовом национальном продукте. Ряд историков связывал курс на восстановление прав гражданского потребителя с реформистскими замыслами Г.М. Маленкова, возглавившего в эти годы Совет Министров СССР, другие – с деятельностью Н.С. Хрущева, ставшего Первым секретарем ЦК КПСС в сентябре 1953 г. И действительно, Маленков и Председатель Госплана СССР М.З. Сабуров еще в середине 1953 г. подготовили предложения о сокращении военного производства и частичном переводе ряда оборонных отраслей на производство гражданской продукции.

В отличие от роста военных программ в предшествующие 1950–1952 гг., вторая половина 1953 и 1954 г. были уже отмечены некоторым сдвигом в сторону гражданского производства и потребителя. В соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 18 апреля 1953 годов ассигнования Министерству обороны были уменьшены на 4 655,5 млн. руб.⁸, за счет уменьшения плана производства и поставки вооружения и приборов, боеприпасов, радиолокационной техники и другого военно-технического имущества на сумму около 700 млн. руб.; снятия с постройки 3 тяжелых крейсеров проекта 82 на сумму 500 млн. руб., сокращения плана производства реактивных бомбардировщиков Ил-28 на 1300 штук; сокращения затрат на содержание армии и флота и т.д. План по военным и специальным отраслям промышленности на 1954 г. был также скорректирован в сторону уменьшения: рост продукции в 1954 г. по сравнению с 1953 г. вместо 107% по плану и 108,8% по заявке Военного министерства был уменьшен до 106,9%.

При оценке динамики валового национального продукта следует учитывать снижение с 1 января 1953 г. оптовых цен на военную продукцию на 5%, а также рост гражданской продукции. Снижение объемов выпуска валовой продукции ряда министерств в 1953 г. и по проекту плана 1954 г. объяснялось также уменьшением выпуска изделий оборонного назначения и ростом выпуска изделий широкого потребления, которые имели более низкие оптовые цены. В целом выпуск изделий широкого потребления в 1953 и 1954 гг. значительно превышал объем производства, предусмотренный для этих лет по пятилетнему плану 1951–1955 гг.

За период 1955–1958 гг. военные расходы СССР были снижены на миллиард рублей. К середине 1957 г. численность армии и флота уменьшилась на 1,2 млн. человек – примерно до 3 млн. человек, за счет объявленной Хрущевым программы сокращения традиционных видов Вооруженных Сил (в частности, планов Сталина по развертыванию обычных морских сил и вооружений) и сдвига приоритетов в сторону ракет, электроники и ядерных вооружений.

По некоторым западным оценкам, в течение первых трех лет правления Хрущева доля военных расходов в валовом национальном продукте (ВНП) страны уменьшилась с 12% до 9%, в то время как доля сектора потребления возросла с 60% до 62% ВНП. В 1959 г. рост затрат на производство новейших вооружений переломил эту тенденцию, и военные расходы СССР снова возросли до уровня 1955 г., хотя из-за быстрого роста валового национального продукта в этот период процент военных расходов в ВНП оставался прежним. После 1959 г. их доля в ВНП начала медленно, но неуклонно возрастать. Военные расходы заняли приоритетное место в экономической политике советского руководства⁹. По западным оценкам, во временной интервал с 1952 по 1970 г. периодом наиболее высоких темпов роста военных расходов СССР стали 1961–1965 гг., когда средние темпы их роста достигли 7,6%¹⁰.

Курс на количественное сокращение Вооруженных Сил на протяжении второй половины 1950-х годов являлся относительно устойчивым направлением в военной политике. Об этом свидетельствует динамика их численности, объявленная Н.С. Хрущевым в его известной речи на сессии Верховного Совета СССР в январе 1960 г. по вопросам разоружения. Советская Армия представляла в следующем виде: в мае 1945 г. – 11 365 000 человек, в 1948 г. – 2 874 000 чел., в 1955 г. – 5 763 000 чел., в 1955–1958 гг. – сокращение «в одностороннем порядке» на 2 140 000 человек (что было выше запланированного показателя сокращения в 1955–1956 гг.). К 1960 г. численность составила 3 623 000 человек, а в 1960 г. было объявлено сокращение еще на 1 200 000 – до 2 423 000 человек¹¹.

Другое направление политики «разоружения» – борьба за запрещение ядерного оружия – в рассматриваемый период можно расценивать скорее как пропагандистскую кампанию. В реальности атомные «изделия» стали приниматься на вооружение, а в сентябре 1954 г. было проведено первое войсковое учение с применением атомного оружия на Тоцком полигоне. По признанию проводивших его военных, немаловажную роль здесь сыграло стремление не отстать в подготовке войск от армии США¹². С середины 1950-х годов значительные усилия были сосредоточены

на разработке тактического ядерного оружия (несмотря на приведенные выше критические высказывания Г.К.Жукова и его перспективности в применении к Западу).

Хотя в официальных заявлениях советского руководства постоянно звучал тезис о необходимости всеобщего и полного запрещения ядерного оружия, в реальности ядерная гонка продолжалась с удвоенной силой. Здесь можно напомнить о взрыве первого советского устройства типа водородной бомбы в августе 1953 г., испытании «сверхбомбы» в 1956 г. Главным символом военной мощи СССР стал запуск первой ракеты с ядерной боеголовкой Р-5М именно в дни XX съезда, что означало соединение ракетного и ядерного оружия. В 1956 г. в СССР началось серийное производства атомных бомб. Уже после XX съезда заметно возросла интенсивность ядерных испытаний: если к началу 1956 г. в СССР было произведено около 20 ядерных взрывов (в США – около 66, в Великобритании – 3), то в 1956–1958 гг. их количество возросло до 54 (соответственно в США и Великобритании – 108 и 18).

В середине 1950-х годов произошел перелом в приоритетах развития военной техники в сторону ракет. В 1956 г. у СССР были ракеты средней дальности, достававшие до Европейских стран НАТО. Н.С. Хрущев во время визита в Англию в 1956 г. не преминул отметить: «когда мы вели политические беседы, то основательно опирались на нашу военную мощь... ракет с радиусом действия 500–1000 км у нас было достаточное количество. Поэтому Англию мы могли как бы припугнуть, ведь мы ее доставали ракетами... Эти ракеты могли полететь не только на Великобританию, не говоря уже о Западной Германии и Франции, но и на другие европейские страны, которые входили в НАТО».

В 1954–1957 гг. форсированным темпом претворялась в жизнь программа создания межконтинентальной баллистической ракеты (МБР), которая должна была покончить с «географической неуязвимостью» США. В 1955 г. началось строительство комплекса в Байконуре для испытаний этой ракеты.

О значении программы МБР свидетельствовало, в частности, посещение опытного завода по сборке ракеты специальной делегацией XX съезда, которой был продемонстрирован макет новой ракеты. Главным сторонником приоритетного развития ракетной техники стал сам Н.С. Хрущев. Хорошо известны его высказывания об «отмирании» старых видов вооружений. Во время визита в Англию в апреле 1956 г., выступая в военноморском колледже в Гринвиче, он заявил: «в будущей войне не крейсера будут решать главные военные вопросы, и даже не бомбардировочная авиация... Теперь выходит на арену как главное оружие на море подводный флот, а в воздухе – ракеты, которые наносят удар по целям на большом расстоянии, а в будущем – на неограниченном расстоянии».

Форсирование этой программы завершилось важнейшей стратегической победой: СССР впервые смог вырваться вперед в гонке вооружений, проведя первые успешные испытания ракеты с межконтинентальным радиусом действия в 1957 г. – почти на год раньше, чем США. На базе ракеты Р-7, как известно, был осуществлен и прорыв СССР в космос – запуск первого искусственного спутника Земли, что на многие годы стало для официальной пропаганды и для советского народа одним из ярких свидетельств преимуществ социализма.

Наряду с наступательными, создавались и оборонительные системы вооружений. В середине 1950-х годов вокруг Москвы была развернута система ПВО «С-25», представлена на испытания первая советская система противоракетной обороны (система «А»). Правда, вплоть до рубежа 1960-х система ПВО «хромала на обе ноги», притом, что в небе СССР, по выражению того же Хрущева, «хозяйничали» американские самолеты-разведчики.

Другое дело, что в целях «экономии средств» в конце 1950-х годов был заморожен ряд перспективных разработок военной техники (крылатая ракета «Буря» и др.). Были значительно ограничены притязания военных на развитие крупномасштабного флота, авиации, сухопутных сил, что явилось одной из при-

чин известных конфликтов Хрущева с военным руководством СССР. Но при этом политика «бряцания» оружием оставалась в силе и шла по нарастающей. «Венцом» такой политики явился Карибский кризис.

Военно-техническое сотрудничество СССР

Как и в случае с милитаризмом, в отчетном докладе Н.С. Хрущев противопоставлял военную «помощь» Запада и «братскую» помощь СССР. Первая из них – «так называемая “помощь” слаборазвитым странам», по словам советского лидера, предоставлялась «на определенных политических условиях, на условиях вовлечения этих стран в агрессивные военные блоки, подписания совместных военных пактов, на условиях поддержки американской внешней политики, направленной на завоевание мирового господства...»¹³.

В отличие от этой «помощи», военно-техническое сотрудничество СССР и стран «народной демократии» осуществлялось, по мнению советского руководства, исключительно в мирных целях. По словам Хрущева, «вынужденные объединить свои силы и ресурсы, наши государства заключили Варшавский договор, являющийся важным стабилизирующим фактором в Европе. Они полны решимости использовать все свои силы для того, чтобы оградить мирную жизнь своих народов и не допустить нового военного пожара в Европе»¹⁴. К 1956 г. уже в целом оформилась система военной кооперации в рамках ОВД, СЭВ. Начал создаваться военно-промышленный комплекс стран Варшавского Договора с централизованной системой планирования, специализации, взаимных поставок вооружений.

В 1950-е годы начала создаваться единая система ПВО стран «народной демократии». Постановлением Совета Министров СССР от 18 августа 1956 г. № 1162-598 предусматривалась поставка в страны народной демократии в 1956–1960 гг. вооружения и военного имущества для усиления ПВО этих

стран. С 1958 г. страны начали вооружаться советскими ракетными системами ПВО «С-75»¹⁵.

Идеологическая основа широкомасштабной военной помощи странам «третьего мира» была подведена внешнеполитической концепцией Н.С. Хрущева. В рубежном докладе на XX съезде ЦК КПСС Н.С. Хрущев выдвинул известные новации, о том, что «фатальной неизбежности войны нет. Теперь имеются мощные общественные в политические силы, располагающие серьезными средствами для того, чтобы не допустить развязывания войны империалистами». Эти силы, создавшие «зону мира» в Восточной Европе, Азии и Африке, – социалистические и развивающиеся страны – стали союзниками «в борьбе против колониализма, неоколониализма и империализма». Эти идеи легли в основу политики помощи любому государству «третьего мира» (в документах тогда употреблялся также термин «слаборазвитые в экономическом отношении страны»), которое обратится за помощью к СССР.

В свою очередь, СССР пытался противостоять экспансионистской политике США, расширяя свою собственную экспансию в страны «третьего мира». Поставки вооружений этим странам производились Советским Союзом прежде всего в политических целях, и с экономической точки зрения носили, как правило, односторонний выгодный характер для этих стран и убыточный – для СССР. Командирование военных и технических специалистов в страны-объекты военно-технического сотрудничества относилось, как правило, «за счет ассигнований по госбюджету СССР на оказание безвозмездной помощи иностранным государствам». Поставки вооружений производились на очень льготных условиях. Обычно «специмущество» и запасные части к нему поставлялись за 25% стоимости в кредит из 2% годовых с погашением кредита в течение 10 лет.

Наиболее крупными явились поставки военно-морской техники в Египет (1955–1974 гг.) и Индонезию (1958–1966 гг.), составившие основу Военно-морских флотов этих стран. СССР сыграл ключевую роль в создании ведущих отраслей ВПК Ки-

тая (атомной промышленности, ракетно-космической отрасли, авиастроения, судостроения).

В докладе на XX съезде КПСС Н.С. Хрущев выразил принципиальную позицию СССР: «Наша страна оказывает содействие Китайской Народной Республике в строительстве только за одну пятилетку 156 предприятий и 21 отдельного цеха. <...> Мы и впредь будем оказывать всестороннюю помощь друг другу в развитии экономики, техники, науки и культуры. В этом мы видим свою братскую обязанность перед лагерем социализма»¹⁶.

О значении военного сотрудничества СССР с Китаем на момент XX съезда свидетельствовали слова из доклада Г.К. Жукова: «Вместе с Вооруженными Силами Советского Союза на страже мира и безопасности своих народов стоят вооруженные силы великой Китайской Народной Республики и других стран народной демократии. Наши Вооруженные Силы и армии наших союзников представляют собой подлинно братскую и дружную семью воинов, борющихся за светлое будущее своих народов и готовых, не щадя жизни, защитить кровные интересы своих народов. В этом наша сила и преимущество над вооруженными силами капиталистического лагеря»¹⁷.

Широкомасштабное техническое содействие было оказано Китаю в создании авиационной промышленности, ракетной техники и даже атомного оружия. Так, в начале 1950-х годов на совещании под руководством Чжоу Эньлая было принято решение о создании в КНР собственной авиационной промышленности. Однако сначала китайцы занимались ремонтом советских самолетов МиГ-9 и МиГ-15, затем создавали «копии» советских моделей, и только после этого стали конструировать собственные модели (первый китайский реактивный истребитель «Цзянь-5» был создан в 1955 г.).

В апреле 1954 г. на Совещании Военного Совета ЦК КПК во главе с Чжоу Эньлаем была выдвинута концепция развития в КНР ракетной техники; вскоре после этого решением ЦК КПК образована комиссия по проблемам космоса (руководитель Не Жунчжэнь); в системе Министерства обороны организовано соответствующее Управление и НИИ ракетной техники. 8 октября 1956 г. было официально объявлено о создании 5-го

НИИ Министерства обороны (руководитель Цянь Сюэсэнь), началась усиленная подготовка кадров и исследовательских организаций. Однако, несмотря на известный китайский лозунг «опора на собственные силы», события развивались по известному сценарию: сначала через 4 года была запущена ракета ближнего действия советского производства, затем, в декабре 1960 г. – ракета китайского производства по советскому образцу (Р-2), затем 29 июня 1964 г. – китайская ракета среднего и ближнего действия¹⁸.

Президиум ЦК КПСС неоднократно обсуждал вопросы военно-технического сотрудничества с КНР. На заседании 15 июля 1958 г. рассматривался вопрос «Об оказании КНР технической помощи в строительстве Военно-Морского Флота», по которому выступали Н.С. Хрущев и А.И. Микоян. Было принято решение «написать доверительное письмо Мао Цзе-дуну; вообще обменяться мнением о строительстве армии, флота»¹⁹.

Видимо, симпатии советского руководства к Китаю значительно перевешивали таковые к «западным странам народной демократии», которым передавались только строго ограниченные сведения по организации атомных электростанций и научных исследований в области «мирного атома» (в этих целях специалисты из этих стран обучались в созданном в 1956 г. Объединенном институте ядерных исследований в Дубне). С Китаем СССР также заключил соглашения о помощи в развертывании исследований в области ядерной физики и использовании атомной энергии в мирных целях (апрель 1956 г.). Однако руководство КНР грезило об атомном оружии: уже в 1956 г. Мао Цзедун выдвинул призыв «иметь собственную атомную бомбу».

Несмотря на то, что с 1957 г. китайское руководство начало обосновывать теорию «большого скачка», критиковать советский опыт, выдвинуло лозунг «Ветер с Востока одолевает ветер с Запада» (т.е. центр международного революционного движения переносится в Пекин), и, более того, на Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в ноябре 1957 г. Мао выступил с вызвавшей ужас у представителей европейских стран «народной демократии» теорией «полезности термоядерной войны для мировой революции»²⁰, советская сторона передала Китаю обширные сведения о создании атомного

оружия, о чем свидетельствуют недавно раскрытые документы и мемуары.

В целом можно прийти к выводу, что XX съезд не ознаменовал кардинальных изменений в военном строительстве внутри страны – общий курс на сокращение численности Вооруженных Сил и обычных вооружений, при форсированном развитии ракетно-ядерной мощи СССР, продолжался. Новации съезда заключались в основном в провозглашении возможности предотвращения войн, но еще не поднялись до осознания того, что ядерная война приведет к гибели мировой цивилизации. Советские лидеры продолжали повторять, что в случае войны погибнет империализм, а социализм выстоит и победит. Вместе с тем, продолжалась политика наращивания ракетно-ядерных вооружений, темпы которого продолжали нарастать в конце 1950 – начале 1960-х годов. Продолжалась традиция «бряцания оружием», демонстрации советской военной мощи в период главного партийного форума страны – съезда КПСС. Только события начала 1960-х постепенно привели советских и западных руководителей к осознанию того, что в ядерной войне победителей не будет.

Вместе с тем, провозглашенная на съезде идея о возникновении «зоны мира» оказала существенное влияние на внешнеполитический курс СССР в плане развертывания широкомасштабной, в том числе военной, помощи, «слаборазвитым в экономическом отношении странам». Эпоха XX съезда характеризовалась форсированием ракетно-ядерного соревнования с Западом, эйфорией победы сил социализма во всем мире, созданием военно-политического блока стран «народной демократии, расцветом «дружбы», в том числе военно-технического сотрудничества с КНР.

¹ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, 14–25 февраля 1956. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1956. С. 37, 38.

² Там же. С. 26.

³ Там же. С. 196, 197.

⁴ Там же. С. 459.

⁵ Там же. С. 320.

⁶ Там же. С. 476.

- ⁷ Там же. С. 479–482.
- ⁸ Рос. гос. арх. экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 11с. Д. 820. Л. 4–5.
- ⁹ См.: *Soviet Military Policy* / Ed. by S.M. Lynn-Johnes, S.E. Miller, S. van Evera. Stanford, 1986. P. 21, 22.
- ¹⁰ См.: *Безбородов А.Б.* Власть и ВПК в СССР середины 40-х – середины 70-х годов // Советское общество: будни холодной войны. М.; Арзамас, 2000. С. 108.
- ¹¹ См.: Заседания Верховного Совета СССР пятого созыва (4 сессия). 11–15 января 1960 г. Стенографический отчет. М., 1960. С. 32–34.
- ¹² См.: *Россия делает сама* / под ред. С.Л. Давыдова. М., 1994. С. 211, 212.
- ¹³ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, 14–15 февраля 1956 года. Стенографический отчет. Т. 1. С. 27.
- ¹⁴ Там же. С. 31.
- ¹⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 79с. Д. 791. Л. 1–2.
- ¹⁶ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. Т. 1. С. 13, 14.
- ¹⁷ Там же. С. 483.
- ¹⁸ См.: *Китай: ежемесячный сборник ВИНТИ*. 1990. №7.
- ¹⁹ Президиум ЦК КПСС, 1954–1964. [2-е изд., испр. и доп.]. М., 2004. Т. 1. С. 316.
- ²⁰ См.: *КНР в 1973 г.: политическое и экономическое развитие*. М., 1975. С. 58–75.

XX СЪЕЗД КПСС: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

В литературе, посвященной XX съезду КПСС, многие годы в тени оставались вопросы социально-экономического развития страны, и в частности, проблемы социально-экономической стратегии власти¹. Более того, по существующей традиции вопрос с разоблачением культа личности Сталина чаще всего рассматривался вне социально-экономического контекста, не связывался напрямую с другими вопросами, стоявшими в повестке дня съезда.

Позиция большинства исследователей сводилась к тому, что отчетный доклад ЦК КПСС, сделанный Н.С. Хрущевым, и доклад Н.А. Булганина о «Директивах XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956–1960 гг.» носили рутинный характер, не содержали новых глубоких постановок вопросов в области социально-экономической стратегии государства, свежих идей о направлениях развития советского общества. Иными словами, эти вопросы в прямой связи с критикой Сталина не состояли, и, стало быть, интереса для исследователей не представляли. Однако по мере рассекречивания архивных фондов, а главное, реализации в Китае особой модели развития, рассмотрение социально-экономических проблем на XX съезде КПСС обретает актуальность.

Суть проблемы может быть сформулирована так: могло ли после смерти Сталина дальнейшее развитие страны быть направлено по пути постепенной модернизации по западному образцу с допущением рыночных механизмов ценообразования, конкуренции при сохранении коммунистической идеологии и ведущей роли КПСС. Целый ряд исследователей сегодня отвечает на этот вопрос положительно, связывая эту возмож-

ность с рядом предложений Л.П. Берии и Г.М. Маленкова в первые месяцы после смерти Сталина². Однако эта реальная возможность, как считает, к примеру, И.С. Березин, – была упущена, «поскольку к руководству партией и страной пришел Н.С. Хрущев»³. Несколько иной позиции придерживается известный экономист Г.Х. Попов. В книге «Три войны Сталина» он утверждает, что навязанный Сталиным «социалистический» вариант окончания войны (превратить Отечественную войну в войну за утверждение социализма в Восточной Европе) стал «упущенным шансом России перейти еще в середине XX века от государственно-бюрократического социализма к новому, постиндустриальному обществу»⁴. Попову же принадлежит утверждение, что в 1956 г. *теоретически* (курсив наш. – В.Ш.) были возможности для выхода из социализма⁵. И, стало быть, шанс был упущен, в свою очередь, также и Н.С. Хрущевым. Все эти утверждения Г.Х. Попова основываются на предположении, что «главной проблемой СССР к середине пятидесятых годов стал вопрос о завершении эксперимента с государственно-бюрократическим социализмом и о начале реформ, направленных на его преобразование в более прогрессивный строй – постиндустриальный»⁶.

Проблема оценки реальности, настоятельности альтернативных вариантов социально-экономического развития – одна из самых сложных в исторической науке. В какой мере верна первая и вторая точка зрения можно сказать, лишь ответив предварительно на целый ряд вопросов. Прежде всего, ключевое значение приобретает ответ на вопрос, в какой исторический момент плановая система утратила эффективность, продемонстрированную в начальный период индустриализации, показала себя бюрократизированной, расточительной и неэффективной по сравнению с современной рыночной системой. Когда был дан достаточно убедительный ответ на главный вызов XX века: план или рынок? Не менее важен и другой вопрос: осознавали ли новые руководители этот переломный момент? Иными словами, могли ли они, в соответствии с известной формулой, жить по-старому. Немаловажен ответ и на ряд

более частных вопросов: имели ли советские лидеры объективные знания о сильных и слабых сторонах советской системы, причинах ее успехов и неудач в экономике и социальной сфере? Что позволяло или мешало после смерти Сталина начать постиндустриальные или иные преобразования и реформы? Почему в конечном итоге был реализован хрущевский вариант реформ? Почему критика сталинского режима стала базой поиска варианта социализма с «человеческим лицом», но не стала стартовой точкой отказа от этого строя?

Большинство современных отечественных экономистов признают наличие кризиса командно-административной системы в первые послесталинские годы, утверждая, что в условиях завершившегося в основном индустриального этапа развития обнаружилась неповоротливость административных структур, их неспособность быстро и эффективно реагировать на нововведения⁷. Так, по мнению известного экономиста академика Л.И. Абалкина, необходимость обновления социально-экономической модели, сложившейся в стране, стала все более отчетливо осознаваться интеллектуальной элитой нашего общества уже в начале 1960-х годов: «Притчей во языцех стала распыленность капиталовложений и их низкая эффективность. Архаическая структура сельского хозяйства и неразвитость сферы услуг дополняли картину сложившихся перекосов и настойчиво диктовали необходимость существенного обновления хозяйственного механизма»⁸.

В работах другого известного экономиста Е.Т. Гайдара также содержится достаточно аргументированный вывод о том, что возможности традиционной модели социалистического развития в основном были исчерпаны в СССР к началу 1950-х годов⁹. Исторический опыт говорит о том, что с этой проблемой примерно в эти же годы столкнулись практически все страны советского блока. В результате «коммунистическая элита оказалась перед выбором: либо вновь перестраивать экономическую систему – подключать рыночные регуляторы, позволяющие устранить внутренние ограничения экономического роста в рамках социалистической модели, создать предпосылки снижения энергоемкости, повышения конкурентоспо-

способности продукции обрабатывающей промышленности, ее доли в экспорте ВВП, – либо принять как данность утрату экономического динамизма, сделать упор на стабильность и устойчивость сложившихся социально-политических и экономических структур»¹⁰. Ответом на вызов югославского и венгерского руководства стало формирование в 1950-е годы «рыночного социализма», в 1979 г. по этому пути пошел и Китай. Эти страны были относительно бедны ресурсами, и у них не было возможности в течение десятилетий компенсировать кризис сельского хозяйства, низкую конкурентоспособность обрабатывающих отраслей, связанную с социалистической моделью индустриализации, масштабным экспортом топливно-сырьевых ресурсов. Отсюда и относительно ранний с точки зрения уровня развития выход из классического социализма в режим социалистической рыночной экономики¹¹. В социалистических странах, включая и СССР, оказавшихся неспособными вновь включить рыночные механизмы, темпы экономического роста после прохождения экономикой барьера, при котором численность населения, занятого в сельском хозяйстве, выше 50%, начинают падать¹². Абалкин и Гайдар по-разному объясняют, почему сложившаяся в конце 1920-х – начале 1930-х годов система оказалась не приспособленной к эволюционным упорядоченным изменениям, позволяющим трансформировать институты, сохраняя политическую стабильность, существенно расходятся в понимании глубины кризиса и путей выхода из него. Поскольку выводы названных и других экономистов носят общий характер, а главное, основаны на ретроспективном анализе сугубо экономических процессов, они нуждаются в дополнительном анализе, и в частности, подкреплении их архивными источниками. Научный ответ о причинах, в силу которых советское руководство оказалось не способно на радикальные меры по реформированию системы, может дать только объективный анализ всей совокупности социально-экономических и политических факторов и процессов, имевших место в конце 40-х – середине 50-х годов.

Цель данной статьи – установить, в какой мере наследники Сталина осознавали необходимость перемен, какие подходы по

реформированию отразились в экономической стратегии советского руководства в период, предшествующий XX съезду КПСС, а затем и в его решениях.

Сегодня вполне доказано, что после кончины вождя верхние эшелоны советского руководства ощущали необходимость существенного обновления сталинского курса, изменения ряда характеристик советского строя, прежде всего, либерализации режима, демонтажа репрессивной системы, поскольку репрессии были направлены, в первую очередь, против элиты. Единовластие Сталина настолько очевидно расходилось с провозглашенными принципами «социалистической демократии», что без его преодоления пути вперед не было. Необходимо было срочно отказаться от очевидных крайностей сталинского режима: обожествления личности вождя, его бесконтрольности, беззакония и произвола карательных органов¹³. Отсюда и первоочередное желание властной элиты и бюрократии осудить именно «культ личности». К тому же продолжение обожествления усопшего вождя явно мешало легитимации и без того «низкорослых», по определению Д.А. Волкогонова, сталинских наследников. Вместе с тем, далеко не все устраивало новых руководителей и в социально-экономической политике Сталина. Экономика к началу 1950-х годов хотя и была восстановлена из руин, но была явно перенапряжена и находилась на грани коллапса¹⁴. Уже в самом начале 50-х годов основные показатели экономического развития страны серьезно ухудшились. Засуха 1946 г. поставила страну на грань голода. Главное, экономический рост начиная с первой пятилетки на долгие годы утратил социальную направленность. Более того, он и обеспечивался за счет наступления на благосостояние¹⁵. Перекачка рабочей силы в 1930-е годы в тяжелую индустрию и строительство сопровождалась стремительным увеличением фонда заработной платы в отраслях, не создающих потребительские товары. Заработная плата в первую пятилетку была резко повышена в тяжелой, а затем в оборонной промышленности. В неприоритетных отраслях (легкая промышленность, торговля, сфера обслуживания) низкие заработки были надолго заморожены, рост оплаты наиболее квалифицированных работников

(инженерно-технический персонал, научные работники) отставал от оплаты менее квалифицированных. Так было положено начало отрыву оплаты труда от его количества и качества¹⁶. Хотя с 1928 по 1965 г. номинальная зарплата выросла более чем в 15 раз, она в эти годы никогда не превышала уровня минимальной обеспеченности¹⁷. В условиях ограничения фонда потребления для власти вполне естественной была ориентация оплаты труда на поддержание прожиточного минимума.

По этим причинам и на рубеже 50-х годов известная ленинская трактовка целей экономического развития страны оставалась теоретическим идеалом и не являлась конкретной практической задачей. Промышленность была слабо ориентирована на человека, на потребление, а больше – на самовоспроизводство. Величина зарплаты и способы ее дифференциации не побуждали работников к более напряженной и эффективной работе. Данные таблицы 1 позволяют видеть динамику прироста средней зарплаты в 1928–1955 гг.

Из таблицы видно, что на рассматриваемом временном отрезке, независимо от изменения численности занятых в народном хозяйстве трудящихся, прирост средней зарплаты и прирост фонда зарплаты неуклонно снижался от 19,1% и соответственно 41,6% в первую пятилетку до 1,6% и 5,3% к концу пятой пятилетки.

Оплата труда в большинстве колхозов вообще являлась символической, как и денежные поступления от личного подсобного хозяйства. По данным официальной статистики, в 1950 г. из денежного дохода в 1 133 рубля на душу наличного населения 487 рублей приходилось от продаж на рынке сельскохозяйственной продукции с приусадебного хозяйства и лишь 221 рубль (18,4 рубля в месяц) по трудовым¹⁸.

Власть, пытаясь ускорить социально-экономическое развитие страны, обращалась не к потребностям и стремлениям людей, а к механизму внеэкономического принуждения. В свою очередь, советские люди все меньше ощущали требования развития экономики как внутреннюю потребность, а больше как императив, навязываемый извне, со стороны властного аппарата.

Таблица 1

Среднегодовой прирост численности занятых, средней заработной платы и фонда зарплат по народному хозяйству по пятилеткам

Годы	Численность занятых в народном хозяйстве		Средняя зарплата		Фонд зарплат	
	тыс. чел.	%	руб.	%	млрд. руб.	%
1928–1932	2953	20,3	15	19,1	6,14	41,6
1933–1937	829	3,3	27	16,4	9,90	20,2
1938–1940	1483	5,3	28	10,1	19,55	16,1
1946–1950	2216	7,1	41	7,9	31,87	12,6
1951–1955	1317	3,2	10,4	1,6	21,0	5,3

Источник: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 91. Л. 72.

В силу второстепенности социальных целей в сфере экономики жизненный уровень абсолютного большинства населения и в послевоенные годы оставался крайне низким. Особенно остро стоял вопрос обеспечения населения продовольствием. В проекте доклада Хрущева на сентябрьском Пленуме 1953 г. приведены сравнительные данные уровня потребления продуктов питания в США, Англии, Франции и СССР в 1950–1952 гг. Эти данные отражены в таблице 2, которая дает представление об уровне потребления продуктов питания в СССР и странах Запада в начале 1950-х годов.

Из этой таблицы видно, что в СССР в 1952 г. в сравнении с США потребление молока и молочных продуктов было почти в 2 раза ниже, рыбы, сахара почти в 3 раза ниже, фруктов – почти в 5 раз ниже, зато потребление хлеба и картофеля было выше почти в 4 раза. И что более показательно, в примерно такой же пропорции соотносился реальный уровень потребления с так называемыми рациональными нормами питания, свидетельствуя о низком уровне потребления основных продуктов питания населением и нерациональной структуре самого питания. В 1953 г. положение с продовольствием еще более ухудшилось. Страна стояла на пороге нового голода.

Не лучше обстояло дело и с потреблением непродовольственных товаров.

Особую остроту в послевоенные годы приобретает жилищная проблема. За годы войны СССР потерял 30% своего национального богатства, общий прямой ущерб народному хозяйству составил 679 млрд. рублей, около 25 млн. человек были лишены крова, свыше 6 млн. жилых зданий было разрушено¹⁹. На рубеже 50-х годов на одного человека в городах приходилось менее 7 кв. м жилой площади – почти на 2 метра меньше, чем полагалось по санитарной норме. Коммунальная квартира, в которой проживало несколько семей, оставалась основным типом городской квартиры.

Таблица 2

**Потребление продуктов питания в СССР*
и ведущих странах Запада** в кг в год на душу населения**

	США	Англия	Франция	СССР	Рациональные нормы
Хлеб, мука, крупы	78	103	117	180–200	121
Картофель	52,2	108	129	190	114
Молоко и молочные продукты	345	355	243	159	540
Мясо и сало	81,4	56,8	59,0	24	65
Яйца (шт.)	379	220	215	70	350
Рыба	10,8	20,0	8,1	7,3	18,6
Масло раст.	10,1	10,9	6,3	3,7	3,83
Сахар	42,3	37	23	16,2	31,4
Овощи и бахчевые	127	63	143	60,0	141
Фрукты	90	43	34	16	–

* СССР – 1952 г.

** США, Англия, Франция – 1950–1951 гг.

Источник: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 167. Л. 9–10.

Можно согласиться с мнением Летенко, что «не забота о благоденствии села, а ощущение кануна катастрофы» заставило сталинских преемников облегчить положение деревни в конце лета – начале осени 1953 г.²⁰ Именно быстро растущие ожидания и требования населения страны, вынужденного долгие годы «туже подтягивать свои пояса»²¹, заставили власть, не откладывая, скорректировать цели социально-экономической политики, убедить население в том, что пришел, наконец, час пожать плоды многолетних усилий, а также доказать неотделимость задач строительства нового общества и подъема благосостояния народа. Этим в первую очередь объясняется, на наш взгляд, чрезвычайно высокая активность и Л. Берии, и Г. Маленкова в первые месяцы после смерти Сталина. В частности, по инициативе Берии было остановлено финансирование ряда крупных объектов, возводимых в основном силами узников ГУЛАГа. (Именно благодаря специфике ГУЛАГа, располагавшему неограниченными трудовыми ресурсами, гигантомания поразила после войны все отрасли советской промышленности и в особенности энергетику.) Широкий резонанс имело выступление Г.М. Маленкова на пятой сессии Верховного совета СССР в августе 1953 г. с предложениями выровнять нарушенный еще в годы индустриализации баланс между развитием легкой и тяжелой промышленности.

Вместе с тем, есть все основания утверждать, что сталинское руководство, включая и самого «отца народов», было достаточно далеко от понимания действительных проблем социально-экономической сферы. Анализ содержательной части принимаемых на рубеже 1950-х годов решений властных органов показывает невысокий уровень экономической компетентности правящей элиты. Ни в одном известном нам документе (в том числе и в рассекреченных в последние годы) не говорилось о том, что все послевоенные годы подспудно шло нарастание негативных тенденций в различных областях жизни. Нет также понимания того, что факторы, определившие высокие темпы социалистической индустриализации, с неизбежностью

ведут к стагнации сельского хозяйства, неконкурентоспособности продукции обрабатывающих отраслей на международных рынках. Ни на одном властном уровне серьезно не обсуждались многие принципиальные моменты совершенствования хозяйственного механизма, включая принципиальный вопрос о мотивациях хозяйственной деятельности при социализме, долговременных последствиях выбора социалистической модели роста, т.е. отключения рыночных механизмов и замене их администрированием, закрытый характер экономики. Нет и понимания, что сложившаяся в 1920–1930-е годы система фатально не приспособлена к эволюционным, упорядоченным изменениям, позволяющим трансформировать институты, сохраняя политическую стабильность²². Все эти вопросы приобретают чрезвычайную значимость для судеб советской системы именно в первое послевоенное десятилетие. Во-первых, потому, что по мере демонтажа репрессивной машины резко слабеет негативная мотивация трудовой деятельности (страх наказания)²³, уходят в прошлое также и голодные годы (другой важнейший негативный стимул к труду). Во-вторых, к началу 1950-х годов исчерпываются возможности мобилизации финансовых ресурсов из традиционного сектора²⁴.

Как известно, последние теоретические работы Сталина не содержали продуманных ответов на вызов времени. Они были далеки от реальных процессов, происходивших в стране и мире. Отправной идеей работы «Экономические проблемы социализма в СССР», написанной в 1952 г., было утверждение о том, что в СССР уже построено социалистическое общество и начинается его переход к коммунизму²⁵. Для Сталина капитализм по-прежнему был системой загнивающей²⁶. В приватной беседе с экономистами в 1952 г. он утверждал, что «все у нас хорошо»²⁷.

Состоявшийся за год до смерти Сталина XIX съезд КПСС однозначно подтвердил, что у власти, партии нет не только ясной и прозрачной стратегии политического и экономического реформирования, но и внятных представлений о ближайшем и более отдаленном будущем страны. Отчетный доклад ЦК ВКП(б), сделанный Г.М. Маленковым, в целом был выдержан

в оптимистических тонах. «Исторические события, – утверждал он, – показали, что советский общественный и государственный строй является не только лучшей формой организации экономического и культурного подъема страны в годы мирного строительства, но и лучшей формой мобилизации всех сил народа на отпор врагу в военное время»²⁸. В столь же оптимистическом ключе говорилось в докладе и о состоянии экономики: «В СССР, в отличие от капиталистических стран... осуществляется непрерывное совершенствование производства на базе высшей техники, на основе достижений передовой советской науки... Советская промышленность в послевоенный период идет по восходящей линии... Зерновая проблема, считавшаяся ранее наиболее острой и серьезной проблемой, решена с успехом, решена окончательно и бесповоротно»²⁹. Скованный сталинскими установками, Маленков очень осторожно говорил о недостатках хозяйствования: «за общими показателями хорошей работы скрывается плохая работа *многих* (курсив наш. – В.Ш.) предприятий, не выполняющих государственные задания... из-за чего народное хозяйство недополучает известное количество продукции». В ряду причин этих «недостатков» Маленков называет плохую работу министерств и неритмичность работы предприятий в течение месяца³⁰. Столь же неопределенно Маленков говорил о желаемом образе будущего: «пятая пятилетка означает новый шаг вперед по пути развития страны от социализма к коммунизму». Дело, по мнению высшего руководства страны, за малым: «полностью использовать имеющиеся в стране возможности, устранить недостатки»³¹.

Справедливости ради следует отметить, что в докладе Маленкова прослеживаются некоторые сюжеты, которые впоследствии будут развиты в его выступления на августовской сессии Верховного совета СССР. В частности, Маленков говорит о том, что «рост производства средств производства и рост продукции сельского хозяйства создали надежную базу для развития промышленности производства предметов потребления»³².

Среди других на XIX съезде обсуждался и доклад М.З. Сабурова о пятой пятилетке. По мнению Хрущева, «это была са-

мая плохая из всех пятилеток, которые когда-либо у нас принимались... Очень неквалифицированно она была подготовлена и также была доложена съезду. Тотчас после смерти Сталина мы вынуждены были взять на себя ответственность за процесс выполнения этой пятилетки, внося серьезные коррективы в план»³³. Фактически корректировка плана началась гораздо раньше. Серьезные проблемы с денежными ресурсами заставили советское руководство пойти на существенную корректировку пятого пятилетнего плана.

Проектировщики пятого пятилетнего плана вынуждены были пойти на изменение сроков завершения ряда важнейших строек, главным образом, связанных с орошением земель Заволжья на базе Куйбышевской ГЭС, Заволжья и Прикаспия на базе Сталинградской ГЭС. В связи с уменьшением объема капитальных вложений на 1951/55 гг. по сравнению с ранними проектами, представленными в Совете Министров в апреле 1952 г., проектируемый улов рыбы, например, сокращался на 85 тыс. т. По усеченному плану предполагалось даже строительство и производство технических средств защиты от антисоветской радиопропаганды. Согласно окончательному варианту плана, сокращался ввод в действие мощностей в хлопчатобумажной промышленности (по прядильным веретенам на 515 тыс. штук и по объему производства на 200 млн. м тканей). Ввод в действие новых корпусов Научно-исследовательского кинофотоинститута переносился на следующую пятилетку, а также начало строительства и ввод в действие 920 кинотеатров (что, в свою очередь, влекло за собой уменьшение поступления средств от кино в 1953–1955 гг. на 0,65 млрд. руб.), 70-ти лесозащитных станций, строительство которых предусматривалось специальным решением Совета Министров СССР, а также 6-ти заводов счетно-аналитического машиностроения, по которым ранее состоялись решения Правительства³⁴.

Важно отметить, что в конце 40-х – начале 50-х годов, когда было начато составление Директив на новую пятую пятилетку, поднимался вопрос об увеличении средств на сельское хозяйство. Как видно из обнаруженных нами в РГАСПИ материалов, объем государственных капиталовложений по мини-

стерству сельского хозяйства планировалось довести до 223,7% по сравнению с предыдущей пятилеткой, притом, что общий объем средств для государственных капитальных вложений планировался в пятой пятилетке в объеме 158,45% от уровня четвертой пятилетки. Однако, несмотря на планируемое увеличение средств на развитие сельского хозяйства, секвенции коснулись и финансирования государством сельскохозяйственных объектов. Так, по министерству совхозов начатое строительство животноводческих построек в соответствии с Постановлением Совета Министров и ЦК КПСС о трехлетнем плане развития животноводства предполагалось профинансировать в объеме 2 920 млн. руб. вместо 4 000 млн. руб. Соответственно, вместо запланированных 50-ти совхозов предлагалось построить лишь 12, сокращалось жилищное строительство на селе.

Вопреки уже сложившимся стереотипам о характере социально-экономического развития страны, 1953 г. не столь определяющая веха, как в политической сфере. Несмотря на провозглашенный Маленковым новый курс, экономика развивалась в прежнем русле, продолжали действовать старые факторы мотивации труда. Даже на новых направлениях использовались методы управления военного времени. Основные параметры социально-экономической политики страны определились решениями власти, принятыми еще в военные и первые послевоенные годы. Самое важное в характеристике социально-экономического развития в начале 1950-х годов, то, что хозяйственная система продолжала сохранять свою целостность. Производственный потенциал развивался экстенсивно. Управление общественным производством осуществлялось преимущественно организационно-распорядительными методами, нашедшими свое выражение в централизованном директивном планировании и в оперативном управлении «сверху вниз». Начавшаяся «холодная война» стала отправной точкой дальнейшей милитаризации страны. Курс на военное противостояние с Западом способствовал окончательному подчинению всего социально-экономического развития интересам ВПК. Как справедливо отмечали А.А. Данилов и А.В. Пыжиков, «военизированная модель экономики, заложенная в соответствии со сталинскими за-

мысли, развивалась по своему сценарию, неуклонно подчиня своим правилам экономическую и социальную жизнь советского общества»³⁵. В первое послевоенное десятилетие значительные людские, финансовые и научно-технические ресурсы были сначала сконцентрированы на создании ядерного и термоядерного оружия, а впоследствии – средств его доставки.

После Сталина руководители производства столкнулись с новым классом проблем, и, прежде всего, необходимостью резкого подъема жизненного уровня народа, не отъема, а вложения денег в сельское хозяйство, легкую промышленность. За годы пятилеток, т.е. с 1929 г. по 1952 г., по официальным данным в сопоставимых ценах, в тяжелую промышленность было вложено 638 млрд. рублей, в транспорт – 193, в легкую промышленность – 72 и в сельское хозяйство – 94 млрд. рублей³⁶. Иными словами, в сельское хозяйство было вложено в 6,7 раза меньше средств, чем в промышленность, и более чем в 2 раза меньше, чем в транспорт.

В современной историографии не сложилось однозначной оценки, кто инициатор возврата к здравому смыслу в экономике. В конечном счете, спор идет не столько о приоритетах того или иного политика, конкретно Маленкова или Хрущева, сколько о возможности слома в первые послесталинские годы командно-административной системы.

Как вскоре выяснится, не все в новом руководстве разделяли заявленные позиции Маленкова, но новый курс формально был провозглашен. Социально-экономическая политика государства отныне должна быть нацелена на поддержку деревни и «крутой подъем производства предметов народного потребления». Населению страны было обещано в течение двух – трех лет достаточное количество продуктов питания и других товаров первой необходимости. Впервые за долгие годы генеральное направление социально-экономической политики СССР подверглось серьезной ревизии. Однако, объявляя о новых приоритетах в ее проведении, Маленков не дал серьезного анализа ситуации в народном хозяйстве и не предложил комплексного решения его проблем. Ряд предложенных решений принадлежали вчерашнему дню. Например, обещания продол-

жить экономически не оправданные, но весьма популярные в народе ежегодные сокращения цен на потребительские товары³⁷. И обещания «неустанно укреплять и совершенствовать оборону Великого Советского Союза»³⁸. Совершенно нереальны были и предлагаемые Маленковым сроки создания в стране обилия продовольствия и сырья для легкой промышленности. В выступлении Маленкова трудно заметить хотя бы малейшие намеки на смену модели социально-экономического развития. Можно согласиться с мнением Е.Ю. Зубковой, что именно Маленковым был заложен курс на социальную переориентацию экономики³⁹. Но этот курс отражал в принципе общее мнение большинства нового руководства страны и не содержал угрозы командно-административной системе. На этой же «ноте» прошел и сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК, обсудивший доклад Хрущева «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» и который закрепил новый курс. «Надо поставить задачу, – подчеркнул Хрущев, – достичь такого уровня потребления продуктов питания, который исходил бы из научно-обоснованных норм питания, требующихся для всестороннего, гармоничного развития здорового человека»⁴⁰. Первый секретарь ЦК КПСС во многих позициях повторил и развил положения речи Маленкова. Среди причин отставания сельского хозяйства в постановлении называлось нарушение принципа материальной заинтересованности работников в развитии производства. В отличие от выступления Маленкова, Хрущев в своем докладе предложил обширную программу развития экономики на ближайшие годы. Однако основное внимание переносилось со структурных реформ на проблемы механизации сельского хозяйства и усиление организаторской и политической работы партийных организаций и т.п.

Таким образом, можно говорить о том, что в рамках послевоенного периода лишь создаются определенные предпосылки изменений в социально-экономической политике, но они оказываются недостаточными, чтобы она приняла зримые очертания.

Лишь к середине 1950-х годов новое руководство смогло, наконец, в рамках подготовки XX съезда серьезно заняться экономикой, перейти от чрезвычайного реагирования на воз-

никающие проблемы к изучению реальных социально-экономических процессов. Для анализа ситуации в социально-экономической сфере страны в середине 1950-х годов и особенно ее понимания новым руководством чрезвычайно важны материалы «закрытого» Всесоюзного совещания работников промышленности, прошедшего в середине мая 1955 г.⁴¹ Незадолго до совещания ЦК КПСС и Совмин СССР распространили закрытое письмо, касающееся положения дел в промышленности, в котором достаточно критически оценивалась ситуация в экономике. В частности, в письме приводилось немало примеров, демонстрирующих отставание СССР от Запада по внедрению новой техники и производительности труда. Как указывалось в нем, отставание касается многих отраслей промышленности, в том числе машиностроения, которое является сердцевиной индустрии. Несмотря на резко критический тон письма, причины отставания назывались в письме вполне традиционные: самоуспокоенность, зазнайство многих работников промышленности, потеря ими чувства ответственности перед государством за порученное дело, утрата перспективы и ориентировки в технической политике. «Многими работниками, – подчеркивалось в документе, – забыты указания партии о том, что техника должна все время двигаться вперед, что без этого невозможно развитие социалистического производства»⁴². Перекладывая по традиции вину за трудности в экономике с высших эшелонов власти на исполнителей, авторы письма достаточно объективно очертили круг нерешенных проблем, предложив руководящим работникам промышленности сосредоточиться на четырех главных вопросах, (по существу, тех же, которые в свое время привлекали внимания Сталина): «1) быстрая разработка и внедрение передовой техники, совершенствование технологии и организации производства для резкого подъема производительности труда; 2) лучшее использование имеющегося оборудования и существующих производственных площадей; 3) укрепление государственной дисциплины и как ближайшая задача – выполнение и перевыполнение государственного плана текущего года, завершающего года пятой пятилетки каждым предприятием по всем показателям; 4) со-

кращение и удешевление административно-управленческого аппарата в промышленности»⁴³.

Вместе с тем, сам факт созыва после закрытого письма представительного совещания является важнейшим свидетельством того, что «коллективное руководство» само не до конца понимало причину трудностей в социально-экономической сфере, но пыталось разобраться с ними. На совещании присутствовали руководители предприятий, проектных, конструкторских и научно-исследовательских организаций, новаторы производства, а также партийные, профсоюзные и комсомольские руководящие работники. Новый председатель Совета Министров СССР Н.А. Булганин, открывая совещание, далеко не случайно подчеркнул, что «мы живем в век быстрого развития науки и техники, в век атомной энергии»⁴⁴. На исходе пятой пятилетки стало очевидно, что ее задания по росту производительности труда не выполняются. Главное – отставало машиностроение, создавая, по меньшей мере, несколько серьезных проблем для народного хозяйства. Прежде всего, из-за недостаточного выпуска специального оборудования в станочном парке снижался удельный вес высокопроизводительных станков, сильно отставало производство кузнечно-прессового оборудования, медленно внедрялись процессы автоматизации, из-за плохого использования оборудования на машиностроительных заводах сокращалось количество автоматических линий.

На самих машиностроительных заводах медленно внедрялась новая техника, производимые ими машины в ряде случаев имели худшие технические показатели по сравнению с соответствующими машинами, выпускаемыми в других странах, что ставило под вопрос технический прогресс во всем народном хозяйстве и создавало угрозу национальной безопасности⁴⁵. В выступлении Н.А. Булганина содержалось немало фактов, подтверждающих его выводы: «...наши автомобильные заводы, в том числе и вновь построенные, как, например, Уральский автозавод имени Сталина, оборудованный новой техникой, до сих пор выпускает трехтонные грузовики ЗИС-5 конструкции 1933 года. ... Только, вновь поступающие, ежегодно в народное хозяйство 24 тыс. автомобилей ЗИС-5 из-

лишне расходуют 42 тыс. тонн горючего в год»⁴⁶. Небезынтересна и другая его констатация: «В запущенном состоянии находится у нас дело с изобретательством. Рассмотрение изобретений и рационализаторских предложений нередко растягивается на годы»...⁴⁷ «Не без основания наши конструкторы и научные работники говорят: легче изобрести машину, чем ее внедрить. Для внедрения требуется огромная пробивная сила, а не всякий изобретатель и конструктор такой силой обладает»⁴⁸. Власть имела основания обижаться на ученых: в условиях невосприимчивости изобретений многие НИИ «работали без отдачи, не создавали ничего ценного»⁴⁹. «Я сказал, – заключил Булганин, – только о некоторых отрицательных явлениях в работе нашей промышленности. На самом деле их больше. *Мы уверены, что вы в своих выступлениях вскроете многие недостатки и подскажете пути их устранения*» (курсив наш. – В.Ш.)⁵⁰.

Совещание не случайно носило закрытый характер. Его участники, включая и высших руководителей министерств и ведомств, затронули очень много острых проблем. Их обсуждение показало реальное состояние экономики в СССР после Сталина. По существу, речь шла о застарелых болезнях советской экономики, врожденных пороках системы хозяйствования, а вовсе не самоуспокоенности и неумелом руководстве. За общими цифрами выполнения планов производства скрывались многочисленные предприятия, систематически не выполняющие заданий и недодающие стране большое количество продукции. В некоторых отраслях промышленности весной 1955 г. не выполняли планов от одной трети до половины общего числа предприятий⁵¹.

При обсуждении на совещании вновь и вновь всплывала проблема несовершенства хозяйственного механизма⁵². К примеру, министр станкостроительной и инструментальной промышленности А.И. Костоусов говорил о том, что «создалось такое положение, при котором совершенствование выпускаемых машин материально не стимулируется, и в ряде случаев приносит предприятиям убытки. Изготовление усовершенствованных узлов требует материальных затрат. Но так как цены

на машины утверждаются как постоянные, то завод, который обновляет свои машины, несет убытки»⁵³. В результате по министерству станкостроительной и инструментальной промышленности к середине 50-х годов примерно 18% выпускаемых металлорежущих станков требовали замены и модернизации (из 384 типоразмеров освоенных станков 9 были разработаны еще до войны и продолжали выпускаться, еще 8 были освоены в годы войны). Гораздо хуже обстояло дело с деревообрабатывающими станками, из которых около 50% были явно устаревшими⁵⁴.

По данным этого министерства, к середине 1950-х годов свыше 300 тыс. станков эксплуатировалось уже более 20 лет, еще 63 тысячи – от 20 до 10 лет. «Если считать, – говорилось на совещании, – что выпускаемые нами станки обеспечивают 10–12 млн. руб. экономии по сравнению со старыми станками, то только от эксплуатации 300 станков 20-ти летнего возраста народное хозяйство теряет около 3 млрд. рублей в год. Эту проблему пытались решить год назад. Поскольку немедленно заменить все устаревшее оборудование на новое страна была не в силах, по указанию Хрущева была составлена государственная программа модернизации оборудования. Она касалась модернизации не только металлообрабатывающих станков, но и прокатных станов, текстильных машин и ткацких станков и всего оборудования в целом»⁵⁵. Эта программа во многом осталась на бумаге, ибо возникла проблема финансирования модернизации оборудования.

Министр химической промышленности С.М. Тихомиров поднял важный вопрос о хозрасчете: «на этом совещании, – отметил он, – никто из выступавших не сказал о заводском и цеховом хозрасчете. И это не случайно. За последние годы в связи с сокращением хозяйственных стимулов и известной централизацией, решения некоторых вопросов руководства предприятиями (планирование, финансирование) хозрасчет, особенно цеховой хозрасчет, практически сведен на нет»⁵⁶. Выступавшие на совещании отмечали неритмичность работы предприятий во многих отраслях промышленности и, прежде

всего, в машиностроении. Почти половина выпускаемой продукции приходится на третью декаду месяца. Это означает, что в первые две декады предприятия работают с неполной нагрузкой, а затем начинается штурмовщина.

Обсуждение проблем машиностроения на совещании показало, что в условиях ослабления репрессивных мер со стороны государства в министерствах и ведомствах растут и иждивенческие настроения. Министерства и ведомства во многих случаях вместо изыскания внутренних резервов для обеспечения текущих нужд предприятий и строек требовали у Правительства, без достаточных к тому оснований, дополнительные денежные средства, материалы и оборудование.

На совещании были отмечены также многочисленные недостатки в структуре управления предприятиями. Так, на средних и небольших предприятиях структура управления практически не отличалась от структуры управления крупных заводов. Например, на Харьковском заводе дорожных машин Министерства строительного и дорожного машиностроения на 235 рабочих имелось 10 отделов, 6 производственных цехов, а в штатах управления 88 человек (33%)⁵⁷.

В целом обсуждение проблем состояния и развития машиностроения в стране показало, что обеспокоенность нового руководства страны общим состоянием экономики была правомерной. Темпы роста производительности труда и темпы экономического роста были недостаточны для давно назревшего поворота к социальной ориентации экономики, для выигрыша в соревновании с передовыми странами Запада, к чему призывали на Совещании новые руководители страны: «Чтобы победить капитализм в экономическом соревновании, мы обязаны иметь передовую технику, лучшую организацию производства и более высокую производительность труда. ...Мы не сомневаемся в том, что в экономическом соревновании между двумя общественными системами победит социалистическая система, как более прогрессивная. Однако известно, что победа не приходит сама – победу организуют и создают люди»⁵⁸.

Сразу же после Всесоюзного Совещания работников промышленности ЦК КПСС и Советом Министров СССР 28 мая

1955 г. было принято постановление «Об улучшении дела изучения и внедрения в народное хозяйство опыта и достижений передовой отечественной и зарубежной науки и техники»⁵⁹. В соответствии с Постановлением был образован Государственный комитет Совета Министров СССР по новой технике (Гостехника СССР)⁶⁰.

Таким образом, не подлежит сомнению, что одна из важнейших причин, в силу которых Н.С. Хрущев пошел на XX съезде на разоблачение сталинских преступлений, – кризисное состояние советской экономики и социальной сферы на рубеже 50-х годов, тупиковость сталинской социально-экономической политики.

25 октября 1955 г. Хрущев направил членам Президиума ЦК КПСС «с целью обмена мнениями» очередную записку по вопросам предстоящего отчетного доклада ЦК КПСС XX съезду партии. К этому времени в результате проведения целого ряда открытых и закрытых совещаний с работниками различных отраслей народного хозяйства, в целом критического осмысления сталинского наследия, у Хрущева складывается определенное представление о состоянии экономики, о ее реальных возможностях. Суть этого видения была отражена в его выступлении на Всесоюзном совещании работников промышленности вполне четко: «мы можем успешно решить самые сложные в техническом отношении задачи», но это «когда мы напрягаем наши усилия и мобилизуем людей»⁶¹. При этом Хрущев имел в виду не только административно-репрессивные меры мобилизации. Достижения последнего года в сельском хозяйстве он прямо связывает с тем, что «удалось повысить материальную заинтересованность колхозников... развязать их инициативу»⁶².

Не менее важен и другой вывод, сделанный на этом же совещании. Размышляя о причинах, в силу которых «наши огромные экономические возможности используются далеко не в полную силу», Хрущев впервые в послевоенные годы, правда, не в явной форме, ставит вопрос о необходимости углубления интенсификации и специализации промышленного производства. Он уверен, что при его лучшей организации можно до-

биться значительного увеличения выпуска продукции на существующих производственных площадях⁶³. Как показывает анализ, в этом выступлении Хрущева достаточно отчетливо просматриваются многие новации, которые будут определять его социально-экономическую политику вплоть до отставки. Это, прежде всего, стремление резко улучшить управляемость промышленностью и строительством, через усиление горизонтальных связей между отдельными министерствами и ведомствами, чтобы придать новое качество экономическому росту. Для Хрущева высокие темпы роста экономики не самоцель, так же как не самоценны применяемые в промышленности и строительстве конструкционные материалы: бетон или металл. «Здесь вопрос не вкуса, – подчеркивал он, – это вопрос борьбы за увеличение производства товаров на душу населения с тем, чтобы в наиболее короткие сроки перегнать развитые капиталистические страны в области производства продукции на душу населения»⁶⁴. Проблема первоочередного развития тяжелой индустрии для Хрущева также вопрос не столько экономический, сколько политический. По его убеждению, продолжительность мирного сосуществования двух систем будет зависеть от нашего умения использовать время и наши возможности для еще большего укрепления, чтобы никакая случайность и неожиданность не застала нас врасплох⁶⁵. Отчетливо сформулировано и отношение первого секретаря ЦК КПСС к ряду других проблем, включая и промысловую кооперацию, предприятия которой «мало чем отличаются от государственных и также получают сырье или в порядке государственного планирования или за взятки... у (государственных) заводов»⁶⁶.

В записке от 25 октября 1955 г. Хрущев делает еще один крупный шаг в осмыслении ситуации в социально-экономической сфере. Пока он не готов для решения острых социальных вопросов жертвовать интересами «основных отраслей хозяйства»⁶⁷. Его действия носят прагматический характер. Необходимость расширения социальных обязательств государства он связывает с наличием в СССР большого количества низкооплачиваемых рабочих, «которые на свою зарплату не могут свести концы с концами»⁶⁸, по существу бедности. И это в го-

сударстве рабочих и крестьян, в программных документах которого провозглашалось всестороннее развитие человека. Если Сталин уверял своих единомышленников в Политбюро, что с зарплатой трудящихся все отлично, то Хрущев в записке акцентирует внимание высшего руководства на то, что вопрос о повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим давно назрел и является очень актуальным⁶⁹. Было и другое измерение этого вопроса, которое также волновало партийного лидера: в стране имелась относительно небольшая группа людей, которая получала очень высокую заработную плату. Вследствие чего, по мнению первого секретаря ЦК КПСС, возник опасный для социалистического общества «разрыв между высокооплачиваемыми работниками, главным образом интеллигентного труда и низкооплачиваемой категорией рабочих и служащих работниками»⁷⁰. Неблагополучно обстояло дело и с пенсионным обеспечением населения. Эти вопросы волновали широкий круг трудящихся, и по этому поводу в ЦК КПСС шел огромный поток писем. Был и другой важный аргумент, придававший с точки зрения Хрущева, дополнительную остроту социальным вопросам. Иностранцы делегации, зачистившие с началом «оттепели» в страну, уделяли им пристальное внимание, и часто сравнение было не в пользу СССР, что наносило ущерб престижу социализма.

Предлагая ускорить вопрос о повышении заработной платы низкооплачиваемых рабочих и служащих, Хрущев отдавал отчет, что в короткие сроки вопрос не может быть решен только путем повышения производительности труда. Поэтому он предложил пойти на прямое (бюджетное) увеличение заработной платы низкооплачиваемых работников, а также несколько лет не проводить снижения цен на продовольственные и некоторые промышленные товары⁷¹. Не исключал он и возможность пойти на выпуск специального долгосрочного внутреннего займа.

В своей записке Хрущев не ограничивается вопросами упорядочивания заработной платы и пенсий. По существу в этом документе предложена, по-своему широкая комплексная, хотя и не бесспорная программа решения социальных вопросов: от

облегчения домашнего труда женщин до введения самообслуживания в столовых.

Уже на ближайшем заседании Президиума ЦК 16 ноября 1955 г., где рассматривался вопрос «О директивах по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956–1960 годы», Хрущев, председательствовавший на этом заседании, выразил сомнение в том, что «нужно принимать такую пятилетку. Смелее переделать, прирост по группе “Б” недостаточен»⁷². (В докладе Н.А. Булганина «Директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народному хозяйства на 1957–1960 годы» это замечание было учтено, и на конец шестой пятилетки был запланирован рост производства предметов потребления (группа «Б») на 60%, производство средств производства (группа «А») увеличивалось на 70%⁷³).

Позиция Хрущева нашла отражение и в формулировке главных задач шестого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. В новом пятилетии предлагалось «на базе преимущественного развития тяжелой промышленности, непрерывного технического прогресса и повышения производительности труда обеспечить дальнейший мощный рост всех отраслей народного хозяйства, осуществить крутой подъем сельскохозяйственного производства и на этой основе добиться значительного повышения материального благосостояния и культурного уровня советского народа»⁷⁴.

Многие вопросы, изложенные в записке, нашли отражение и в отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду КПСС, в котором говорилось о необходимости улучшать и совершенствовать формы заработной платы, поставить заработанную плату в прямую зависимость от количества и качества труда каждого работника и «полностью использовать мощный рычаг материальной заинтересованности для повышения производительности труда»⁷⁵.

Далеко не все в высшем советском руководстве разделяли эти позиции. Так, Молотов до конца жизни считал первостепенными производственные задачи. По этой причине многое роднит в выступлении Хрущева с отчетным докладом на XX съезде и аналогичным выступлением Маленкова на

ХІХ съезде, о котором речь шла выше. Все те же слова о загнивании капиталистической системы. Убежденность, что социалистическая система победоносно идет вперед, не зная кризисов и потрясений. Она приносит великие блага народам стран социализма, демонстрируя свои решающие преимущества перед капиталистической системой⁷⁶, что рост производства на Западе происходит на нездоровой экономической основе. Этот рост объясняется «милитаризацией экономики и гонкой вооружений. <...> Промышленность, – уверял Хрущев делегатов съезда, – изготовляющая предметы потребления, резко отстает, а некоторые ее отрасли переживают застой. <...> ...Страны капитализма смогли поднять свое промышленное производство за счет резкого усиления эксплуатации рабочего класса и снижения жизненного уровня населения»⁷⁷.

Весьма близки и формулировки задач социально-экономической политики на ближайшие годы. «Руководствуясь заветами великого Ленина, Коммунистическая партия Советского Союза проявляла и проявляет постоянную заботу о преимущественном росте тяжелой промышленности – основы развития всех отраслей социалистической экономики, укрепления обороноспособности нашей Родины, улучшения благосостояния народа. Такова генеральная линия нашей партии, проверенная всем опытом развития Советского государства и отвечающая жизненным интересам народа. Коммунистическая партия будет проводить эту генеральную линию и впредь со всей твердостью и последовательностью»⁷⁸.

Таким образом, анализ совокупности документов, относящихся к периоду, предшествующему XX съезду, и документов самого съезда говорит о том, что к середине 1950-х годов, а тем более в первые послевоенные годы дальнейшее развитие страны по совокупности обстоятельств не могло быть направлено по пути постепенной модернизации по западному образцу с допущением рыночных механизмов ценообразования, конкуренции. Еще менее актуален и для власти, и для населения страны был вопрос о выходе из социализма. В лучшем случае можно говорить о существовании в первое послевоенное десяти-

тилетие лишь теоретической возможности (условий) перехода к рыночному социализму в виде наличия в экономике весомого блока несоциалистических форм хозяйства и не зависящих от власти групп населения, а также стремления правящей бюрократии и номенклатуры к либерализации политического режима. Однако эта возможность была ничтожно мала. Во-первых, в первое послевоенное десятилетие советская система имела еще колоссальный запас прочности. В ряду главных причин устойчивости существовавшей модели социализма следует назвать высокие темпы экономического роста и высокий уровень социальной справедливости («равенство в нищете»; реальная имущественная дифференциация, порожденная привилегиями верхушки, тщательно скрывалась).

Во-вторых, и это, пожалуй, самое весомое обстоятельство, и Сталин, а впоследствии и его наследники были убеждены (нет ни одного реального свидетельства, говорящего об обратном), что у существующей модели социализма есть большие резервы, следует устранить лишь отдельные недостатки. С чисто экономической точки зрения на ранних стадиях индустриализации (когда доля занятости вне сельского хозяйства не превышала 50%) набор институциональных инноваций позволял обеспечивать сравнительно высокие темпы индустриализации, промышленного роста⁷⁹. Сталинские наследники, становление которых как политических деятелей прошло в годы индустриального скачка, имели реальную возможность убедиться, что социалистическая модель хозяйствования дает возможность достичь более высоких темпов перераспределения ресурсов из традиционного сектора, большей доли накопления в ВВП, чем позволяет рыночная. Не менее важно, что в послевоенные годы долгосрочные последствия отключения рыночных механизмов (отсутствие стимула к инновациям, ригидность экономических структур, нарастающий кризис сельского хозяйства, не конкурентоспособность продукции обрабатывающих отраслей на международных рынках) еще не дали о себе знать в полной мере. По подсчетам Е.Т. Гайдара, время, в течение которого социалистическая система – общественно-экономическое устройство, устраняющее рынок, – на фоне де-

мографического перехода, перераспределения рабочей силы из деревни в город, обеспечивает высокие темпы промышленного роста, ограничивается не более чем 40 годами⁸⁰. В первое послевоенное десятилетие и высокую ресурсоемкость экономики, и низкий уровень жизни населения, и стагнацию сельского хозяйства и другие пороки существующей системы хозяйствования как власть, так и народ относили скорее к ее неразвитости, чем принципиальной порочности. Ни власть, ни научные круги не связывали успехи индустриализации с государственным принуждением, не видели в нем главного инструмента мобилизации ресурсов на нужды индустриализации. В чем трудно не согласиться с Г.Х. Поповым, в этот период советские интеллектуалы «идеи выхода из социализма не выдвигали, не разрабатывали, не обсуждали и – тем более – не доводили до народных масс»⁸¹.

Очередную точку бифуркации, точку перелома, когда принимаемые политические решения могли изменить направление и темп развития, Советский Союз прошел в первые послевоенные годы, когда объективно условия для изменения модели развития были наиболее благоприятными за все послевоенное время существования СССР. Более того, такой социальной базы реформ не было в 1989–1991⁸². Таким образом, если и говорить об упущенных шансах реформ социализма, то они скорее относятся к первым послевоенным годам, непосредственно к Сталину. Главное, в другом – сталинский режим не был способен в послевоенные годы на иные варианты развития, поскольку изначально был лишен обратных связей между властью и обществом в виде оппозиции, независимых средств информации, свободы слова. Поэтому никаких реформ не было. И не могло быть. В рамках послевоенного периода лишь создаются определенные предпосылки изменений в социально-экономической политике, но они оказываются недостаточными, чтобы реформа приняла зримые очертания.

Определяющее воздействие на выбор стратегии и социально-экономического развития после смерти Сталина оказывают марксистская идеология и борьба за власть. Для нового руководства страны главным условием собственной легитимации в

стране с наличием многих назревших проблем, наряду с разоблачением сталинских ошибок и преступлений могло быть только поддержание высоких темпов экономического роста. Не разоблачив сталинские преступления, новые лидеры не имели политических перспектив, о чем неоднократно говорил Хрущев своим коллегам на заседаниях Президиума ЦК КПСС в канун XX съезда. Но, разоблачив, они тут же столкнулись с другой стороной проблемы. Именно опасность развития событий не по социалистическому пути вновь грозит правящей элите лишением власти. И, следовательно, активизирует охранительные инстинкты у наиболее консервативной части высшего руководства. Таким образом, значимость XX съезда в том, что именно события вокруг него, и прежде всего разоблачение «культы личности» определили тип социально-экономических перемен. Смелый для того времени экономический курс Маленкова противоречил всей логике существования советской системы, ставил под сомнение статус СССР как великой державы, лишал его способности успешно решать внешнеполитические задачи, укреплять оборону. Хрущев и в мемуарах и, что, может быть, важнее, во время беседы с А.Я. Пельше в КПК в ноябре 1970 г., несколько раз подчеркивал, что после смерти Сталина «наша страна оказалась в тяжелом положении в оборонном отношении. Сейчас другое положение. Мы должны уделять больше внимания товарам народного потребления... В 1956 г. мы были очень слабы в оборонном отношении»⁸³. В то же время, в 1950-е годы советская экономическая система оказалась жизнеспособной настолько, что одно время для части наблюдателей казалась предпочтительнее. В рыночной экономике многих стран Европы и Азии после второй мировой войны были успешно применены некоторые инструменты плана⁸⁴. Социально-экономическая политика Хрущева при всей ее популистской составляющей представляется в предполагаемых обстоятельствах едва ли не единственно возможной. Ценность опыта тех лет состоит в том, что в годы оттепели была «отработана» тупиковая модель социально-экономического развития, тем самым открылась возможность поиска иных путей модернизации, включая и выход из социализма.

-
- ¹ Среди немногих исключений разделы книг: XX съезд КПСС и его исторические реальности / под ред. В.В. Журавлева. М., 1991; *Аксютин Ю.В., Волобуев О.В.* XX съезд КПСС: новации и догмы. М., 1991.
- ² *Березин И.С.* Краткая история экономического развития: учебное пособие. 2-е изд. М., 2001. С. 250; *Жуков Ю.Н.* Тайны Кремля. Сталин. Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 620–626; *Лейбович. О.Л.* Реформа и модернизация в 1953–1964. Пермь, 1993. С. 116.
- ³ *Березин И.С.* Указ. соч. С. 251.
- ⁴ *Попов Г.Х.* Три войны Сталина. М., 2005. С. 167.
- ⁵ См.: *Его же.* Упущенный шанс: (к 50-летию XX съезда КПСС) // Московский комсомолец. 2006. 22 февр. С. 6.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Абалкин Л.И.* Россия: поиск самоопределения: очерки. М., 2005. С. 196; *Летенко А.В.* Российские хозяйственные реформы. История и уроки. М., 2004. С. 98, 99.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Гайдар Е.Т.* Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М., 2005. С. 327.
- ¹⁰ Там же. С. 329.
- ¹¹ См.: *Гайдар Е.Т.* Аномалии экономического роста // Соч. М., 1997. Т. 2. С. 278–525.
- ¹² *Его же.* Долгое время. Россия в мире. С. 329.
- ¹³ См.: *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти, 1945–1991. М., 1998. С. 109; *Пыжиков А.* Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 41.
- ¹⁴ *Ольсевич Ю., Грегори П.* Плановая система в ретроспективе. М., 2000. С. 25.
- ¹⁵ *Орлов Б.П.* Истоки перестройки // ЭКО: Экономика и организация промышленного производства. 1989. № 5. С. 11.
- ¹⁶ Там же. С. 15.
- ¹⁷ *Гордон Л.А., Кабалина В.И.* Заработная плата: вчера, сегодня, завтра // Общество в разных измерениях: социологи отвечают на вопросы. М., 1990. С. 85.
- ¹⁸ Проект доклада Н.С. Хрущева на сентябрьском пленуме (1953 г.) «О мерах дальнейшего подъема сельского хозяйства СССР» // Рос. гос. арх. соц.-полит. истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 167. Л. 9–10.
- ¹⁹ Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. М., 2001. Т. 2: 1940–1959. С. 129.
- ²⁰ *Летенко А.В.* Указ. соч. С. 99.
- ²¹ *Хрущев Н.С.* Повышение благосостояния народа и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов: речь на пленуме ЦК КПСС 17 января 1961 г. М., 1961. С. 11.

- ²² См.: *Гайдар Е.Т.* Долгое время. Россия в мире. С. 331.
- ²³ *Ольсевич Ю., Грегори П.* Указ. соч. С. 26.
- ²⁴ *Гайдар Е.Т.* Долгое время. Россия в мире. С. 327.
- ²⁵ *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 24.
- ²⁶ Там же. В одной из последних своих работ академик Е.С. Варга, на анализ экономических циклов которого ранее опирался Сталин, предсказывал, что «XX век является последним веком существования капитализма..», см.: *Варга Е.С.* Современный капитализм и экономические кризисы. М., 1962. С. 503.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 121. Л. 32.
- ²⁸ *Маленков Г.М.* Отчетный доклад ЦК ВКП(б) XIX съезду партии // Бюллетени XIX съезда КПСС. М., 1952. 5–14 октября (№ 1). С. 43.
- ²⁹ Там же. С. 17, 54.
- ³⁰ Там же. С. 49.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 46.
- ³³ *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть: воспоминания. М., 1999. Кн. 4. С. 245.
- ³⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 94. Л. 155.
- ³⁵ *Данилов А.А. Пыжиков А.В.* Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 152.
- ³⁶ Заседания Верховного Совета СССР. (Пятая сессия). 5–8 августа 1953. Стенографический отчет. М., 1953. С. 260.
- ³⁷ Там же. С. 267.
- ³⁸ Там же. С. 273.
- ³⁹ *Зубкова Е.Ю.* Маленков и Хрущев: личный фактор в политике постсталинского руководства // Отечественная история. 1995. № 4. С. 114.
- ⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 167. Л. 9–10.
- ⁴¹ Материалы Всесоюзного совещания работников промышленности, созванного ЦК КПСС и Советом Министров СССР, 16–18 мая 1955 года: стенографический отчет. М., 1955. Гриф «Не для печати».
- ⁴² Там же. С. 4.
- ⁴³ Там же. С. 7.
- ⁴⁴ Там же. С. 4.
- ⁴⁵ Там же. С. 7.
- ⁴⁶ Там же. С. 5.
- ⁴⁷ Там же. 104.
- ⁴⁸ Там же. С. 5.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же. С. 104.
- ⁵¹ Там же. С. 3.

- ⁵² Там же. С. 95.
- ⁵³ Там же. С. 96.
- ⁵⁴ Там же. С. 94.
- ⁵⁵ Там же. С. 6.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. М., 1985. Т. 8: 1946–1955. С. 505.
- ⁶⁰ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1958. Т. 4: 1953–1957. С. 417.
- ⁶¹ См.: Материалы Всесоюзного совещания работников промышленности, созванного ЦК КПСС и Советом Министров СССР 16–18 мая 1955 года. С. 118, 119.
- ⁶² Там же. С. 113.
- ⁶³ Там же. С. 106.
- ⁶⁴ Там же. С. 107.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же. С. 98.
- ⁶⁷ Рос. гос. арх. новейшей истории. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. Л. 60.
- ⁶⁸ Там же. Л. 75.
- ⁶⁹ Там же. Д. 3. Л. 74.
- ⁷⁰ Там же. Л. 98.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Президиум ЦК КПСС, 1954–1964. М., 2003. Т. 1. С. 61.
- ⁷³ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. М., 1956. Т. 2. С. 13, 14.
- ⁷⁴ Там же. С. 8, 9.
- ⁷⁵ Там же. Т. 1. С. 75.
- ⁷⁶ *Хрущев Н.С.* Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии: доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Н.С. Хрущева // Там же. С. 14.
- ⁷⁷ Там же. С. 15, 16.
- ⁷⁸ Там же. С. 42.
- ⁷⁹ См.: *Гайдар Е.Т.* Долгое время. Россия в мире. С. 320.
- ⁸⁰ Там же. С. 322, 323.
- ⁸¹ См.: *Попов Г.Х.* Упущенный шанс. С. 6.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. М., 1999. Кн. 3. С. 622.
- ⁸⁴ См.: *Ольсевич Ю., Грегори П.* Указ. соч. С. 7, 8.

XX СЪЕЗД КПСС И ИЗМЕНЕНИЯ В ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Во второй половине 1950-х годов в топливно-энергетической политике СССР произошли значительные изменения: существенно иной стала структура топливно-энергетического баланса, по-новому стали расставляться приоритеты в развитии отдельных отраслей топливно-энергетического комплекса (ТЭК); совершенно иное значение приобрела нефть во внешне-экономических и внешнеполитических связях; резко изменилось относительное значение отдельных регионов (особенно это относится к нефтедобыче).

Ряд изменений совпадал с общемировыми тенденциями – например, быстрое увеличение доли нефти и газа в балансе топливно-энергетических ресурсов, но эта тенденция на Западе четко проявлялась уже в 1920-х годах, а в СССР – только со второй половины 1950-х. В условиях жесткого централизованного планирования опережающее развитие нефте- и газодобычи по сравнению с угле- и торфодобычей обеспечивалось только принятием соответствующих решений, и на самом высоком уровне.

Для многих людей XX съезд КПСС открыл новые перспективы социализма – более гуманного, а не только жесткого (а подчас и жестокого), как раньше. Появилась новая волна энтузиазма, постепенное затухание которой длилось, на наш взгляд, до начала 1970-х годов. На этой волне энтузиазма осваивались новые топливные базы, открывались новые месторождения, строились грандиозные транспортные артерии.

К середине 1950-х годов структура топливно-энергетического баланса СССР и ведущих стран Запада существенно отличалась. В СССР была гипертрофирована роль угля и торфа, относительно низок удельный вес нефти и газа. Развитые страны Запада всемерно форсировали изменения баланса в пользу нефти и газа, а вот пик добычи угля в Великобритании, напри-

мер, пришелся на 1913 г. В 1950-х годах США и страны Западной Европы получили возможность использовать невероятно дешевую нефть стран Персидского залива, причем сами страны Ближнего и Среднего Востока не получали от этой добычи почти ничего.

Если с 1950 по 1955 г. добыча нефти в США возросла с 266,7 до 332,8 млн. тонн, то добыча угля существенно уменьшилась – с 508,3 млн. тонн до 448,5 млн. тонн¹. Самая большая в мире нефтедобыча в 1950-е годы была в США, причем американцы не довольствовались собственной нефтедобычей, а импортировали довольно много нефти.

С учетом импорта нефти и экспорта угля доля угля в топливно-энергетическом балансе США по потреблению упала с 46,4% в 1948 г. до 32,3% в 1953 г. Доля же нефти за этот период возросла с 34,7% до 42,7%².

Все 1950-е годы на втором месте в мире по нефтедобыче была Венесуэла. Советскому Союзу удалось добыть больше нефти, чем в этой латиноамериканской стране, впервые лишь в 1961 г. А основным потребителем венесуэльской нефти были Соединенные Штаты.

В СССР для быстрого роста нефтедобычи к середине 1950-х годов существовали все необходимые объективные условия, и, главное – открытие новых месторождений «Второго Баку». За годы пятой пятилетки в СССР было открыто 265 новых нефтяных и 99 газовых месторождений. Эти открытия позволили увеличить разведанные запасы нефти в СССР в 2,5 раза. В стране полагали, что на 1956 г. доля СССР в мировых запасах нефти составляла 54,8%³.

С 1950 по 1955 г. добыча угля в СССР возросла на 130 млн. тонн, нефти – на 33 млн. тонн⁴. И хотя в первой половине 1950-х годов темпы прироста добычи нефти в СССР были выше, чем угля, по абсолютным показателям прирост добычи угля за пятую пятилетку был больше.

Наиболее эффективным видом топлива тогда был природный газ, добыча которого в СССР была – по мировым меркам – крайне незначительна. Общая добыча природного товарного газа в США в 1945 г. составляла 114,5 млрд. куб. м, в 1955 г. –

более 260 млрд. куб. м⁵. В СССР же в 1955 г. было добыто всего 9 млрд. кубометров природного газа⁶.

В докладе Председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина на XX съезде КПСС ставились новые ориентиры развития топливной промышленности. Докладчик отмечал: «В 1955 году в топливном балансе нашей страна на долю угля приходилось 65 процентов, на долю нефти – 22 с половиной процента, на долю природного газа – 2 с половиной процента. Как видите, нефть и особенно газ в топливном балансе имеют небольшой удельный вес. В то же время газ и нефть являются наиболее дешевыми и эффективными видами топлива. Себестоимость добычи природного газа, например, в 8 раз ниже себестоимости добычи угля. Кроме того, нефть и газ являются сырьем для получения многих химических продуктов»⁷.

В связи с этим берется курс на всемерное ускорение развития нефтяной и газовой промышленности. Проектом Директив в 1960 г. добычу угля намечается увеличить по сравнению с 1955 г. на 52%, добычу нефти – на 91% и газа – почти в 4 раза⁸.

Булганину вторил в своем выступлении на съезде первый зам. пред. Совмина СССР М.Г. Первухин: «...Удельный вес нефти и газа в топливном балансе страны возрастет к 1960 году до 30,5 процентов. Такое повышение роли газа и нефти в топливном балансе вполне целесообразно, так как себестоимость добычи одной тонны газа ниже в 8 раз, а нефти в 3 раза, чем себестоимость добычи одной тонны угля. Если к этому добавить, что подземный труд шахтеров гораздо сложнее и тяжелее, чем работа нефтяников, то станет совершенно ясным, насколько правильна и обоснована линия Центрального Комитета в развитии топливной промышленности СССР»⁹. М.Г. Первухин решился и на критику прежней энергетической политики: «В предыдущих пятилетках планы наращивания энергетических мощностей недовыполнялись. Одной из причин этого является принятое в свое время неправильное решение о строительстве районных электростанций ограниченной мощности с малыми агрегатами»¹⁰. Естественно, Михаил Георгиевич умолчал, что строительство небольших районных электростанций, работавших на местном топливе, – одна из стержневых идей плана ГОЭЛРО.

В 1950-е годы в СССР основной упор по-прежнему делался на работавшие на угле паровозы, экономическая эффективность которых значительно уступала тепловозам и электровозам. В 1955 г. на тысячу тонно-километров (брутто) тепловоза расходовалось топлива в 4,3 раза больше, чем паровозами¹¹. Существовала жесткая связь между ставкой на уголь и ставкой на паровозы. В 1954 г. в СССР 23% всего угля потреблялось именно железными дорогами – больше, чем черной металлургией (21,4%), электростанциями (18,5%), предприятиями машиностроения (6,0%)¹².

В докладе Н.С. Хрущева была дана такая оценка состояния железнодорожного транспорта: «Он работает в основном на паровозной тяге, между тем известно, что паровозная тяга мало экономична, так как имеет коэффициент полярного действия 4–5 процентов, в то время как электрическая – 16–18 процентов. Расход топлива при электрической тяге уменьшается в 3–4 раза по сравнению с паровой... Наряду с электрификацией железных дорог для повышения технической вооруженности железнодорожного транспорта большое значение имеет быстрое внедрение тепловозов взамен паровозов. В настоящее время размер производства и мощность выпускаемых тепловозов совершенно не достаточны. Поэтому в сентябре 1955 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли решение о перестройке ряда заводов транспортного машиностроения на производство тепловозов»¹³. В своем докладе на первое место Н.С. Хрущев поставил электровозы, и это неслучайно. В первые годы советской власти весьма популярной была идея, что феодализм в качестве энергетической базы имел водяную мельницу, капитализм – уголь, а социализм – электричество. В 1956 г. ожидалось, что быстрее всего будет осуществляться переход на электровозную тягу. Жизнь, однако, внесла некоторые коррективы в эти планы; не электровозы, а работавшие на нефтетопливе тепловозы быстрее всего занимали места паровозов.

В 1955 г. электрифицировано было 4% от общей эксплуатационной длины железных дорог, тепловозной тягой обслуживалось 5%. Через 5 лет, к 1960 г., электрифицировано было

11% путей, тепловозами обслуживалось 14%; а через 10 лет, в 1965 г., доля электрифицированных дорог составила 19%, перешедших на тепловозную тягу – 42%¹⁴. К 1963 г. в локомотивном парке на первое место твердо выходит тепловоз, затем идет электровоз и на третьем месте – паровоз. Следует отметить, что вытеснение паровозов шло чрезмерно быстро – и далеко не всегда было экономически оправдано.

Совершенно иначе в те годы развивался локомотивный парк США. Уже к началу 1946 г. количество дизельных локомотивов (то есть тепловозов) в этой стране увеличилось в 6 раз по сравнению с довоенным уровнем. В 1957 г. в США абсолютно возобладали тепловозы, их было 27 345, паровозов было почти в 12 раз меньше – 2 344, и совсем немного было электровозов – 587¹⁵.

В 1950-е годы произошли большие региональные сдвиги в добыче нефти: в Азербайджане эта добыча почти не росла, зато быстро увеличивалась в Татарии, Башкирии, Куйбышевской области. Представители этих четырех нефтяных регионов получили возможность выступить на XX съезде, и каждый из них говорил о проблемах нефтедобычи. Выступавший от Башкирии С.Д. Игнатьев сказала: «Нефтяная промышленность является ведущей отраслью хозяйства в нашей республике. По уровню добычи нефти в 1955 году она вышла на первое место в СССР и продолжает наращивать темпы. В шестой пятилетке добыча нефти в Башкирии возрастет в 2,2 раза в сравнении с прошлым пятилетием, а попутного газа – в 2,4 раза»¹⁶.

Еще быстрее росла добыча нефти в Татарии, которой вскорее предстояло выйти на первое место в СССР. За период пятой пятилетки годовой объем добычи нефти в Татарии увеличился в 15 раз¹⁷. Делегат от Татарии З.И. Муратов обещал: «Нефтяники Татарии ... к концу шестой пятилетки дадут нефти почти в 3 раза больше, чем ее добывает сегодня Баку»¹⁸. З.И. Муратов подчеркнул, что и в шестой пятилетке нефть, добываемая в Татарии, будет, как и сейчас, самой дешевой в стране¹⁹.

И делегат от Куйбышевской области М.Г. Ефремов обещал опередить Азербайджан: Куйбышевская область, отметил он, имеет полную возможность к концу 1957 г. превзойти по суточной добыче нефти сегодняшнюю добычу нефти в Баку²⁰.

Действительно, добыча нефти в Азербайджане, достигшая к 1940 г. 22,2 млн. тонн, в 1955 г. все еще существенно уступала довоенному уровню – она составляла 15,5 млн. тонн. Удельный вес Азербайджана в общесоюзной добыче упал почти в 3,5 раза²¹.

Выступавший на XX съезде от Азербайджанской ССР И.Д. Мустафиев признал, что «в настоящее время уровень добычи нефти в Азербайджане несколько ниже, чем до войны. Причиной этого является неправильное ведение разведочных работ за последние 10 лет и консервативное отношение к применению прогрессивных методов добычи нефти. После того как в республике было организовано Министерство нефтяной промышленности, значительно улучшилось руководство предприятиями этой отрасли»²². В последующем, правда, удельный вес Азербайджана в общесоюзной добыче нефти стабильно снижался.

Крупным районом нефтедобычи и нефтепереработки оставался Грозный; однако от Грозненской области на съезде никто не выступал.

Съезд определил, что и в дальнейшем Волго-Уральский регион останется основной базой нефтедобычи, причем его удельный вес повысится к 1960 г. до 70%²³. Эти решения были выполнены: в 1955 г. Волго-Уральская нефтегазоносная провинция дала 41,2 млн. тонн из 70,8 млн. тонн добычи нефти в СССР, а в 1960 г. – 104,3 млн. тонн из 147,2 млн. тонн²⁴.

В начале 1950-х годов Советский Союз экспортировал топливно-энергетические ресурсы в крайне незначительных количествах: их доля в совокупном экспорте СССР в 1950 г. составляла лишь 3,9%, а к 1955 г. она поднялась до 9,6%²⁵.

Чрезвычайно важным является вопрос о том, что именно экспортировать – сырую нефть или нефтепродукты. Вывоз сырой нефти для экспортера гораздо менее выгоден, чем вывоз нефтепродуктов. В США в 1950 г. доля сырой нефти в экспорте составляла около 25%, в 1955 г. – 7,5%, в 1960 г. – 4%²⁶. Как видим, совершенно противоположная тенденция после XX съезда стала действовать в СССР.

Ранее в нефтеэкспорте СССР преобладал вывоз нефтепродуктов, а не сырой нефти. Доля нефтепродуктов во всем экспорте СССР в 1955 г. составляла 4,8%, сырой нефти – 1,8²⁷.

Страна почти не вывозила сырую нефть ни при царе, ни при Сталине. В 1913 г. доля сырой нефти составляла менее 0,1% во всем российском нефтеэкспорте. Начиная с середины 1920-х годов целиком покупались за границей нефтеперерабатывающие заводы – чтобы вывозить бензин, керосин, смазочные масла, а отнюдь не сырую нефть. В годы первой пятилетки нефтепродукты были основной статьей советского экспорта: они давали гораздо больше валюты, чем экспорт зерна. При этом в 1930 г. на сырую нефть приходилось всего 6,2% всего нефтеэкспорта СССР, в 1932 г. – 8,7%. Соотношение оставалось примерно таким же и позже: в 1937 г. сырая нефть составляла 3,6% всего советского нефтеэкспорта, остальные 96,4% приходилось на нефтепродукты²⁸.

После XX съезда положение изменилось. Советский Союз стал гораздо более активно (в ущерб собственным интересам) поддерживать и страны «народной демократии», и развивающиеся страны. Так, только в Египет советский нефтяной экспорт увеличился с 422 тыс. тонн в 1955 г. до 1 480 тыс. тонн в 1957 г.²⁹ За пять лет, с 1955 по 1960 г., экспорт нефти и нефтепродуктов (по весу) в социалистические страны увеличился в 3 раза, в развивающиеся – в 2,6 раза. И что еще важнее, Советский Союз – впервые в истории страны! – стал экспортировать преимущественно сырую нефть, а не нефтепродукты. Вывоз сырой нефти впервые превысил вывоз нефтепродуктов по весу в 1958 г., по стоимости – в 1964 г.³⁰

Строительство нефтепровода «Дружба» в Восточную Европу началось позже, но это решение было принято в русле нового политического курса, провозглашенного на XX съезде. Было совершенно необязательно строить нефтепровод, доставлявший сырую нефть в Восточную Европу. История показывает, как аналогичная задача решалась в другие эпохи. Во второй половине 1880-х годов с идеей строительства нефтепровода от Баку к Черному морю выступил Ротшильд. И правительство, и общественность, и предпринимательские круги были категорически против этого предложения, обосновывая свою позицию тем, что если сырая нефть попадет на побережье Черного моря, она неминуемо будет вывозиться из страны в переработанном

виде. К началу XX в. русское правительство построило керосинопровод Баку – Батум. Несколько иначе подошли к решению той же проблемы во второй половине 1920-х годов, в условиях монополии государства на внешнюю торговлю и централизованной системы планирования. Были построены два мощных нефтепровода – на Батум и Туапсе, а в этих портовых городах – крупнейшие комплексы по переработке сырой нефти.

После XX съезда чрезвычайно быстро стало расти жилищное строительство, всего было построено и введено в действие государственными и кооперативными организациями (без колхозов), а также городским населением жилых домов общей площадью: в 1954 г. – 32,5 млн. кв. м, в 1955 г. – 33,4 млн. кв. м, в 1956 г. – 41,0 млн. кв. м, в 1957 г. – 52,0 млн. кв. м, в 1958 г. – 71,2 млн. кв. м³¹. Готовить пищу на дровах, угле или керосинках быстро возраставшее население не могло – и по экономическим, и по экологическим, и по транспортным ограничениям. В 1955 г. в городах уже было охвачено газоснабжением 8% населения европейской части СССР, причем использовался не только природный, но и искусственный газ, на который в 1940-х – начале 1950-х годов возлагались большие надежды. Но в дальнейшем городское население стало быстро переходить на природный газ. В 1965 г. 22% уже всего населения СССР (а не только его европейской части) использовало газ в быту³².

Решения, принятые на XX съезде КПСС, в целом положительно повлияли на развитие ТЭК страны. Однако были допущены и существенные ошибки, основной из которых, на наш взгляд, стала готовность экспортировать сырую нефть, а не нефтепродукты, как это было во все предшествовавшие десятилетия, и более масштабная ошибка – подчинение экономических интересов страны политическим.

¹ Бакулев Г.Д. Вопросы экономики топлива в СССР. М., 1957. С. 28.

² Там же. С. 38.

³ Там же. С. 6.

⁴ Народное хозяйство СССР в 1958 году. М., 1959. С. 204, 208.

⁵ Там же. С. 213.

- ⁶ Бакулев Г.Д. Указ. соч. С. 39.
- ⁷ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, 14–25 февраля 1956 г. Стенографический отчет. М., 1956. Т. II. С. 15.
- ⁸ Правда. 1956. 22 февр.
- ⁹ Там же. 23 февр.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Железнодорожный транспорт СССР, 1956–1970 гг.: сборник документов. М., 1998. С. 5.
- ¹² Бакулев Г.Д. Указ. соч. С. 39.
- ¹³ Правда. 1956. 15 февр.
- ¹⁴ Транспорт и связь СССР: стат. сб. М., 1972. С. 89.
- ¹⁵ Лисичкин С.М. Нефтяная промышленность США. М., 1969. С. 210–213.
- ¹⁶ Правда. 1956. 20 февр.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. 23 февр.
- ²¹ Народное хозяйство СССР в 1958 году. С. 209.
- ²² Правда. 1956. 21 февр.
- ²³ Там же. 22 февр.
- ²⁴ Мальцев Н.А., Игrevский В.И., Вадецкий Ю.В. Нефтяная промышленность России в послевоенный период. М., 1996 г. С. 134.
- ²⁵ Внешняя торговля СССР, 1918–1966 гг.: стат. сб. М., 1967. С. 73.
- ²⁶ Лисичкин С.М. Указ. соч. С. 222.
- ²⁷ Внешняя торговля СССР, 1918–1966 гг. С. 74, 75.
- ²⁸ Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. М., 1960. С. 129, 163.
- ²⁹ Внешняя торговля СССР за 1955–1959 гг. М., 1961. С. 55.
- ³⁰ Там же С. 82, 83.
- ³¹ Народное хозяйство СССР в 1958 г. С. 636.
- ³² Газовая промышленность СССР. М., 1967. С. 213.

XX СЪЕЗД КПСС И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СССР

К началу 1950-х годов система общественных организаций в СССР существовала в виде жесткой конструкции, которая сформировалась в 1930-х годах и в течение двух десятилетий находилась практически в неизменном состоянии.

Такое положение в общественной сфере было определено событиями рубежа 1920–1930-х годов, когда общественная деятельность в стране была существенно ограничена. В 1928–1932 гг. активизировалась деятельность государства по реформированию сложившейся в 1920-е годы системы общественных организаций. Постепенно была достигнута цель ограничения общественной активности. Под благовидными и неблагоприятными предложениями многие объединения получили от государственных органов отказы в регистрации. Объявленная в 1928 г. официальная перерегистрация обществ и союзов приняла форму масштабной чистки. Большой урон был нанесен общественным организациям на волне «борьбы с вредительством»¹.

В итоге в системе общественных организаций произошли кардинальные перемены. Сложившиеся в 1920-х годах многочисленные и разнообразные по видам, направлениям деятельности и масштабам работы общества и союзы (общее количество их составляло по официальным данным более 4,5 тысяч) к концу 1920-х годов были практически полностью ликвидированы, а в числе разрешенных осталось не более 120 республиканских и всесоюзных обществ. Характерно, что перемены коснулись всех общественных организаций независимо от видов деятельности и времени возникновения.

В начале 1930-х годов система общественных организаций была урезана во второй раз. К 1932 г. были окончательно закрыты не только многие из дореволюционных организаций, но и общества, возникшие уже в новых исторических условиях (во второй половине 1920-х годов). До 1934–1938 гг. сохраня-

лась деятельность менее 20 всероссийских и всесоюзных организаций². Еще некоторое время работали: Общество «Долой неграмотность» (до 1936 г.), «Друг детей» (до 1935 г.), Всесоюзное общество пролетарского туризма и экскурсий (до 1936 г.), Автордор (до 1935 г.), Осоавиахим (до 1948 г.), Союзосвод (до 1943 г.), Союз воинствующих безбожников (до 1947 г.), Международная Организация Помощи борцам революции (МОПР, до 1947 г.), Всероссийское общество охраны природы, Всесоюзное общество культурных связей с границей (до 1958 г.). Массовой работой продолжали заниматься профессиональные союзы, коммунистический союз молодежи, пионерская организация. В эти годы были созданы лишь несколько новых организаций – Фондов: Архитектурный фонд СССР (1934), Музыкальный фонд СССР (1939), Художественный фонд СССР (1940).

«Положение о добровольных обществах и союзах» 1932 г. – последний действующий советский документ об общественных организациях – четко определило назначение и место общественных организаций. Оно легализовало превосходство государственных структур над негосударственными и сформулировало общую для всех общественных организаций цель работы – «активное участие в социалистическом строительстве Союза ССР, а также содействие укреплению обороны страны».

В 1930-е гг. основное влияние на природу и характер общественной деятельности в стране оказал существовавший политический режим. Его негативный оттенок был очевиден. В этот период система обществ и союзов существовала под знаком классовой борьбы и социалистического строительства. Неизбежным стало угасание деятельности всех, в том числе массовых организаций. Недостаток собственных средств и принудительное членство формализовали их работу. Две волны репрессий стимулировали в стране обстановку всеобщего страха, а проявления гражданской инициативы были совершенно парализованы. Политический террор коснулся партийных, комсомольских, профсоюзных, международных организаций. На почве развившейся шпиономании усилилось преследование самых разных обществ и союзов (филателистов, эсперантистов). С 1934 г. практически стало невозможным открытие но-

вых обществ. В 1937 г. были упразднены краеведческие организации. «Невозможность высказать открыто свою точку зрения, не опасаясь при этом санкции властей, рождала апатию», – отмечали современники³. Наряду с этим оставшиеся легальными общественные организации искусственно поддерживались государством, все больше зависели от него в финансовом отношении. На внебюджетных средствах основывала свою работу только МОПР. Ее фонд пополнялся за счет членских взносов и отчислений из заработной платы, носивших обязательный характер⁴.

Характерным для 1930-х годов стал крен в сторону создания крупных обществ и союзов. Особенно заметно процесс «укрупнения» происходил в среде творческих организаций. Взамен огромного числа объединений писателей, поэтов, художников, музыкантов, архитекторов и с целью осуществления идеологического контроля над творческой интеллигенцией началось создание союзов – Советских писателей (1932 г.), а затем Художников, Композиторов, Архитекторов⁵.

В целом же приоритет среди общественных организаций был отдан государством профессиональным союзам и комсомолу, выполнявшим в 1930-е годы роль главных «приводных ремней» от Коммунистической партии к массам трудящихся и фактически заменившим собой все другие общественные организации.

Главной их задачей стало поддержание баланса экономического механизма страны, расшатанного предыдущими годами войн, революций и кризисных послереволюционных лет. По «путевкам комсомола» тысячи молодых людей направлялись на стройки пятилеток и в деревню, с помощью комсомольцев организовывались колхозы и создавались ударные бригады на производстве. Профсоюзы, которые к 1940 г. объединили свыше 25 млн. членов, стали заниматься, главным образом, вопросами повышения производительности труда, рационализации производства, укрепления трудовой дисциплины⁶.

Итак, в предвоенные годы общественная сфера обрела свои законченные черты, а общественная активность – свои дозволенные пределы. Сформировалось понятие «общественные организации», смысл которого был окончательно закреплен в

Конституции 1936 г. Основными в системе общественных организаций были признаны массовые общественно-политические организации, инициированные властью и лояльные к ней. Участие граждан в их работе приняло обязательный характер, а главной целью общественной деятельности было провозглашено содействие государству и Коммунистической партии.

Преодоление культа личности Сталина, оглашение фактов беззакония, разоблачение репрессивного режима и террора – эти и другие последствия XX съезда КПСС, безусловно, отразились на состоянии общества в целом, а также на самосознании и поведении каждого отдельного гражданина. Сложившаяся после XX съезда политическая ситуация не могла не сказаться на общественной деятельности и ее восприятии гражданами, на положении разного рода общественных организаций и формах их работы.

В годы, называемые «хрущевской оттепелью», объективно складываются условия, которые могли бы способствовать созданию новых, действительно самостоятельных и демократических общественных организаций.

Поначалу относительная демократизация советского общества привела к появлению таких организаций, как Комитет советских женщин (1956), Советский фонд мира (Советский Комитет защиты мира в 1961 г.), Комитет молодежных организаций (1956). Возникновение этих организаций было инспирировано исключительно «сверху» и было обязано своим появлением желанию руководителей страны представлять СССР на международной арене в качестве цивилизованного партнера. Однако по существу эти организации общественными не были – они содержались за счет государственного бюджета, ими руководили партийные органы, а во главе их стояли представители партийно-государственной номенклатуры.

Во второй половине 1950-х годов надежды на демократизацию общественной жизни особенно усилились в молодежной, студенческой среде. Однако оживление общественной инициативы было возможно исключительно в рамках существующей системы общественных организаций. Как было замечено исследователями, «вообще большинство гражданских выступле-

ний 1960-х годов осуществлялось на официально разрешенных мероприятиях⁷. Действительно, животрепещущие вопросы поднимались исключительно на комсомольских собраниях. Редчайшие же попытки организовать «снизу» самостоятельные группы общественно-политического или культурно-просветительского направления (например, в Московском государственном университете) вызывали опасения органов идеологического надзора⁸. Часто подобная деятельность приводила к репрессиям против ее инициаторов и участников. Они подвергались исключению из партии, комсомола, одновременно – из учебного заведения или с работы, при этом увольнение с работы автоматически вело к наказанию «за тунеядство». В период с 1956 по 1958 г. политическим арестам за несанкционированную общественную деятельность подверглись молодежные группы Пименова в Ленинграде, Краснопевцева и Пирогова в Москве⁹.

В 1960-е годы при Московском государственном университете возникли ДОП – дружины по охране природы. Эта форма студенческой организации постепенно нашла последователей во многих университетских городах. Экологическая работа дружин проходила в атмосфере характерных для хрущевской «оттепели» романтических настроений. Основная их деятельность заключалась в патрулировании заповедников и лесов для защиты их от браконьеров и порубщиков. К слову заметим, что это движение довольно быстро обнаружило, что основным разрушителем российской природы являются отнюдь не браконьеры, а само государство. Движение ДОП было практически неизвестно широким массам населения и объединяло представителей интеллектуальной элиты, профессионально занимающейся экологическими проблемами¹⁰.

«Демократическая весна» звала к переменам. Однако общий политический курс государства оставался прежним. Власти игнорировали право граждан на объединение, чем принижали значение права в целом¹¹. Половинчатость новых шагов была очевидна. Даже доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС так и оставался секретным для собственной страны вплоть до 1989 г. (хотя в США он был опубликован в том же 1956 г.).

В такой ситуации характерной для «оттепели» явилась деятельность неофициальных (подпольных) организаций и движений.

Совершенно новым для советского общества стало диссидентское движение (движение инакомыслящих). Оно началось с немногочисленных подпольных молодежных кружков в 1940-х годах. После XX съезда КПСС движение активизировалось¹². По форме и основным идеям эти кружки часто подражали партийным группам. Диссидент Владимир Буковский писал: «Все 50-е и 60-е годы, словно грибы, выросли организации, союзы, группы и даже партии, самых различных оттенков. Встречал я партии из двух человек, из пяти, из двенадцати. Самая маленькая партия, которую я встречал, состояла из одного человека по фамилии Федоров и называлась ПВН, что значит Прямая Власть Народа».

С подпольной работы начинали многие диссиденты, например, генерал Петр Григоренко. Тогда возможности действовать открыто в Советском Союзе не было. Многие диссиденты подвергались арестам. Однако с середины 1960-х годов диссидентское движение вышло на свет, стало открытым, гласным. Этому способствовали известные поэтические чтения у памятника Маяковскому в Москве, затем суд над писателями Ю. Даниэлем и А. Синявским, обвиненными в антисоветской агитации. Впоследствии у многих диссидентов возникло стойкое предубеждение к подполью. Его выразил Петр Григоренко в названии своей книги: «В подполье можно встретить только крыс». Однако подпольная диссидентская работа сохранялась наряду с открытой и не исчезла до самого начала «перестройки».

Важными для диссидентского движения были такие события, как «процесс четырех» – над составителями «Белой книги» об осуждении Даниэля и Синявского. Он вызвал широкие общественные протесты. Самым большим достижением диссидентов А.Д. Сахаров назвал выпуск бюллетеня «Хроника текущих событий» в 1968 г. Все его редакторы недолго работали на свободе. Первого редактора – Н. Горбаневскую – арестовали уже в 1969 г. Несмотря на это, «Хроника» выходила целых 15 лет.

Открытые диссидентские группы стали активно действовать позднее, в 1970-х годах. Первая из них под названием «Инициативная группа защиты прав человека в СССР» возникла в мае 1969 г. В ноябре 1970 г. появился Комитет прав человека, в который входили академик А. Сахаров, В. Чалидзе и другие¹³.

Частью движения диссидентов стало русское национальное движение, также не ставшее массовым. Начиналось оно тоже с подполья. В начале 1960-х годов его участникам удалось создать в Ленинграде самую крупную подпольную организацию в России – Всероссийский Социал-христианский Союз освобождения народа (ВСХСОН). Аресты членов организации начались уже в 1961 г. В программе организации говорилось о преобразовании СССР в православное государство.

В 1950–1960-е годы возникает целый ряд национальных движений, направленных против политики «русификации», – украинское, армянское, грузинское, крымско-татарское, литовское, латышское, эстонское – все в виде подпольных организаций. Эти объединения выслеживались и жестоко подавлялись КГБ, а их лидеры подвергались смертной казни или ссылке. К примеру, на Украине в 1958–1973 гг. прошло 17 политических процессов над лидерами национального движения¹⁴.

Другой составной частью диссидентского движения стало распространение самодельно размноженной литературы – «Самиздат»¹⁵. Движение литературного «самиздата» появилось в конце 1950-х годов. Своим появлением слово «самиздат» обязано поэту Н.И. Глазкову, а означало оно всю неподцензурную словесность. Через него распространялись произведения писателей и поэтов – М. Волошина, Н. Гумилева, М. Цветаевой, О. Мандельштама, О. Берггольц, Б. Слуцкого, А. Твардовского. В 1958 г. в «Самиздат» попал роман Б. Пастернака «Доктор Живаго». В конце 1960-х годов наряду с литературным возник политический самиздат. Это были бюллетени «Хроника текущих событий», правозащитные сборники, журналы «Вече», «Поиски», «Варианты», «Поединок» и другие.

Вообще приметой «оттепели» стал литературный бум. На этой волне поэзия и проза в СССР разделились на официаль-

ную и независимую. Независимая литературная деятельность приняла формы публичных чтений, встреч с массовой аудиторией читателей (лучше сказать слушателей).

Вместе с тем писатели, чаще поэты, не желавшие подчиняться нормам казенной литературы, начали объединяться в собственные группы¹⁶. Это были в основном студенческие кружки. В Ленинградском университете члены литературного объединения (В. Уфлянд, М. Еремин, Л. Виноградов) стремились восстановить забытые советской поэзией традиции В. Хлебникова. В Ленинградском технологическом институте объединились «ахматовские сироты», стремившиеся использовать опыт акмеистов (Е. Рейн, А. Найман, позднее – И. Бродский).

В Москве одна из подпольных поэтических групп сложилась вокруг художника и поэта Евгения Кропивницкого. По месту сборов группа, объединившая поэтов, художников, музыкантов, получила название Лианозовская. Она возникла в середине 1950-х годов в Подмосковье и просуществовала до конца 1980-х годов. В конце 1950-х годов группа студентов Института иностранных языков собиралась на квартире у одной из студенток на Большой Бронной улице. Постоянные посетители именовали ее монмартрской мансардой, подчеркивая тем самым близость молодых авторов к поэтам французской богемы начала века. По инициативе поэта Л. Губанова в конце 1964 г. в Москве родилось объединение поэтов и художников СМОГ («Самое Молодое Общество Гениев»). Оно объединило несколько десятков человек. «Смогисты» – студенты и старшеклассники – в штывки принимали казенное, официальное искусство. В отличие от других литературных кружков они стремились заявить о себе как можно громче. Например, выступали в мешках и с петлей на шее, что должно было символизировать их положение в обществе. В апреле 1965 г. участники организации прошли по Москве с кричащими лозунгами. Власти «приняли меры», и вскоре СМОГ распался. Многие поэты, писатели, художники, музыканты работали вне всяких групп и объединений.

Одновременно в различных сферах действовали официальные общественные объединения. В 1950–1960-е годы создаются такие организации, как Союз архитекторов СССР (1955),

Союз художников СССР (1957), Союз журналистов СССР (1958), Союз кинематографистов СССР (1965), Советский комитет ветеранов войны (1956), Федерация породненных городов (1957), Ассоциация содействия ООН в СССР (1956), Советский комитет солидарности стран Азии и Африки (1956), Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (1958), Союз спортивных обществ и организаций (1959), Советский фонд мира (1961)¹⁷. Сохранились и некоторые из созданных в предыдущие десятилетия массовые организации – Общество охраны природы (1924), Общество «Знание» (1947), ДОСААФ (1951). Государство по-прежнему поддерживало их работу. Деятельность этих объединений была формализована, фактически сводилась к сбору членских взносов среди миллионов граждан (в школах, учреждениях, предприятиях), а также к функционированию бюрократического аппарата этих организаций на всех уровнях.

Таким образом, политические события 1956 г. не были односторонними. Они не внесли изменений ни в укоренившуюся природу общественной деятельности, ни в сложившиеся отношения власти с общественными организациями. Система массовых организаций сохранилась, создание новых общественных объединений происходило по указанию и при поддержке «сверху». Вместе с тем, в советском обществе зародились новые, оппозиционные движения. Однако они не привели в то время к созданию стойких обществ и союзов. До начала 1970-х годов для новаторских гражданских инициатив в СССР оставался единственный путь – неофициальная, часто подпольная деятельность, преследуемая властями.

1950–1960-е годы во многих отношениях стали периодом несбывшихся надежд. В общественной сфере они прошли под знаком ожидания глубоких демократических перемен, многие из которых в действительности так и не состоялись либо осуществились значительно позднее – в 1990-х годах.

¹ Подробнее см.: *Ильина И.Н.* Общественные организации России в 1920-е годы. М.: ИРИ РАН, 2000.

- ² Там же.
- ³ *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы, 1945–1964. М., 1993. С. 40.
- ⁴ *Коржихина Т.П.* Общественные организации СССР в 1917–1936 гг. М., 1981. С. 62, 63.
- ⁵ *Ее же.* Общественные организации в СССР: материалы к источниковедению и историографии. М., 1992. С. 108, 119, 122.
- ⁶ Профсоюзы СССР: документы и материалы. М., 1963. Т. 1. С. 711, 718, 823.
- ⁷ *Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс; Москва, 1992. С. 13.
- ⁸ *Зубкова Е.Ю.* Указ. соч. С. 137–145.
- ⁹ *Алексеева Л.М.* Указ. соч. С. 201.
- ¹⁰ *Перепелкин Л.С., Фигатнер Ю.Ю.* Экологическое движение Москвы: эмпирический и теоретический анализ институциональной самоорганизации гражданского общества. М., 1994. С. 9.
- ¹¹ *Шутько Д.В.* Эволюция правового статуса общественных организаций // Гражданское общество и правовое государство: предпосылки формирования. М., 1991. С. 78.
- ¹² Подробнее см.: История России. XX век. М., 1995. Разд.: «Советский Союз, 1946–1991».
- ¹³ Подробнее см.: *Алексеева Л.М.* Указ. соч.
- ¹⁴ Там же. С. 9.
- ¹⁵ История России. XX век. Разд.: Советский Союз, 1946–1991. С. 613, 614.
- ¹⁶ Подробнее см.: Русская литература. XX век. М., 1999. Разд.: Литература второй половины XX века. С. 448–453.
- ¹⁷ *Коржихина Т.П.* Общественные организации в СССР: материалы к источниковедению и историографии. С. 111–177.

XX СЪЕЗД И «ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» В ПОЛИТИКЕ Н.С. ХРУЩЕВА

В 1953 г. формально сталинская эпоха ушла в прошлое. Новое руководство страны в лице «простого и открытого» Н.С. Хрущева, провозгласило политику «лицом к народу», воспринятую в стране как «оттепель». При всей значимости хрущевских перемен государственного и международного масштаба и их вклада в гуманизацию советской жизни они практически не коснулись решения одного из основных – «семейного вопроса». Не коснулась политика «оттепели» и главного социально-крестьянского вопроса: социального и пенсионного обеспечения колхозников. Колхозная деревня была лишена паспортов. Эти три элемента нерешенных властью политики сплелись в тугой узел «женского вопроса», т.к. в большей степени относились к женщинам и в наиболее негативном плане касались крестьянок-колхозниц. Перемены пришли только со второй половины 1960-х годов.

Гонения на Русскую Православную Церковь (РПЦ), борьба и противостояние с ней при политически «гуманном» лидере и «великом реформаторе» усилились, а значит, с верующим населением своей страны, большинство которого относилось к женщинам деревни. Церковная реформа и безудержная атеистическая пропаганда в масштабах страны выразались в закрытии приходов, запрете на посещение храмов детьми, усилении «работы» по выявлению и наказанию «церковных активисток». Победить «религиозный культ» не удалось, но сознание значительной части населения было деформировано. Утрата традиционной моральной составляющей деревенского бытия из повседневной жизни привела к падению нравственности, обычных норм поведения, свойственных крестьянской семье.

Переустройство сельской жизни в конце 1920-х годов принесло новые формы социального обеспечения теперь уже колхозного крестьянства. Примерный устав сельскохозяйственной

артели 1935 г. предусмотрел двухмесячный декретный отпуск. Ущемление деревни было даже в реализации программы охраны материнства: декретный отпуск был вдвое короче аналогичного отпуска для рабочих и служащих, оплачивался он лишь в половинном размере. Других социальных гарантий колхозная деревня не знала.

Сельские женщины – основная трудовая сила деревни, занятые в полеводстве, животноводстве и в механизированном производстве, одновременно несущие основную нагрузку по дому и приусадебному хозяйству, практически не имели свободного времени для воспитания и занятий с детьми. Как правило, в отсутствие матери на работе они в лучшем случае оставались на старших родственников, а часто на старшего из их среды. Фактически дети были предоставлены сами себе. Труженицы колхозов в отличие от всех остальных граждан страны не имели возможности ухаживать за своими детьми, когда те заболели: немногие колхозы могли обеспечить женщинам оплату за вынужденные нерабочие дни. За многие километры торопились сельские женщины домой проведать своих детей, в том числе и грудных. Вот одно из писем: «У меня четверо детей – старшей дочери 8 лет, младшей – 4 месяца. За детьми смотреть некому. Муж работает на строительстве, я – в полеводстве. Каждый день в обеденный перерыв приходится ходить пешком по 10 км кормить грудного ребенка»¹. Тысячи писем, написанных во власть с просьбами и требованиями разрешить ситуацию, предоставить равную с остальными гражданами своего государства возможность получить «больничный лист» и на законном основании оставаться дома, чтобы присматривать и ухаживать за больными детьми. Характерно, что сами колхозницы также не имели возможности оставаться дома по болезни на том же законном основании, что и все другие, но об этом они писали редко и лишь просили разрешить им воспользоваться заработанными отпусками, поскольку «машину и ту останавливают на ремонт. А мы работает 20 лет без отдыха». Привыкшие к труду крестьянки считали, что у них нет ни времени, ни возможности болеть, и свыкались с мыслью постоянной работы: дома и в колхозном производстве. Лишь в

немногих богатых колхозах забота о людях реально проявлялась в оплате нерабочих дней вследствие нетрудоспособности, и только в середине 1960-х годов это стало законной нормой для всех колхозов и колхозников.

Пенсионное обеспечение советских граждан начало осуществляться с 1930 г. К 1941 г. все граждане имели право на социальное обеспечение, кроме крестьян. В 1956 г. в СССР был принят Закон «О государственных пенсиях», из которого колхозное крестьянство было вновь вычеркнуто. Труд колхозников оказался неочененным страной, вот такие трудовые будни: «Мы работали всю жизнь в колхозе. Мы все пережили. Наши мужья защищали Родину, а мы работали в колхозе, не покладая рук – голодные, землю копали лопатой, навоз возили на поля зимой на санках, а летом носили на носилках. Мы в то время питались лузгой, т.е. овсяной кожурой, на трудодни ничего не получали, но колхоз не бросили», – писала колхозница А. Иванова из колхоза им. Калинина Тутаевского района Ярославской области в 1971 г. в «Сельскую жизнь»². И только по Закону от 15 июля 1964 г. «О пенсиях и пособиях членам колхозов» деревня была приравнена к гражданам своей страны³. Впервые была создана единая система пенсионного обеспечения колхозников, которая финансировалась за счет централизованного союзного фонда социального обеспечения колхозников. Из этого фонда колхозникам выплачивались пенсии по старости – мужчинам с 65, женщинам с 60 лет при стаже не менее 20 и 25 лет и инвалидности, а их семьям – пенсии по случаю потери кормильца. Минимальный размер пенсии был установлен в 12 руб.⁴ С 1968 г. пенсионный возраст колхозников был снижен на 5 лет и приравнен к пенсионному возрасту рабочих и служащих⁵.

Первые законодательные акты Советской власти, относящиеся к вопросам семьи и брака, продемонстрировали миру и стране демократический характер преобразований нового государства. Постепенно законотворчество было поставлено под партийный контроль и нацелено на выполнение государственных задач, которые часто не совпадали с мнением и жизненными приоритетами граждан. 8 июля 1944 г. был принят Указ

Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”»⁶, отбросивший советское законодательство назад. Страна встала на путь борьбы за укрепление советской семьи и воспитания большей за нее ответственности. Фактически это привело к нарушению прав человека и безответственности за судьбу детей, росту криминальных аборт и материнской смертности. Мужчинам ни при каких обстоятельствах не грозило установление отцовства. Очевидно, эта «про-мужская» политика была направлена на увеличение численности населения⁷. В 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. в отношении детей, родители которых не состоят между собой в зарегистрированном браке»⁸ было разрешено признание отцом внебрачного ребенка в случае вступления в брак с его матерью.

Женщины, не состоящие в зарегистрированном браке, были лишены права на помощь для ребенка от его отца и даже возможности для этого ребенка иметь запись об отце в свидетельстве о рождении, вместо унижающего прочерка. С иском об установлении отцовства и последующих алиментах в суд они обращаться не имели права. Государство предлагало им альтернативу в виде государственного пособия до достижения ребенком 12-летнего возраста. Сумма пособия была значительно меньше, чем средняя сумма алиментов, тем более, что мать ребенка, родившегося в зарегистрированном браке, могла получать алименты от отца до достижения ребенком 18-летнего возраста. Это касалось каждого четвертого ребенка, который попал в категорию «незаконнорожденных»⁹.

Указ запретил установление отцовства в отношении детей, рожденных вне брака. Ни добровольное признание отцовства, ни отыскание его в судебном порядке более не допускались. Не возникало и права на получение алиментов от фактического отца даже, если он сам хотел оказывать материальную помощь

своим детям. На неоднократные обращения в суды одиноких матерей, «незаконное» стремление органов местной юстиции содействовать таким устремлениям последовало «Заключение» Прокуратуры СССР, в котором на конкретных примерах разъяснялось, что признание фактическим отцом своего ребенка и желание помогать ему вовсе не является «основанием» для рассмотрения дела в суде. Лишь запись в книге актов гражданского состояния «в качестве отца ребенка» служит условием судебного рассмотрения. И «никаких исключений этот закон не устанавливает»¹⁰. Работникам местных судов и районных прокуратур было крайне трудно разобраться в перипетиях сложного и по-человечески не понятного им законодательства. Они писали письма в Прокуратуру СССР, приводя длинные списки не рассмотренных дел с «убедительной» просьбой о помощи законного обоснования решений «в связи с возникшими сомнениями» и ждали «членораздельного ответа на поставленные вопросы». Были вопросы и об ответственности отцов, оставивших семьи не будучи в зарегистрированном браке и «уклоняющихся» и от продолжения семейной жизни, и от уплаты алиментов¹¹. Часто женщины оказывались в тяжелом моральном и материальном положении, и судебные органы, полностью поддерживающие их интересы и разделявшие их требования, ничего не могли сделать в юридическом отношении.

Однако существовал способ обходить июньский Указ 1944 г. Согласно статье 42 части 3 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР и соответствующим статьям КЗоБСО других союзных республик, взявшие ребенка на постоянное воспитание с иждивением в случае отказа обязаны платить алименты на воспитание ребенка, если его родители умерли или не имеют достаточных средств на его содержание. Мужчина признавался не отцом, обязанным платить алименты своему ребенку, а участвовавшим ранее в его воспитании, и на этом основании суд принимал сторону матери. Кроме того, размер алиментов устанавливался меньше полагавшихся на детей, рожденных в зарегистрированном браке, хотя и был больше 5 рублей в месяц государственного пособия. Дела о взыскании алиментов на содержание детей по указанной статье

составляли в 1964 г. свыше 10% всех дел этой категории по СССР¹². Применение 42 статьи КЗоБСО РСФСР и других союзных республик помогало хотя бы небольшой части одиноких матерей и их детям. Одновременно оно оказывало позитивное влияние на процесс законотворчества в пользу изменения сталинского указа. Однако хрущевское правительство дальше этих изменений не пошло.

Формально права внебрачных детей и детей, рожденных в браке, признавались равными, в жизни все выглядело иначе. Это не оставалось незамеченным руководством страны, обсуждалось, осуждалось, вносились предложения об изменении законодательства, не говоря о простых советских гражданах, которые, безусловно, чувствовали себя ущемленными в праве указать в свидетельстве о рождении ребенка его отца. Обсуждение длилось не одно десятилетие. На заседании коллегии Министерства юстиции СССР в мае 1950 г. выступавшие отмечали: «В отношении записи ребенка следует сказать, что, когда ребенок маленький, это не имеет для него большого значения, но когда наступает школьный возраст и ребенок приходит в школу, он уже начинает понимать, что отца нет. И, чтобы не наносить такую травму ребенку, мы внесли предложение о том, чтобы мать могла сама записать ему какого-то отца, чтобы он знал, что у него есть отец и мать»¹³. В середине 1950-х годов это касалось 17% так называемых незаконнорожденных детей¹⁴. Всего за 1945–1958 гг. в СССР родилось 10,6 млн. детей, «в акте о рождении которых не было записи об отце» (16% общего числа рожденных в эти годы)¹⁵. Суды, чтобы хоть как-то обеспечить внебрачных детей, взыскивали алименты с их отцов как с фактических воспитателей.

В таком виде законодательство просуществовало вплоть до принятия в 1968 г. впервые общесоюзного семейно-правового акта – Основ законодательства о браке и семье Союза ССР. Это был период активного включения СССР в мировое сообщество и «развернутого строительства коммунизма», когда в жизнь вступали многочисленные поколения образованных молодых людей, когда всеобщее среднее образование становилось нормой жизни, а «демографическая задача» не стояла столь остро.

Гуманизация общества входила в сознание и руководства, и обычных граждан, которые не хотели мириться с отжившим сталинским законодательством, и простые человеческие ценности приобретали большой смысл. Среди них забота о детях, их моральном и материальном комфорте была главной.

Этому предшествовала огромная работа, которая велась почти 20 лет и не завершилась в период хрущевских реформ. Еще статья 14 Конституции СССР 1936 г. предусмотрела издать Основы законодательства о браке и семье Союза ССР и союзных республик. После Великой Отечественной войны в государственных органах началась подготовка законопроекта Основ законодательства о браке и семье. Образовывались и преобразовывались Правительственные Комиссии, создавались подкомиссии и рабочие группы, разрабатывались и обсуждались проекты законов, ставившие задачей изменить существовавшее варварское отношение к семье и «незаконнорожденным» детям, но прошли два десятилетия до кардинального решения вопроса. Работа над проектом то приостанавливалась, то возобновлялась, но главным препятствием для ее продолжения был вопрос о признании отцовства ребенка, родившегося в незарегистрированном браке. Наконец, в 1963 г. законопроект был представлен в ЦК КПСС, однако для всенародного обсуждения опубликован он был только 9 апреля 1968 г. Развернулось его обсуждение в средствах массовой информации. В постоянные комиссии поступило около 4 тыс. писем, кроме того, редакция газеты «Известия» получила еще свыше 5 тыс. корреспонденций. Учтя некоторые предложения, были внесены изменения и поправки. После этого законопроект был принят в Верховном Совете СССР.

Борьба вокруг принятия нового законодательства была длительной и острой. Вопрос об изменении правового положения внебрачных детей считался самым болезненным среди множества других семейного законодательства при подготовке проекта Основ законодательства о браке и семье. Можно сказать, что именно его решение задерживало их принятие. Сторонники нового Указа считали, что Указ от 8 июля 1944 г. устарел и уже не служит для укрепления советской семьи, некото-

рые даже считали его принятие ошибкой. Их оппоненты отстаивали зарегистрированный брак, как единственный порождающий права и обязанности между супругами, считая признание права матери на обращение в суд с иском о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося вне зарегистрированного брака, фактическим поощрением случайных связей. Но прогрессивная и гуманная юридическая мысль сводилась к тому, чтобы уравнивать в правах всех детей. В 1968 г., через четверть века после Указа 1944 г. удалось принять редакцию Основ законодательства о браке и семье Союза ССР, которую предлагало большинство юристов¹⁶. Их мнение разделяли все женщины. Эти меры касались тысяч семей, где воспитывались «незаконнорожденные» дети.

Одно из главных конституционных прав человека – это право на передвижение. В СССР ограничение на миграционные потоки было осуществлено за счет проведенной в 1932 г. паспортизации страны. Массовый и трудоспособный «класс крестьянства» паспортов на руках не имел. По действовавшему примерному Уставу сельхозартели от 1935 г. членство в колхозе должно было оформляться подачей заявления с последующим решением о приеме на общем собрании членов артели. На деле дети колхозников автоматически включались в списки колхозников и были лишены паспортов. Из колхоза им. Мичурина Переславского района Ярославской области жители писали в «Сельскую жизнь»: «Больше нет сил жить и работать. Хотя, конечно, никуда не денешься. Паспортов нет и человек к колхозу привязан хуже, наверное, чем при рабстве»¹⁷. Так было до середины 1970-х годов. Правительственное постановление 1974 г. ввело с 1976 г. паспорта гражданина СССР нового образца, которые должны были выдаваться (обмениваться) всем гражданам, достигшим 16-ти лет в течение 1976–1981 гг.¹⁸

Хрущевский период не стал «оттепелью» для возрожденной церковной жизни. «Примиренческий» сталинский курс в церковно-государственных отношениях был заменен на хрущевскую открытую «конфронтацию» этих структур¹⁹. Строительство коммунизма было несовместимо с отвлечением от заявленных во всех партийных документах идеалов атеизма.

Не было серьезных причин и для «заигрывания» с РПЦ ни в экономических, ни во внешнеполитических государственных целях. Развернувшаяся антирелигиозная и атеистическая кампания подкреплялась и направлялась партийными решениями, главным из которых стало Постановление ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения». Руководство страны пересмотрело и осудило «примиренческую» политику государства 1943–1953 гг. в отношении Церкви и начало «наступление на религиозные пережитки». Перед принятием постановления В.М. Молотов предупредил Н.С. Хрущева о том, что оно «поссорит нас с духовенством и верующими, принесет массу ошибок». Хрущев ответил: «Будут ошибки – исправим»²⁰. Работа над ошибками началась в 1990-е годы: почти полвека спустя, когда многие материальные памятники были уже безвозвратно утрачены, а нравственность значительной части советских граждан деформирована бездуховностью, не заменившим религию атеизмом.

Расширение церковного влияния противоречило становлению всесторонне, но атеистически развитой личности, и нажим на РПЦ усилился. Прежде всего, это выражалось в сокращении храмов и касалось в основном деревни. За 1950-е годы в СССР число церквей уменьшилось на 860, что означало закрытие, разрушение, передачу другим организациям десятой части церковных зданий. Пропорционально сокращению церквей уменьшалась и численность духовенства. Посетивший в 1958 г. СССР протопресвитер Мароитакис с горечью негодовал: «Я удивляюсь, до чего мог дойти русский народ, который в прошлом был таким богобоязненным. Здесь, в Кремле, произошло то же, что турки сделали в Константинополе – храмы превращены в музеи»²¹. На 1 января 1958 г. в СССР на регистрации состояло 13 413 церквей и молитвенных домов, в том числе 11 тыс. сельских храмов открыли двери для прихожан, однако ежедневно церковные службы совершались только в 949 церквях, в остальных – в воскресные и праздничные дни, а нередко и 1–3 раза в год. В 1957 г. было зарегистрировано 12 288 священнослужителей²².

Участились случаи незаконного отказа группам верующих в регистрации, факты поспешного и зачастую ничем не обоснованного закрытия церквей, оскорбление религиозных чувств верующих, увольнение с работы и исключение из учебных заведений за религиозные убеждения. Официальная регистрация двадцати прихожан, составляющих общину, для открытия в селе православного храма предусматривала запись фамилий, места жительства и работы активистов, после чего местные власти выявляли их родственников, через которых оказывалось давление на членов «двадцатки». В феврале 1955 г. в Гаврило-Посадский райисполком Ивановской области были вызваны десять работников местных советских учреждений, родственники которых работали в церкви, и перед ними поставили вопрос о «недопустимости положения, когда они – работники советских учреждений имеют родственников-церковников». В течение 2–3 дней им было предложено «заставить» родственников написать заявления о выходе из состава «двадцатки». Отметим, что указанные работники советских учреждений занимали отнюдь не руководящие районные посты. Это были: счетовод из райсобеса, техник райисполкома, финансовый агент, учительница и «техничка» местной школы. Опасаясь за судьбу своих родственников, заявления членами «двадцатки» были написаны²³. Такие факты фиксировались неоднократно.

Местными властями формировались списки, якобы «подписавшихся» под заявлением о закрытии церкви после «индивидуальных бесед», о котором «подписавшиеся» даже не знали²⁴. Открытое запугивание сельских жителей последующим увольнением родственников верующих с работы, штрафы, изъятие части земельных участков и т.п. не имело серьезных последствий для продвижения атеистической работы в деревне. Наиболее активные прихожанки сопротивлялись гласно и открыто, остальные молчаливо были на стороне Церкви, но все они не прекратили обращаться с жалобами в вышестоящие инстанции о несправедливом отношении к чувствам верующих, что было прямым нарушением их конституционных прав.

Антирелигиозная кампания не ограничивалась атеистическими лекциями, активизацией пионерского и комсомольского

движения, выявлением в коллективах и строгими беседами с верующими без перспектив должностного продвижения, – началось прямое вмешательство в жизнь Церкви. Оно было узаконено Постановлениями «О монастырях в СССР» и «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей» и секретным Постановлением Совета Министров СССР от 16 января 1961 г. «Об усилении контроля за деятельностью Церкви». Легитимно были отменены все законодательные акты, принятые в 1940-е годы. Направление государственной политики в отношении Церкви или так называемая «церковная реформа» преследовала цель при сокращении количества храмов поставить ее в полное подконтрольное положение, ужесточив требования к священнослужителям и всеми средствами сужать число прихожан. Духовенство было отстранено от административной, финансовой и хозяйственной деятельности в религиозных объединениях и переведено на фиксированные оклады, были ликвидированы льготы в отношении подоходного налога для церковнослужителей. Церкви было запрещено заниматься благотворительной деятельностью, от религии должны были быть «ограждены» дети до 18 лет включительно: родителям «не следовало» приводить с собой детей в РПЦ.

Государственная реформа Церкви Советом по делам Русской Православной Церкви была оценена как «крупное, наиболее эффективное, полезное для государства мероприятие», которое поставит РПЦ в рамки закона, возьмет под контроль всю ее деятельность²⁵. Начали без какой-либо мотивации закрывать церкви, и к концу 1961 г. их осталось 7 523 при служивших в них 7 400 священников. В СССР действовало 16 монастырей (1950-е годы – 63).

Построение новой общественной модели – социализма, а затем в кратчайшие сроки – к началу 1980-х годов коммунистического общества требовало и воспитания нового человека, который будет жить и творить в этом обществе. Атеистическое сознание его ориентировано на решение глобальных задач, где нет места и времени сомнению, притом что партийные догмы давали ответы на все вопросы, тем более что, по словам

Н.С. Хрущева, «распространение научных знаний, изучение законов природы не оставляет места для веры в бога»²⁶.

Большинство сел воспринимало Церковь как высший авторитет. За многие километры шли крестьяне в религиозные праздники в храм, поэтому наличие его в своей деревне было не только данью традиции православию, но и огромной психологической притягательной силой. Для отставания церкви в своей деревне или открытия новой они не жалели сил, терпения, энергии. На имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова поступало до 50 писем в месяц с просьбой об открытии церкви или молитвенного дома с приложением списка верующих за 500 – 2 000 подписями. Получив разрешение на открытие Федоровской церкви в Кировской области, крестьяне «дни и ночи работали по очистке здания от мусора и грязи, из своих квартир приносили стекло для остекления окон, а также краску, железо и проч.», – сообщал уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви по Кировской области. Освобождая здание церкви в селе Никулята Салобелякского района, его жители «в два дня вынесли на себе на солидное расстояние около 200 тонн зерна, добровольно собравшись для этого из разных деревень» и готовы были продать коров и помочь деньгами возрождающемуся сельскому храму»²⁷.

Выступали верующие и против разрушения православного храма с просьбой вернуть его прихожанам. Из Рязанской области в Верховный Совет СССР пришло письмо за 209 подписями. «Николо-Бавыкинский собор и колокольня бывшего монастыря являются историческим и архитектурным сооружением. Собор передан в распоряжение колхоза. Колхоз собор, колокольню и другие постройки намерен ликвидировать, т.е. разломать все это. Мы, верующие, даем протест против такого варварского решения, направленного на разрушение русского древнего искусства. Просим вмешаться в это дело и не допустить бессмысленного разрушения памятников русского зодчества, а, наоборот, просим отдать собор в ведение верующих»²⁸. На 1 января 1957 г. в России было возбуждено 1 673 ходатайства об открытии 669 церквей»²⁹.

Несмотря на все запреты и гонения РПЦ и деревня жили единой жизнью. Для большинства сельских жителей по-прежнему, как и для их родителей, обязательными оставались главные церковные обряды. Многочисленные проверки фиксировали: во многих областях массовый характер приобрело крещение детей. Факты крещения детей фиксировались и в семьях, где родители являлись членами КПСС³⁰. Стало распространяться венчание в церкви, в том числе членов ВЛКСМ³¹. Отмечался наплыв школьников в церковь, особенно во время школьных каникул. Власти объясняли это «приспособленчеством Церкви к запросам верующих, услужливостью перед ними, вежливостью в обращении, терпеливостью» старого духовенства, но не могли не отметить, что во многих храмах служили «молодые священники», и были «морально устойчивы», «хорошо образованы», «хорошо воспитаны» и «работали с любовью к делу»³². Для сельских жителей это была одна из немногих возможностей откровенного общения, внимания совету и высокому слову. Местные власти усматривали в этом лишь слабое ведение атеистической и культурно-массовой работы, а Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний ставило задачу «разоблачения классово-религиозности и вреда религии»³³.

По-прежнему активно работали уполномоченные Совета по делам Русской Православной Церкви, часто нарушая свои непосредственные обязанности, занимались атеистическо-разоблачительной деятельностью. Они следили за работой Церкви и священнослужителей, информировали вышестоящие органы о положении дел на местах и грубо вмешивались во внутренние церковные дела: к церквям перекрывали подачу воды, отключали электричество, запрещали делать текущий ремонт, составляли списки членов «двадцаток» и передавали их в администрации предприятий и учреждений, где верующие работали³⁴. Совет указывал: «Мы обязаны принимать все зависящие от нас меры к ослаблению позиции церкви. Делать это нужно продуманно, умело. Прежде всего, следует требовать от духовенства и церковников строгого соблюдения советских законов, относящихся к церкви, и оказывать на них нужно влияние

в смысле сдерживания активности церкви по укреплению ее положения»³⁵, но при этом «духовенство не только не должно знать о наших намерениях и целях, а даже и догадываться об этом»³⁶.

Будучи государственным учреждением, Совет по делам Русской Православной Церкви стоял на страже государственных интересов, а не церковных. Как контролирующий орган он был в центре согласования всех церковных вопросов с советскими и партийными организациями на местах, следил за соблюдением законодательства и одновременно вел работу по нераспространению религиозных настроений и всячески препятствовал усилению работы Церкви. На протяжении 1960–1980-х годов так называемая «церковная реформа», начатая Н.С. Хрущевым, воплотилась в жизнь.

В последующие десятилетия, вплоть до горбачевской «перестройки» в экономике и «гласности» в общественной жизни, отношения государства и Церкви оставались взаимозависимыми с главенством государства и подконтрольностью Русской Православной Церкви. Политика наступления на РПЦ продолжалась, атеизм по-прежнему являлся главной идеологической доктриной в СССР. По-прежнему активно руководил деятельностью Церкви Совет по делам Русской Православной Церкви, переименованный в Совет по делам Религии, который и высшие иерархи, и прихожане считали «язвой на теле церкви и государства»³⁷.

«Перестройка» не могла быть радикальной, не затронув положение Церкви. С 1988 г. – Празднования юбилея 1000-летия Крещения Руси – начали строиться новые отношения государства и Церкви. РПЦ получила возможность издательской, благотворительной и миссионерской деятельности.

Хрущевская «оттепель», решая глобальные задачи общественно-политической и экономической жизни страны стратегического характера, не придавала должного значения главной «движущей силе» в заявленных свершениях – человеку с его простыми повседневными заботами и желанием жить в настоящем времени. Затянувшееся ожидание перемен не оставило надежд на радикальные перемены в семейной и социальной

политике, и отставка Н.С. Хрущева была воспринята без большого сожаления.

-
- ¹ Рос. гос. арх. соц.-полит. истории (РГАСПИ). Ф. 591. Оп. 1. Д. 51. Л. 33–34.
 - ² Там же. Д. 96. Л. 38.
 - ³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: (сб. документов за 50 лет). М., 1968. Т. 5. С. 472–478.
 - ⁴ *Денисова Л.Н.* Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М., 1996. С. 184–186.
 - ⁵ Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1960–1974 гг.). М., 1975. С. 662; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов. М., 1979. Т. 12. С. 381, 382.
 - ⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37.
 - ⁷ *Полянский П.Л.* Отечественное брачно-семейное законодательство: от КЗАГСа 1918 года до наших дней // Журнал российского права. 1997. № 10. С. 132.
 - ⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. № 15.
 - ⁹ *Антипова М.Л.* Внебрачные дети в России // Статистическое исследование социально-демографической ситуации: сб. науч. тр. М., 2002. С. 5.
 - ¹⁰ Гос. арх. Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-8131. Оп. 23. Д. 239. Л. 4.
 - ¹¹ Там же. Оп. 22. Д. 34. Л. 41–41 об.
 - ¹² *Кавамото К.* Двадцатилетняя попытка изменить правовое положение детей, родившихся не в зарегистрированном браке после Великой Отечественной войны. М., 2002. С. 14–15. Депонировано в ИНИОН РАН.
 - ¹³ Советская жизнь, 1945–1953. М., 2003. С. 680.
 - ¹⁴ *Антипова М.Л.* Внебрачные дети в России. С. 5.
 - ¹⁵ *Вербицкая О.М.* Население российской деревни в 1939–1959 гг.: проблемы демографического развития. М., 2002. С. 147, 148.
 - ¹⁶ *Кавамото К.* Указ. соч. С. 15–17.
 - ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 38. Л. 67.
 - ¹⁸ Собрание постановлений Правительства СССР. 1974. № 19. Ст. 109.
 - ¹⁹ *Васильева О.Ю.* Русская Православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001. С. 207.

- 20 Каким быть современному школьному учебнику по отечественной истории XX века: «круглый стол» // Отечественная история. 2002. № 3. С. 46
- 21 Рос. гос. арх. новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 33. Д. 91. Л. 53.
- 22 Там же. Л. 13–15, 17.
- 23 Там же. Оп. 15. Д. 429. Л. 66.
- 24 Там же. Л. 197–198.
- 25 Отечественная история. 2002. № 3. С. 46, 47.
- 26 Там же. С. 47.
- 27 Советская жизнь, 1945–1953. С. 646.
- 28 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 90. Л. 139.
- 29 Там же. Оп. 34. Д. 25. Л. 59.
- 30 ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 954. Л. 90.
- 31 Там же.
- 32 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 90. Л. 53.
- 33 Там же. Д. 91. Л. 66.
- 34 Там же. Д. 57. Л. 34.
- 35 Там же. Л. 36–37.
- 36 Там же. Л. 37.
- 37 Там же. Оп. 3. Д. 233. Л. 8–9.

XX СЪЕЗД КПСС И ЕВРЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА В СССР В ПОСТСТАЛИНСКИЙ ПЕРИОД (1956–1991)

В десятилетие хрущевских шахаханий

Прошедший в начале 1956 г. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза стал важной вехой в развитии страны, которую в условно историческом плане можно обозначить как Россию-СССР. Он как бы подвел идеологическую черту (фактическая была подведена смертью Сталина тремя годами ранее) под силовым (репрессивным) этапом модернизации страны и положил начало этапу либерализации тоталитарного государства и его движению в направлении правового гражданского общества. Вместе с тем, этот партийный форум не стал поворотным пунктом к проведению давно назревших коренных системных реформ. Да, система в целом гуманизировалась, ушли в прошлое ГУЛАГ, кадровые чистки и кровавые репрессии. Однако по сути принципиально изменилось только то, что на смену диктатуре Сталина пришел олигархический режим власти высшей партийно-государственной бюрократии, что, собственно, ее лидеры (прежде всего Н.С. Хрущев) и идейно обосновали на XX съезде посредством развенчания «культы личности» Сталина и формулирования доктрины «неоленинизма». Как и прежде, власть покоилась на «трех китах»: государствообразующей партии, идеологии марксизма-ленинизма, и практически полной монополии государственной собственности. В отличие от Китая, где впоследствии политические наследники Мао Дзэдуна, поступившись государственной монополией в экономической сфере, осуществили наподобие советского НЭПа либерально-рыночное реформирование и тем самым укрепили режим в целом, постсталинское руководство в СССР так и не решилось на серьезное преобразование ни в политической, ни в экономической, ни в идеологической сферах

государственной системы. Все ограничилось имитацией реформ в области государственного управления (совнархозы и пр.), вульгарным прожектерством (программа построения коммунизма, целинно-кукурузная эпопея в сельском хозяйстве и т.д.), незначительным допущением гласности. Тем самым, в который уже раз страна упустила исторический шанс эволюционного изменения системы, что, впрочем, повторится и в пору правления М.С. Горбачева. Отказавшись от реформ, так и не приоткрыв ни одного клапана для «продувки» «застойных зон системы», советская бюрократия обрекла общество на апатию, цинизм и деградацию, а государство – на медленное, но верное самоубийство.

Еврейский вопрос стал той каплей воды, в которой отразились, более того, сфокусировались все изменения, которые переживало советское общество от смерти Сталина вплоть до крушения СССР в 1991 г.

Середина 1950-х годов стала переломной в отношении советского государства и еврейства. Имевшие место в предшествующий период значительное усиление официального антисемитизма и образование государства Израиль стали точками отсчета коренной метаморфозы советского еврейства из силы, всецело поддерживавшей советский режим с момента его образования в 1917 г., в силу нарастающей оппозиционности и нелояльности. XX съезд КПСС лишь замедлил, да и то временно, развитие этой тенденции. Избранный на съезде политический курс, предусматривавший частичную либерализацию режима посредством разоблачения культа Сталина, незначительного урезания всевластия бюрократии и ограниченной демократизации общественной жизни, как всякий паллиатив не мог быть эффективным в более или менее продолжительной перспективе. Такое «лечение» социальных болезней, поразивших общество, в лучшем случае способствовало преодолению стадии обострения, загоняя проблемы внутрь и придавая им хронический характер.

Так, проводившаяся при Сталине политика в отношении евреев, хотя и была существенно смягчена, тем не менее, по сути, оставалась прежней, ограничительной. Из составлявших

ее компонентов была изъята немотивированная жесткая репрессивность и пропагандистская агрессивность, а в действиях проводивших ее чиновников была привнесена изощренная маскировка. Антиеврейские чистки государственного аппарата и учреждений прекратились. Однако, так сказать, тихое «выдавливание» евреев продолжилось, и прежде всего из сферы, связанной с обеспечением национальной безопасности страны (армии, тайной политической полиции, ВПК, внешнеполитического и внешнеэкономического ведомств). Причем наиболее видных специалистов еврейского происхождения, задействованных в ВПК, как и прежде, не трогали, дожидаясь их естественного (в силу возраста) ухода со своего поприща.

Поскольку была свернута пропаганда русского патриотизма, угрожавшая ключевому в системе власти в СССР лозунгу о дружбе советских народов, а значит, и монолитности страны, кадровые кампании «за чистоту русского искусства» больше не проводились. Творческие работники еврейского происхождения могли теперь более или менее спокойно смотреть в будущее, ощущая на себе плоды некоторой социально-политической либерализации, начавшейся после разоблачения культа личности Сталина в 1956 г. Наметился определенный сдвиг и в подходе властей к эмиграции евреев из страны, полностью прекращенной Сталиным в конце 1946 г. В 1956 г. 753 гражданам было предоставлено право выехать в Израиль. А начиная со следующего года – то же самое, но в Польшу, Румынию, Венгрию и Чехословакию, получили право сделать более 200 тыс. евреев, имевших до войны подданства этих государств¹.

Под влиянием политической либерализации в Советском Союзе с конца 50-х годов стало вызревать так называемое диссидентское движение, костяк которого составила интеллигенция еврейского происхождения. Типичным для той поры был идейный дрейф от неоленинизма к диссидентству. Через это прошли многие – М.С. Агурский и др. евреи, которые тогда в большинстве своем интересовались, главным образом, социально-политическими, а не национальными вопросами. Отсюда на том этапе сугубо национальные вопросы еще мало волновали еврейство.

С 1958 г. в СССР после десятилетнего перерыва начала выходить литература на идише, еще раньше возобновилось издание

художественных произведений еврейских авторов на русском языке (с 1954-го – 6-томного собрания Шолом-Алейхема). В августе 1961 г. вышел первый номер нового литературного журнала на идише «Советиш Геймланд» («Советская Родина»). А в сентябре поэт Е.А. Евтушенко прочел в Политехническом музее в Москве вызвавшее большой общественный резонанс стихотворение «Бабий Яр», в котором призвал покончить с антисемитизмом в стране. В 1963 г. вышел в свет первый в СССР иврит-русский словарь, составленный Ф.Л. Шапиро.

Все эти послабления стали следствием не только и не столько пришедшей на смену сталинизму «оттепели», сколько внешней реакции на проявления антисемитизма в СССР, в том числе и усилившейся с середины 1950-х годов критики со стороны руководства западных компартий. Но наибольшую активность в этом наступлении на Кремль проявил Израиль, изначально, с момента образования в 1948 г., заинтересованный в массовой иммиграции евреев из СССР. В 1955 г. он сменил стратегию достижения этой цели, предпочтя практикуемым ранее методам тихой дипломатии организацию глобального давления на Москву. Однако не желая афишировать свою инициативную роль в развертывании международной кампании в целях эмиграции советских евреев, Израиль главный упор сделал на использование неофициальных каналов и инструментов и, прежде всего, специально созданной в 1953 г. секретной службы «Натив» («Правительственное бюро по связям»). Подчиненная непосредственно премьер-министру Израиля эта структура стала основным теневым разработчиком важнейших международных и национальных правовых и законодательных документов, организатором важнейших пропагандистских мероприятий, акций протеста, общественно-политических и научных форумов, принимавшихся и проводившихся на Западе вплоть до 1990-х годов в ходе отстаивания права советских евреев на свободное перемещение. По признанию одного из бывших руководителей «Натива» Я. Кедми, «вершиной» деятельности этой спецслужбы стало успешное лоббирование знаменитой поправки сенатора Г. Джексона и конгрессмена Ч. Вэника к американскому закону 1974 г. о реформе торговли, запре-

щавшей президенту США предоставлять статус «наибольшего благоприятствования» странам, отказывавшим своим гражданам в праве на свободную эмиграцию². Острие этой поправки было нацелено главным образом против СССР, понуждая его не препятствовать массовому выезду евреев.

От брежневского застоя к горбачевской перестройке

К тому времени Запад перестал довольствоваться некоторым улучшением «еврейской ситуации» в Советском Союзе, произошедшей после смещения в 1964 г. Н.С. Хрущева и прихода ему на смену Л.И. Брежнева. Хотя позитивные изменения были налицо. Если последние годы правления Хрущева были отмечены акциями и событиями, свидетельствующими о нарастании «тайной политики» антисемитизма – вынесение выходящего за пределы правовых норм смертного приговора «валютчикам» Я.Т. Рокотову и В.П. Файбишенко (июль 1961 г.), аресты обвиненных в шпионаже в пользу США раввинов в Москве и Ленинграде (июнь – июль 1961 г.), закрытие синагог в Киеве и Одессе, наложение запрета на выпечку и продажу мацы, выход в свет исполненных юдофобией книги Т.К. Кичко «Иудаизм без прикрас» и романа И.М. Шевцова «Тля» (1963 г.) – то с «воцарением» Брежнева наметилась положительная тенденция – снятие наложенного в 1957 г. запрета на выпечку мацы, возобновление занятий в закрытой ранее иешиве в Москве, прекращение шумной кампании разоблачения «воротил» теневого бизнеса с еврейскими фамилиями, отказ от грубых (с явным антисемитским подтекстом) методов проведения антисоциалистической пропаганды. Более того, 5 сентября 1965 г. «Правда» заклеила антисемитизм как «гноусное раздувание расовой особенности и национальной вражды». В марте 1966 г. СССР подписал, а в январе 1969 г. ратифицировал международную конвенцию по ликвидации всех форм расовой дискриминации, сохранившую статью о свободе эмиграции и возвращения в

страну. Правда, вплоть до начала 1970-х годов советское руководство рассматривало эмиграцию евреев только как средство, необходимое для воссоединения семей, предоставляя право на выезд в основном лицам преклонного возраста, отягощенным болезнями, а также малообразованным. Однако будучи заинтересованным в расширении контактов с Западом (политических, экономических, технологических), СССР со временем вынужден был признать право на эмиграцию и за инженерами, врачами, творческими работниками, другими специалистами с высшим образованием, имевшими тех или иных родственников (не обязательно близких!) в Израиле. В итоге в политике брежневского руководства возобладал умеренный и циничный подход, заключавшийся, во-первых, в отказе от шовинистического радикализма в решении еврейского вопроса (по примеру, скажем, одномоментного и почти полного исхода евреев из Польши в 1968 г., на чем настаивали не долго продержавшиеся у кормила верховной власти А.Н. Шелепин и другие сторонники жестких решений); во-вторых, во включении в канву отношений с Западом прагматической формулы: мы (СССР) вам (Западу) – евреев, вы нам – уступки в вопросах ограничения вооружений, доступ к новым технологиям, преференции в торговле.

И сразу кривая роста количества выехавших из страны по израильским визам резко поползла вверх. Если в 1970 г. таких было всего 992 человека, то в 1971 г. – 13 700, в 1972 г. – 29 800, а в 1973 г. – уже 33 500.

Поскольку эмиграция советских евреев обуславливалась не только стремлением к национальной самоидентификации, но и к свободе творчества и передвижения, к западным стандартам безопасности и жизненного комфорта и благополучия, многие советские евреи после пересечения границы СССР направлялись не в Израиль, а в США, где уровень жизни был гораздо выше, чем в еврейском государстве. Это стало возможным после того как следом за нападением в октябре 1973 г. арабских террористов на поезд с советскими евреями, следовавшими в Вену, служившую перевалочным пунктом для переправки эмигрантов из СССР в Израиль, канцлер Австрии Бруно Крайский распорядился закрыть транзитный лагерь в замке Шенау,

где советские евреи содержались в строгой изоляции до посадки на самолет, следовавший в Тель-Авив. В результате, несмотря на возражения израильских властей, прибывавшие в Вену евреи получили право самостоятельно выбирать дальнейший маршрут следования. Так общий поток эмигрантов разделился на тех, кто под опекой чиновников Сохнута (иммиграционное Еврейское агентство Израйля и Всемирной сионистской организации), как и раньше, продолжал следовать в Израиль, и тех, кто, изъявляя желание поселиться в США, Канаде, Австралии, ряде других стран, через Рим отправлялся сотрудниками ХИАСа (HIAS, Американское общество помощи еврейским иммигрантам) в эти страны. Пока национальный момент превалировал в мотивации эмигрантов, выбор в пользу США или Канады делали немногие, но уже к 1978 г. за океан отправлялось столько бывших граждан СССР еврейского происхождения, сколько и на Ближний Восток (примерно по 12,2 тыс. человек). Спустя еще десять лет на одного советского еврея, следовавшего в Израиль, приходилось уже почти пять его бывших соотечественников, направлявшихся в США. К тому времени открылся и третий канал эмиграции советского еврейства – Германия, которую в 1988 г. предпочли 4% от всех выехавших из СССР евреев³.

Однако приподняв в начале 1970-х пограничные шлагбаумы для еврейской эмиграции, Кремль, опасаясь массовой «утечки мозгов»*, чреватой снижением научно-технического потенциала собственного и повышением израильского, а также вполне предсказуемым при таком раскладе усилением критики со стороны арабских союзников, категорически отвергал мас-

* По данным переписи 1970 г., 24% от проживавших на территории СССР 2 151 000 евреев имели высшее и среднее специальное образование. По количеству лиц с высшим образованием на одну тысячу человек евреи опережали русских в 9 раз, украинцев – в 12, белорусов – в 17. Составляя от общей численности населения СССР всего 0,9%, евреи были представлены в вузах страны 5,12%. 63,7 тыс. евреев были учеными, что составляло 7,2% от общей численности научных работников в СССР. По численности докторов наук евреи уступали только русским (Еврейская эмиграция в свете новых документов. С. 139, 140).

совый исход в «страну обетованную», надеясь отдельными послаблениями умиротворить мировое общественное мнение. Но такая линия поведения обуславливалась не злой волей, а диктовалась не совместимой с реальной свободой характером и структурой власти советских правителей. Пойти на то, чтобы из «социалистического рая» в «капиталистический ад» ринулись даже не тысячи и не десятки тысяч, а сотни тысяч советских людей, пусть и еврейского происхождения, значило для них собственными руками подписать смертный приговор советской власти. Совсем не случайно, что сняв, наконец, полностью со второй половины 1989 г. (тогда либеральная эйфория перестройки достигла апогея) ограничения на еврейскую эмиграцию и выпустив только в 1990 г. из страны почти 218 тысяч⁴, советская империя распалась уже в следующем году. Кстати, в 1990 г. резко изменился баланс численности эмиграционных потоков. Теперь в сопоставлении с США в Израиль направлялось не в три раза меньше советских евреев, как это было в 1989 г., а почти в шесть раз больше. Произошло это потому, что США просто оказались не в состоянии принять всех советских евреев, спешивших воспользоваться неожиданно обретенной свободой на эмиграцию. Как следствие, был введен такой порядок, по которому в Вену могло попасть лишь незначительное количество советских эмигрантов, а основная их часть с технической пересадкой в Будапеште и Бухаресте теперь направлялась в Тель-Авив.

Но возвратимся во вторую половину 1960-х, когда Кремль всеми способами стремился ограничить еврейскую эмиграцию. Для этого первым делом были задействованы законодательные средства. Еще 17 декабря 1967 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят указ, автоматически лишавший советского гражданства всех выехавших на постоянное жительство в Израиль. В конце 1971 г. специальной инструкцией, утвержденной Советом Министров СССР, вводилось положение, по которому выехать в Израиль могла семья только в полном составе. Правда, потом власти смягчились, разрешив каждому совершеннолетнему гражданину определять свою судьбу самостоятельно, но стали требовать от него представления пись-

менного согласия на выезд от остающихся в стране ближайших родственников.

Одновременно необходимо было иметь нотариально заверенный вызов от родственников за границей, причем круг этих родственников советской стороной постоянно сужался. Впрочем, израильскими спецслужбами было налажено масштабное изготовление фиктивных вызовов.

Помимо административных рогадок существовал и своего рода материальный ценз на право выезда. С каждого покидающего страну, включая грудных детей, взималась пошлина в размере 500 рублей, что составляло примерно трехмесячный заработок среднего советского инженера. Кроме того, на оформление заграничного паспорта требовалось еще 200 рублей. Необходимо было также оплатить стоимость билета до Будапешта, откуда людей переправляли в Вену.

Денежные поборы с евреев, желавших покинуть Советский Союз, достигли апогея после принятия Президиумом Верховного Совета СССР 3 августа 1972 г. указа «О возмещении гражданами СССР, выезжающими на постоянное жительство за границу, государственных затрат на обучение». Чтобы оправдать довольно высокую ставку этой компенсации, официально объяснялось, что, превращаясь в эмигранта, гражданин автоматически теряет право на бесплатное высшее образование, гарантированное в СССР, и потому должен возместить затраты на его обучение в вузе, причем по ценам, существующим в капиталистических странах. Только до конца 1972 г. с подпадавших под этот указ отъезжавших (примерно с каждого четвертого) было собрано более 4,5 млн. рублей, в среднем по 4,5–5 тыс. рублей с человека. Для подавляющего большинства врачей, учителей, инженеров и других обладателей советских вузовских дипломов, направлявшихся на постоянное жительство за границу по израильской визе, собрать такую крупную сумму, имея весьма скромные заработки и проживая в основном в муниципальных квартирах (кооперативное жилье, которое можно было продать, имели немногие), было просто невыносимо. Поэтому они могли надеяться только на помощь Запада, которому в лице Сохнута, других подобных организаций при-

шлось находить всевозможные каналы переправки соответствующей денежной помощи в СССР.

Ответом Кремлю, фактически объявившему торги на поставку «умных советских голов» за границу, и стала выдвинутая как раз в 1972 г. упомянутая американская законодательная инициатива конгрессменов Джексона и Вэника. Когда же, осознав, какими нежелательными последствиями чревата столь циничная политика, Брежнев распорядился, чтобы МВД прекратило взимание одиозной компенсации, его указание, лишавшее это коррумпированное ведомство немалых «еврейских» денег, игнорировалось в течение нескольких месяцев. И только, собрав в марте 1973 г. Политбюро ЦК КПСС, Брежневу удалось добиться⁵.

Однако влияние Запада на «еврейскую политику» Кремля носило ограниченный характер. В лучшем случае поддержка из-за границы могла лишь смягчить кары, обрушиваемые репрессивной машиной советского государства моментально на каждого, кто изъявлял желание переселиться в Израиль. Как только это происходило, вот этот некто, и без того уже будучи «человеком второго сорта» (в силу тяготевшего над ним «пятого пункта», наряду с прочим толкавшего к эмиграции), вообще превращался в глазах власти в «предателя советской Родины». В дальнейшем он влачил жалкое существование социального изгоя, лишившегося работы по специальности и соответствующего «пакета» льгот (по здравоохранению, транспорту, обеспечению ширпотребом), которые в СССР ценились больше, чем деньги; резко сокращался круг общения за счет друзей и знакомых, не желавших рисковать карьерой. В итоге у таких людей возникало чувство отчужденности, изолированности от общества, зачастую перераставшее в страх и отчаяние; как снежный ком, росли и материальные трудности.

Вот только одна типичная судьба писателя-фронтовика Григория Свирского. После выступления в 1965 г. на открытом партийном собрании писателей Москвы против антисемитизма литературного начальства его перестали публиковать, на «Мосфильме» забраковали подготовленные им сценарии. Оказавшись не у дел и фактически без средств к существованию,

Свирский в 1971 г. подает прошение на выезд в Израиль. Сразу же после этого его изгнали из Союза советских писателей, лишив помощи и от Литфонда – того единственного, на что он до этого как-то мог существовать. О тех временах Свирский потом уже в Израиле с горечью напишет:

*«В русском языке широко распространилось непонятное на первый взгляд словосочетание: **пятый пункт**. Казалось, ничего особенного сей канцеляризм не означает: **пятый пункт** издавна существующей анкеты – это национальность. Но кому не известно: когда о ком-либо говорят: “Он с пятым пунктом” или “У него пятый пункт”, никто не переспрашивает, о чем речь. Ни русские, ни украинцы, ни армяне. Все в курсе дела. Великий родной язык! Ни страх ему не ведом, ни ханжество, ни корысть. Вечное шило в мешке... Я приложил много душевных и физических сил, чтобы изменить обстоятельства... Я пытался воздействовать словом. Мне ответили делом»⁶.*

Выпустить человека из страны или нет, – эта дилемма зачастую разрешалась не по закону, а произволу начальства. Когда в начале 1971 г. исключенный за «националистические взгляды» из Союза кинематографистов киносценарист Э. Севела (Е.Е. Драбкин) подал прошение на выезд в Израиль, шеф КГБ Ю.В. Андропов не препятствовал, так формулируя свое мнение: «Учитывая националистические убеждения Севелы, его низкие моральные и профессиональные качества, считали бы целесообразным не препятствовать его выезду на постоянное жительство в Израиль»⁷. Но вот по перехваченному примерно в то же время «органами» письму в Израиль с сионистским по духу текстом песни «Эрец-Израэль» Андропов, желая, видимо, примерно наказать его авторов, супругов Смелянских, принимает прямо противоположное решение: «Учитывая враждебные националистические настроения Смелянских ... провести в отношении их профилактические мероприятия с привлечением общественности (т.е. в назидание другим устроить показательную словесную порку. – Г.К.), после чего отказать в выезде из Советского Союза»⁸.

Однако помимо воли или, точнее, своеволия бюрократической верхушки существовала еще и вступившая в силу 1 января 1972 г. инструкция Совета Министров СССР «О порядке выдачи документов советским гражданам, иностранцам и ли-

цам без гражданства на выезд из СССР за границу». В ней было зафиксировано положение, ставшее наиболее частой формальной причиной отказа в праве на эмиграцию. Речь идет об ограничении, под которое попадали лица, владевшие сведениями, составляющими государственную тайну, ставшие в ходе службы в вооруженных силах носителями военных секретов, а также лица, отбывавшие наказания за совершенные преступления. Но и тут многое зависело от «благоусмотрения» чиновников министерств и ведомств, составлявших так называемые экспертные заключения об осведомленности в госсекретах того или иного «лица», ранее работавшего в соответствующем «закрытом» ведомстве, а теперь ходатайствовавшего о выезде по израильской визе. Случалось и так: если это «лицо» сумеет «задобрить» чиновника (чаще всего посредством взятки), – в КГБ направлялось заключение с рекомендацией выпустить заявителя из страны; а если нет – следовал противоположный по смыслу вердикт: заявителю отказать, поскольку тот продолжает оставаться «секретоносителем».

Пребывать в таком «отказе» человек мог сколь угодно долго. Во всяком случае, человек считался «невъездным» в течение 10–15 лет после того, как он лишился допуска к секретным документам и работам. Большинство «отказников», как это обычно бывает, мирилось со своим положением, предпочитая не конфликтовать с властью, отваживаясь разве что на подкуп отдельных ее представителей. Однако были и такие, кто, бросая вызов Кремлю, рискнул открыто отстаивать свое право на эмиграцию, что происходило на фоне бурного формирования при всемерной поддержке Запада еврейского национального движения за выезд в Израиль, активно заявившего о себе с конца 1960-х годов. Собственно, «отказники» и составили организационное и руководящее ядро этого движения (А.Я. Лернер, В.С. Слепак, И.З. Бегун, А.Б. Щаранский, В.Г. Польский и др.). В августе 1969 г. в Москве нелегально собрался первый съезд активистов движения, на котором был учрежден Всесоюзный координационный комитет (ВКК), призванный объединить усилия участников сионистских групп Москвы, Ленинграда, Киева, Риги, других городов СССР. Одновременно создается сеть

местных организаций – «ульпанов», на базе которых налаживается изучение еврейской культуры, истории традиций, иврита. В летние месяцы на побережье Черного моря начинают действовать импровизированные лагеря, куда съезжались «для обмена опытом» активисты еврейского движения со всей страны. Возникает «самиздат», в рамках которого стали нелегально выходить учебники и словари иврита, книги по еврейской истории и культуре, пропагандистская сионистская литература. В 1970-е выходили неподцензурные издания «Исход» (В. Федосеев), «Евреи в СССР» (А. Воронель, В. Яхот и др.), «Тарбут» («Культура»; В. Престин, Ф. Кандель, Ф. Дектор и др.). На квартирах «отказников» проходили семинары, симпозиумы, заседания кружков как по точным, так и гуманитарным наукам (по физике, юриспруденции, еврейской культуре, религии, истории и т.п.).

Начавшиеся еще в 1960-е годы массовые сходки евреев, в том числе «отказников», около синагог по субботам и в дни основных религиозных праздников с 1970 г. стали принимать массовый характер, в первую очередь за счет участия в них все большего количества молодежи. Московская хоральная синагога превратилась в своеобразный символ национальной солидарности и консолидации. Случалось, что помимо одной тысячи человек, что могли разместиться внутри синагоги, снаружи, на улице, образовывалась толпа из 10 тысяч человек и более. Власти, как могли, боролись с этими стихийными демонстрациями национального единения. В сентябре 1975 г. в один из дней очередного людского скопления у синагоги милиция, перекрыв близлежащие улицы, направила поток машин по узкому переулку, ведущему к синагоге. Однако из этой опасной затеи ничего не вышло: занимавшая всю проезжую часть толпа у синагоги не дрогнула, люди не разбежались прочь, хотя вполне могли оказаться под колесами, напротив, многие из них легли на мостовую, заблокировав проезд и вынудив автомобилистов следовать объездными путями⁹.

Хотя всех «отказников» объединяла единая цель – покинуть СССР, в идейном плане это движение не было монолитным и подразделялось на две «фракции». Одну из них составляли «культурники». Группировавшиеся в большинстве своем

вокруг журналов «Евреи в СССР» и «Гарбут», они считали приоритетным для себя не столько эмиграцию, сколько осуществляемое путем приобщения евреев к культуре, религии предков, вековым народным традициям возрождение национального самосознания. Реализация этой задачи предполагалась ими в любых условиях, поэтому выезд из СССР не рассматривался как нечто необходимое и обязательное, хотя сам исход виделся только в одном направлении – исключительно в Израиль. Уже в конце 1980-х годов на почве «культурничества» возникло движение так называемых «общинников» (М.А. Членов и др.), которые буквально с нуля принялись воссоздавать еврейскую культурно-национальную автономию в России.

Другая «фракция» объединяла «политиков». Они численно доминировали над «культурниками» и были, напротив, убеждены в том, что в силу тоталитарного характера власти в СССР еврейское национальное возрождение здесь в принципе не возможно и потому единственное спасение – вне красной империи. И не важно, куда эмигрировать – в США или Израиль, главное – избежать окончательной ассимиляции, грозившей, по их мнению, всем евреям, оставшимся в Советском Союзе. И если «культурники» получали помощь, в том числе пропагандистскую и финансовую от Израиля, то «политики» – от правительственных и общественных организаций США и Западной Европы.

Это была массивированная поддержка, оказываемая широким спектром структур – от международных еврейских (Всемирная сионистская организация, Всемирный еврейский конгресс и др.) до ООН и парламентов и правительств стран Запада. Окрыленные такой широкой солидарностью, советские «отказники», прежде всего, «политики», бросили доселе невиданный открытый вызов мощной советской репрессивной системе.

На этапе становления еврейского национального движения (ЕНД), с середины 1960-х годов, основной формой борьбы против антисемитизма и за свободную эмиграцию были митинги в ставшем символом Холокоста Бабьем Яру в Киеве (начиная с 1968 г.), а также обращения с коллективными петициями, открытыми письмами, воззваниями к властям, зарубеж-

ным правозащитным организациям, авторитетным общественно-политическим деятелям. Мировое сообщество информировалось об этом через иностранных корреспондентов, аккредитованных в Москве, западных туристов, через выезжающих на «пмж» в Израиль.

Но власти не собирались уступать, и вот тогда радикально настроенные «отказники» пошли, что называется, на обострение. Летом 1970 г. группа во главе с Эдуардом Кузнецовым и Марком Дымшицем решила вырваться из СССР, предприняв попытку захвата самолета местной авиалинии «Ленинград – Приозерск». До сих пор точно не установлено, была ли эта во многом авантюристическая акция спонтанной или инспирированной КГБ, решившим прибегнуть к провокации, чтобы ужесточить репрессии против участников ЕНД. Во всяком случае, некоторых из них вскоре захлестнуло волной арестов, прокатившейся по Ленинграду, Риге и другим городам.

Однако вал протестных выступлений «отказников» сбить не удалось, наоборот, они заметно интенсифицировались, приобретая все новые формы: организация голодовок на Центральном телеграфе в Москве (лето 1971 г.); возникновение устойчивой традиции проведения под антиправительственными лозунгами и с привлечением корреспондентов западных СМИ демонстраций и пикетов на площадях в центре Москвы, а также у зданий и в приемных высших партийных, государственных и правоохранительных учреждений (ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, МВД СССР, Прокуратура СССР, ТАСС и др.).

Наибольшую активность в этих акциях проявляли радикально настроенные «политики» – так называемые «хунвейбины», которые, намеренно идя на риск, дерзко фрондировали с властями и иногда добивались парадоксального результата. Стремясь избавиться от наиболее активных лидеров ЕНД и, чтобы обезглавить его, КГБ в ряде случаев выступал за первоочередное предоставление израильских виз наиболее «беспо-

койным» своим подопечным. В январе – феврале 1971 г. только по Москве таким образом повезло 234 евреям¹⁰.

Однако наметившемуся с середины 1970-х годов сближению «политиков» с правозащитниками во главе с академиком А.Д. Сахаровым власти не намерены были мирволить. Возникновение такого опасного для Кремля союза было во многом неожиданным, поскольку до этого «отказники» сознательно игнорировали правозащитную деятельность, полагая, что борьба за общегражданские права и демократизацию в стране, которую они намерены были во что бы то ни стало покинуть, их не должна касаться, да и обострять и без того сложные отношения с властями, – значит, провоцировать их на дальнейшее ужесточение репрессий. За сугубую обособленность ЕНД выступали и финансирующие его западные сионистские организации. Однако вопреки этому резону лидеры «политиков» А. Щаранский, В. Рубин, В. Слепак и другие, вошли в Московскую Хельсинскую группу и стали действовать в рамках общедиссидентского движения. Ответом властей на создание единого фронта оппозиционной общественности стали произведенные в 1977–1978 гг. аресты таких активистов ЕНД, как Щаранский, Слепак, И. Нудель, И. Бегун. В последующие годы карающие длани КГБ дошли и до «культурников» И. Губермана, В. Браиловского и других.

Часто оказавшимся под стражей «отказникам» инкриминировали не политическую оппозиционность режиму, а уголовные преступления: шпионаж, спекуляция (на деле это была вынужденная распродажа безработными «отказниками» вещей, получаемых от западных благотворителей), тунеядство, хулиганство и т.п.

С конца 1970-х отмечается ужесточение эмиграционной политики. В результате к 1981 г. число «отказников» приблизилось к 40 тысячам¹¹. Особенно «нелояльных» из них все чаще стали судить за «политику», в основном, по статье 190 УК РСФСР «за распространение заведомо ложных обвинений, порочащих советский государственный и общественный строй».

На этот период пришелся расцвет могущества 5 (идеологического) управления КГБ, которое, наряду с прочим, было на-

целено на то, чтобы держать в «ежовых рукавицах» ЕНД. Сотрудники этой созданной еще в 1967 г. по инициативе Ю.В. Андропова структуры работали «комплексно»: проводили тайную слежку за активистами ЕНД, прибегая к шантажу, угрозам и «промывке» мозгов («профилактированию») в ходе «душеспасительных» бесед на Лубянке, вербовали из числа «отказников» негласных осведомителей, совместно с другими подразделениями КГБ осуществляли также административные задержания и домашние аресты «наиболее активных экстремистов». Не брезговали «оперативники» и вовсе незаконными приемами, в том числе и циничной провокацией: уличные нападения на «объекты наблюдения», избивание их «неизвестными», обвинение в хранении оружия и наркотиков, предварительно подброшенных в квартиры тех же «объектов». В отношении активистов ЕНД использовалось и такое «фирменное блюдо» ведомства Андропова, как направление «невменяемых» «отказников» на принудительное лечение в психбольницы.

Однако деятельность 5 управления не ограничивалось силовым воздействием на ЕНД. Совместно с идеологическим сегментом аппарата ЦК КПСС оно разрабатывало и реализовывало «мероприятия», направленные на поддержку национальной политики «партии и правительства» и бичующие «международный сионизм» и его «агентуру» в СССР: соответствующие публикации в СМИ писем и обращений лояльной режиму еврейской интеллектуальной и творческой элиты, а также «простых» еврейских тружеников; такого же рода пресс-конференции, документальные фильмы, контрпропагандистские статьи и книги специалистов по сионизму и т.п. Только в 1970–1971 гг. в СССР на русском и других языках было издано 59 книг и брошюр антисионистской направленности общим тиражом более 2 млн. экз.¹² Венцом такого рода пропагандисткой активности ЦК КПСС и КГБ стало учреждение в марте 1983 г. Антисионистского комитета еврейской общественности.

Крах СССР и новые перспективы

Во многом переломным как для судьбы страны в целом, так и для ее еврейских граждан в частности стал рубеж конца 1980 – начала 1990-х годов, окрашенный сочной палитрой политических красок горбачевской гласности и перестройки. Первые ощутимые признаки наступившей либерализации проявились уже в феврале 1986 г., когда был освобожден и выслан из страны Щаранский. Спустя год массово стали выпускать на волю других «узников Сиона». Пройдет еще два года, и империя, переживая период полураспада, начнет самопроизвольно разваливаться. В 1989 г. пал ключевой бастион ее внешней пограничной оболочки – Берлинская стена, внутри же страны стремительно усиливалось общественное брожение в Прибалтике, на Кавказе, других национальных окраинах супердержавы. Под напором этих процессов «еврейский вопрос» отошел в глазах руководства СССР на задний план. Слабевшему месяцу от месяца советскому режиму в его горбачевской ипостаси не оставалось ничего другого, как, демонстрируя Западу «новое человеческое лицо», перейти к тактике заигрывания с собственным еврейством.

Но плоды политической либерализации пожинали не только демократические, но и шовинистические силы, организационно оформлявшиеся тогда в общественные структуры наподобие «патриотического объединения “Память”». Главными идеологическими орудиями радикальных националистов, которые негласно поддерживались консерваторами в руководстве партии и «органов», стали великодержавный шовинизм и антиеврейская пропаганда. Дышавший на ладан официальный антисемитизм (практически сошел на «нет» к концу 1989 г.) как бы передавал эстафетную палочку давно вроде бы похороненному вместе с царизмом, но теперь возрождавшемуся более агрессивному идейному антисемитизму черносотенного пошиба.

Страх перед непредсказуемым будущим, тотальный кризис горбачевского режима, развивавшийся на фоне спонтанной либерализации, привели к «взрыву» еврейской эмиграции из СССР.

То было поистине массовое бегство людей из разрушавшегося на их глазах государства

Последовавший вскоре распад СССР и приход к власти в Москве лидеров новорожденной российской демократии, страдавшей как от политической неопытности, так и от многочисленных внутренних пороков (главным из них стало отсутствие у ее лидеров государственного мышления и исторической ответственности перед страной), еще более усугубили национальные проблемы на постсоветском пространстве, в том числе и так называемый еврейский вопрос. Вместе с тем, происходившее тогда кардинальное обновление верхних эшелонов политики, бизнеса, государственного управления, других важнейших сфер жизнедеятельности общества в значительной мере осуществлялось за счет тех, над кем еще совсем недавно тяготело проклятие «пятого пункта». Благодаря воцарившейся свободе национально-культурной и религиозной деятельности в очень короткий срок произошло воссоздание уничтоженной еще при В.И. Ленине еврейской общинной жизни. Правда, пользуясь плодами той же свободы, одновременно усилились и право-консервативные силы, часть которых выступила с экстремистских и юдофобских позиций. Однако возникшее на этой почве противостояние, несмотря на отдельные, иногда бурные, а то и скандальные проявления, в целом находится в рамках демократического законодательства.

И хотя, уйдя в прошлое, советский государственный антисемитизм иногда как некое фантомное явление и дает о себе знать в чиновной среде, которая его когда-то и породила, рецидив этой старой болезни вряд ли возможен. Во всяком случае, в новой России, где, к сожалению, уровень национальной нетерпимости, в том числе и общественной юдофобии, еще достаточно высок, еврей, тем не менее, перестал быть режимным человеком, человеком особой социальной «зоны». Теперь он может по своему свободному выбору либо ассимилироваться, слившись с окружающей этнической средой, либо избрать для себя парадигму общинного существования в диаспоре. Наконец, если голос крови заставит его устремиться к средоточию национальной жизни и национального духа, то волен вы-

ехать на историческую родину на основании закона, разработанного по демократическому стандарту. Более того, в отличие от прежних времен, может в любой момент возвратиться обратно. Все это позволяет смотреть на будущее России и ее многонационального народа, в котором евреи по праву занимают достойное место, с определенной долей оптимизма.

¹ Еврейская эмиграция в свете новых документов: [сб. документов] / под ред. Б.М. Морозова. Тель-Авив, 1998. С. 31; *Говрин Й.* Израильско-советские отношения, 1953–1967. М.: Прогресс-Культура, 1994. С. 148.

² *Говрин Й.* Указ. соч. С. 199–202; Международная еврейская газета. 2003. № 45–46.

³ Еврейская эмиграция в свете новых документов. С. 197.

⁴ Еврейское слово. 2005. № 2 (225).

⁵ Еврейская эмиграция в свете новых документов. С. 160–164.

⁶ *Свирский Г.Ц.* Заложники. М.: ПИК, 1992. С. 395.

⁷ Еврейская эмиграция в свете новых документов. С. 95.

⁸ Там же. С. 100.

⁹ *Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. М.; Вильнюс: Весть, 1992. С. 115–133.

¹⁰ *Беленькая Л., Зингер Б.* Наперекор: еврейское национальное движение в СССР и его идеология (1945–1976 гг.). Минск: МЕТ, 2004. С. 147.

¹¹ *Алексеева Л.М.* Указ. соч. С. 131.

¹² Еврейская эмиграция в свете новых документов. С. 122, 123.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сенявский Александр Спартакович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИРИ РАН, руководитель центра «Россия, СССР в истории XX века».

Жуков Юрий Николаевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИРИ РАН.

Аксютин Юрий Васильевич – доктор исторических наук, профессор Кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета (МГОУ).

Бокарев Юрий Павлович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН.

Быстрова Ирина Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН.

Иголкин Александр Алексеевич (05.02.1951 – 30.07.2008) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН.

Ильина Ирина Николаевна – кандидат исторических наук, заместитель директора Архива РАН.

Денисова Любовь Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического факультета Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина.

Костырченко Геннадий Васильевич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>А. С. Сенявский</i> XX съезд КПСС на весах истории	9
<i>Ю. Н. Жуков</i> Первый шаг в пропасть	30
<i>Ю. В. Аксютин</i> Отклики на XX съезд в стране и за рубежом	43
<i>Г. М. Иванова</i> XX съезд КПСС и ликвидация ГУЛАГа	70
<i>Ю. П. Бокарев</i> XX съезд КПСС и геополитика	91
<i>И. В. Быстрова</i> XX съезд и изменения военной политики СССР: междуна- родные и внутренние аспекты	114
<i>В. А. Шестаков</i> XX съезд КПСС: проблемы социально-экономической стра- тегии	131
<u><i>А. А. Иголкин</i></u> XX съезд КПСС и изменения в топливно-энергетической политике советского государства	163
<i>И. Н. Ильина</i> XX съезд КПСС и общественные организации в СССР	172
<i>Л. Н. Денисова</i> XX съезд и «женский вопрос» в политике Н. С. Хрущева	182
<i>Г. В. Костырченко</i> XX съезд КПСС и еврейская проблема в СССР в постста- линский период (1956–1991)	198
Сведения об авторах	218

Редактор-корректор
О.А. Пруцкова

Компьютерная верстка
Н.В. Васильевой, Л.П. Андриановой

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Подписано к печати 00.00.00. Формат 60 × 84/16. Заказ №
Тираж 300 экз. Объем 13,75 п.л. 00,00 уч.-изд. л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.